

Олег Пауллер

ПСЫ ВОЙНЫ

Противостояние

18+

Олег Пауллер

Псы войны. Противостояние

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пауллер О. Е.

Псы войны. Противостояние / О. Е. Пауллер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Приключенческая повесть является продолжением "Дневников Шеннона" и рассказывает о дальнейших событиях, которые развиваются в первой половине семидесятых годов в вымышленной центрально-африканской стране Зангаро. Попытка свержения нового правительства, предпринятая сторонниками прежнего режима, приводит к вовлечению в борьбу всё новых и новых сторон, которые преследуют самые разные цели.

Содержание

Наследство Шеннона	6
Тревожное утро	6
Амок	16
Совещание в интендантском архиве	26
Уарри	39
Поиски виновных	58
В Загорье	66
Что решит Лондон?	74
Закулисье	83
Расследование Прайса	83
Гарри Блейк, кто Вы?	90
Непростые решения	99
Флит-Стрит	108
Первый штурм	119
Луис	133
Уикэнд на берегу океана	143
Посол Когхил	155
Геологи	169
Конец ознакомительного фрагмента.	179

И будешь тверд в удаче и в несчастье,
которым, в сущности, цена одна...

Р. Киплинг

Наследство Шеннона

Тревожное утро

Ещё было темно, когда Вайант Окойе проснулся от какого-то внутреннего толчка. Он открыл глаза и посмотрел вверх: там смутно белел марлевый полог, которым была прикрыта его двуспальная кровать. Рядом посапывала секретарша: Кати как-то сама собой оказалась в его постели ещё пару месяцев назад. Доктор скрывал и стыдился этой связи, но ничего не мог с этим поделать: настырная девка прекрасно знала делопроизводство, говорила на трёх языках и вообще была толковой домоправительницей. За это время президент Зангаро к ней так привык, что не мог представить, как обойтись без неё. Он спустил на паркет свои худые ноги и не зажигая света нащупал шлёпанцы. Кати открыла глаза и сонно что-то прошептала.

– Спи, спи, – почему-то шёпотом произнёс доктор: в его апартаментах, расположенных в северном крыле дворца никого не должно было быть. Охранник стоял в начале коридора второго этажа, а прислуга спала в домиках на территории. Президентскую гвардию в составе двадцать отборных волонтёров возглавлял его лейтенант Эйнекс, который в отсутствие капитана Бенъярда выполнял функции личного адъютанта президента.

– Где теперь, Бенъярд? – подумал доктор. – И что там случилось с «Гвенко»?

Окойе всю ночь не спалось: тревожные новости из Уарри, самоубийство начальника жандармерии, тревожные слухи из Загорья – всё это не давало ему долго заснуть. Даже ласки Кати не могли его успокоить: президент Зангаро только под утро забылся тревожным сном. Теперь он стоял перед умывальником и смотрел в зеркало на своё осунувшееся лицо: последний раз он так плохо выглядел лет пять назад в Биафре, когда заведовал полевым госпиталем в Умуахии.

– Но тогда я был моложе, – подумал доктор. – Почистив зубы, он надел расшитую золотом бубу и вышел в коридор. Дремавший в его конце охранник вскочил со стула и вытянулся, всем своим видом показывая, что не спит. С некоторого времени в каждой смене состояло пять охранников: один дежурил у пулемёта на крыше, второй – в коридоре второго этажа, ещё один – у ворот, а остальные двое обходили периметр. Дежурная смена находилась в бараках в боевой готовности. Этот порядок две недели назад установил новый начальник – вахмистр Картр, бывший командос. Это был единственный ветеран, состоявший в дворцовой охране. Окойе был уверен, что сейчас он не спит, а обходит посты, проверяя как его люди несут службу. Хотя президент не встречался с ним раньше, он знал, что ему можно доверять и в вопросах безопасности часто полагался на его мнение. Раньше охранников дворца было меньше – всего шестнадцать человек, разбитых на четыре смены, но в каждой из них был командос. Окойе усмехнулся, вспомнив как ворчал на Шеннона Эйнекс, когда троих ветеранов перевели в состав жандармерии. Что же, полковник был прав, говоря о необходимости экспедиции в Загорье. Жаль, что она окончательно доконала его...

Влажный ночной воздух обрушился на президента, когда он поднялся на площадку, расположенную на крыше. После штурма она была переложена: по распоряжению Шеннона над главным входом во дворец её разобрали и сделали площадку, прикрытую каменным парапетом. Здесь на станке, приспособленном для стрельбы по воздушным целям, недавно был установлен небольшой прожектор и один из многочисленных трофеев полковника – русский РПД, у которого всегда дежурил солдат. По правилам, он не имел права отлучаться с поста даже по нужде. Доктора всегда интересовало, как постовой всё это терпит. На крыше было гораздо жарче, чем внутри дворца, где работал кондиционер. В начале сентября это всегда так: в последний месяц сухого сезона море прогревается так, что береговой бриз не приносит на сушу морской прохлады.

– Ничего, скоро начнётся сезон дождей и дышать станет немного легче, – пробормотал президент. Услышав его голос, постовой, который водил прожектором по кустам, расположенным за периметром, обернулся и встал по стойке смирно, чтобы отдать хозяину дворца честь, но Окойе остановил его жестом.

– Всё спокойно?

– Да, сэр!

– Скоро смена? – спросил он в полголоса.

– Через полчаса, сэр! – последовал чёткий ответ. – Сразу после рассвета, сэр!

– Потом отдыхать?

– Нет, сэр! Справлю нужду и ещё два часа буду на обходе. Разрешите продолжать наблюдение!

– Продолжайте...

Окойе покачал головой, не поняв эту странную военную логику, и подошёл к парапету. Его удивило, что солдат чётко отвечает на английский манер, употребляя обращение «сэр», а не «мон президент», как это произносят в жандармерии. – Надо будет поинтересоваться у Тебена.

Площадка всего на пару метров возвышалась над верхушками пальм, ободранными миномётными осколками, но с неё был хороший обзор. С трёх сторон площадки открывался вид на океан. Юг темнел мангровыми зарослями, едва различимыми на фоне мерцающего моря. Если бы не яркие звёзды, тёмную полосу, разделяющую воду и заросли, было бы невозможно разглядеть. На западе располагался порт: его можно было частично увидеть в проблесках маяка, немногочисленных огнях судов, причалов и бакенов. К северу от дворца одиноко белела колокольня католической церкви, в которой пару месяцев назад отпевали людей Шеннона и где теперь лежало его тело. За её башней угадывались огни полицейских барачков, где сейчас квартировала жандармерия. За ними тянулась тёмная полоса мангров, за которыми плескались волны. На восток смотреть было гораздо интереснее. Луч прожектора метался по шоссе, ведущему из порта в город, выхватывая отдельные его куски, площадку перед дворцом, а также поворот, ведущий к казармам. Причудливые тени стелились по земле, вызывая странные образы и ассоциации. За шоссе тянулся лесопарк, в котором помаргивали огни коттеджей. Эти домики, в которых раньше жили сливки колонии, были хаотически разбросаны на небольшой территории, отделявшей дворец от города. Ночной бриз раскачивал кроны пальм, которые закрывали ровные цепочки фонарей, освещавших улицы Кларенса. Их регулярность нарушалась всего в нескольких местах. Президент догадался, что одним из источников этого светового беспорядка является отель «Индепенденс», имевший собственную электростанцию, а другим – правительственный квартал, примыкавший к площади Победы. Дальше за ними яркость освещения быстро убывала и если бы не красные огоньки аэродрома, то могло показаться, что там заканчивается мир, если бы не верхушки далёких гор, подсвеченных лучами восходящего солнца.

Президент смотрел на них и думал о событиях последней недели, которые тяжким грузом легли на его плечи. Самоубийство начальника жандармерии, взрыв судна в Уарри, исчезновение адъютанта, слухи о новом появлении солдат Кимбы в Загорье – всё это сильно беспокоило его.

– Да, президентом быть не просто, – пробормотал он и стал анализировать события. Скажем, полковника Шеннона ещё можно понять – у него была тяжёлая форма рака лёгких и сепсис. Просто удивительно, как он выдерживал нагрузки последних дней. Солдаты доложили, что последние дни его буквально несли на руках к перевалу Акука. В своём прощальном письме он честно признался, что знал о своей болезни, и поэтому согласился организовать штурм Кларенса. Однако, он не представлял, сколько проблем возникнет после этого, и извинился за то, что втравил соратников генерала Оджукву в эту авантюру, а сам выбыл из строя. Что же

Бог ему – судья, но Окойе не собирался отказываться от власти из-за каких-то предсмертных строчек. Тем более, что у Зангаро были блестящие перспективы в будущем – месторождение платины. Концессию на него можно будет продать и тем самым обеспечить стабильность власти. Конечно, отсутствие такого спеца как Шеннон будет печально, но не фатально. Президента сейчас гораздо больше волновал вопрос, что произошло с «Гвенко» и его личным адъютантом на борту. Капитан Бенъярд собирался забрать в Уарри недостающее оружие и боеприпасы и доставить их вчера в Кларенс, но что-то пошло не так. Спарксу удалось перехватить обрывки радиопереговоров между капитанами кораблей, следовавших в Уарри. Из них следовало, что позавчера ночью в порту произошёл взрыв на борту какой-то старой калоши под зангарским флагом. Это мог быть только «Гвенко». Поскольку официального сообщения из Гвиании не поступало, оставалась призрачная надежда, что с Генри всё обошлось. Тогда будет можно подумать и о новой экспедиции в Загорье.

Президент Зангаро посмотрел на часы. Стрелки показывали без пяти минут шесть, осталось всего несколько минут до рассвета. Солнце поднималось столь быстро, что можно было вверху разглядеть фиолетовые перистые облака. Ночная мгла быстро рассеивалась: сквозь неё стали проступать отдельные предметы. Вдруг, окутанные предрассветной дымкой Хрустальные Горы окрасились в красно-красный цвет: это солнечные лучи попали в полосу тумана на их обратном, создав удивительный оптический эффект.

– Будто кровь в хрустале, – нахмурившись произнёс доктор.

– Что, сэр? – не понял его солдат. Он уже выключил прожектор и возился, надевая на него чехол.

– Красивый восход, – Окойе махнул рукой в сторону гор. – Наверное такое часто здесь бывает?

– Первый раз вижу, сэр! – ответил солдат. – Обычно над горами нет такого тумана.

Солнце поднялось уже над верхушками гор, и явление пропало.

– Смотрите, сэр, – произнёс солдат, приводя пулемёт в боевое положение. От города к дороге на небольшой скорости двигались два крытых грузовика. Тем временем, на площадке появился вахмистр Картр. Было видно, что он спешил, но дыхание его было ровное. Окойе удивился быстроте его появления: караулка, где находилась дежурная смена, располагалась в цокольном помещении дворца. Зазвучала сирена тревоги, ей откликнулась другая – в полицейских казармах, затем ещё одна – откуда-то из города. Двое солдат с пулемётом выскочили из парадной двери и перебежали к воротам. Из барака поодаль стали выскакивать солдаты. Они разбежались по двору, занимая позиции вдоль периметра. По-видимому, каждый из них знал, что делать. Президент с любопытством наблюдал за приготовлениями к обороне.

– Сэр, здесь может быть опасно, спуститесь вниз, – Картр дёрнул доктора за рукав бубы. – Вам надо переодеться. Лейтенант Эйнекс уже Вас разыскивает.

Президенту было очень интересно понаблюдать с крыши за действиями своей охраны, но он нехотя подчинился указаниям вахмистра. Спустившись с крыши вниз, он увидел в коридоре трёх своих гвардейцев в полной экипировке. Один из них о чём-то разговаривал с Кати, которая уже была одета. Это был лейтенант Эйнекс.

– Доктор, мы Вас всюду ищем, – без лишних церемоний произнёс он. – Вам надо срочно одеться и быть готовым. Два неопознанных грузовика приближаются ко дворцу...

– Знаю, видел, – сварливо произнёс Окойе. – Я был наверху!

– Господин президент, надо предпринять все необходимые меры предосторожности. Оденьтесь и, пожалуйста, спуститесь в подвал, когда начнут стрелять.

– Откуда взялись эти машины? – запричитала Кати. – Кто это.

– Не знаю. Сейчас выясню.

Тут в коридоре появился мажордом дворца Джойд Куома. В отличие от своего обычно щеголеватого вида, он был одет кое-как. Сразу было видно, что его подняли с постели.

– Что случилось?

Эйнекс начал повторно описывать создавшуюся обстановку, но Окойе его перебил:

– Лейтенант – Ваше место сейчас с Вашими людьми!

– Да, мой президент! – начальник охраны что-то сказал охранникам, а сам побежал куда-то вглубь дворца.

– Джойд, Кати, – спокойно произнёс президент. – А я пойду одеваться, а Вы подберите самые необходимые вещи и документы.

Как только его помощники кинулись, Окойе неспешно направился в гардеробную и начал тщательно одеваться. Минут через пять послышался отбой тревоги:

– Ну вот, всё обошлось, – произнёс он вслух и продолжил утренний туалет. Через десять минут он направился в свой кабинет и по селектору вызвал Кати:

– Миссис Брегма, что там случилось!

– Прибыл капитан Бенъярд, мсье, – послышался голос Кати. – Он ждёт в приёмной.

– Генри? – радостно воскликнул Окойе. – Пусть немедленно входит. А что с грузовиками?

– Они поехали в арсенал...

Не успела Кати договорить, как дверь распахнулась и в неё вошёл личный адъютант президента. Его мундир был помят, лицо запылено, на лице его была широкая белозубая улыбка.

– Слава Богу, живой! – президент вскочил из-за стола и обнял соратника и друга. – Голоден?

– Угу, – сказал капитан, высвобождаясь из рук шефа.

– Садись поудобнее, устраивайся и расскажи о том, как ты здесь оказался. Я ведь думал, что ты погиб при взрыве «Гвенко», – доктор включил селектор на громкую связь и произнёс: – Кати принеси нам кофе и галеты!

– Одну минуту, господин президент! – раздался голос секретарши. – А как же завтрак?

– А что у нас сегодня в меню?

– Разве вы забыли, месье, что у нас подают по пятницам?

– Кати, милая, всё настолько однообразно, что я всё время путаюсь.

– Помимо того, что Вы запросили, мистер президент, будут фрукты.

– Вот и хорошо. Подайте их сюда!

– Да, господин президент. Тут ещё к Вам рвётся лейтенант Эйнекс. Он хочет доложить...

– Передайте ему, что я занят, – Тут Окойе обратился к Бенъярду: – Сколько тебе понадобится времени. Если коротко – двадцать минут, если подробно – то два часа.

– Ладно. Мне ещё кое-что тебе надо с тобой обсудить, – президент снова наклонился к селектору. – Кати я три часа буду занят! Меня ни для кого нет!

– Но, доктор, к Вам записан на приём доктор Арвидсон!

– На сколько!

– Ровно в десять.

– перезвоните в госпиталь и перенесите встречу на час позже.

– Да, господин президент.

Пока Окойе разговаривал по селектору, Бенъярд пристально следил за ним. Уловив его внимательный взгляд, президент спросил:

– Что-то не так?

– Мне кажется, она тебя зацепила, Вайянт!

– С чего ты взял, Генри?

– Вы с ней стали по-иному общаться. Ты с нею спишь?

Доктор нехотя кивнул головой.

– М-да, – потянул Бенъярд. – Смотри, не увлекайся...

Тут дверь открылась и на пороге появилась Кати. Она успела сменить свой простой дорожный костюм, в который была одета утром, на короткую чёрную юбку и ослепительно белую блузку. На её ногах были прозрачные чулки и туфли на шпильках. Несмотря на небольшой рост, она выглядела сногшибательно. Благодаря юбке и высоким каблукам её ноги казались необычайно длинными. Оба мужчины смотрели на неё не отрывая взгляд.

– Кушать подано, – сказала она и ослепительно улыбнулась. Затем она подала прислуге сигнал прикатить сервировочный столик. Затем личный секретарь президента повернулось и, виляя задом, вышла из комнаты.

– Да, – потрясенно произнёс Бенъярд. – Кати сильно изменилась за последние пару недель.

– Это верно, – поддакнул Окойе и пригубил кофе. Он подождал, когда слуги выйдут из кабинета и неожиданно спросил. – Виски будешь?

– С утра? – удивлённо спросил Бенъярд.

– Угу, с утра!

– Пожалуй, буду!

Доктор подошёл к шкафчику и достал оттуда початую бутылку виски. Разлив его по стаканам, предназначенных для сока, он спросил:

– Лёд нужен?

Бенъярд отрицательно покачал головой и спросил:

– А Шеннон скоро будет?

– Нет больше Кота на этом свете, – грустно произнёс Окойе.

– Как нет? – удивился Бенъярд. – Уехал?

– Нет, умер. Давай, за него и выпьем!

– Давай, – не чокаясь мужчины отхлебнули виски из стаканов и заели его галетами. – Как это случилось? Убит?

– Нет. Сам застрелился. Оставил письмо. Будешь читать?

– Потом. Жаль, хороший был командир.

– Хороший, – согласился президент со своим адъютантом.

– Как мы без него управимся?

– Как ни будь управимся?

– Я, как раз, для жандармерии мины и ракеты доставил...

– Вот об этом и докладывай.

– Одну минуту, дай поесть.

– Поешь, как следует – нам предстоит долгий разговор, – президент положил себе в тарелку очищенный плод манго...

Бенъярд жадно набросился на галеты и фрукты, запивая их кофе, а президент задумчиво смотрел на своего адъютанта, думая о чём-то своём. Минут через пять завтрак закончился, и адъютант президента начал свой рассказ:

– Ещё, когда я был в Луисе поведение Мутото мне показалось подозрительным. Он постоянно юлил и всё норовил получить хотя бы часть денег за оружие авансом...

– Я знаю Мутото, – прервал рассказ Окойе. – Он когда-то работал осведомителем в полиции здесь, а потом – в Гвиании. Насколько я слышал, он преуспел и открыл частный бизнес. Как он оказался замешан в наши дела?

– Мне его рекомендовали англичане, прибывшие сюда на переговоры...

– Ну да, ну, да! Естественно, что мой старый знакомец, работал полицейским осведомителем до независимости, потом уехал в Луис, – нахмурился президент. – ...он должен был рано или поздно стать агентом МИ-6. Эти не гнушаются ничем. Для них чем дряннее человек, тем ценнее агент...

– Да, такого легче взять на крючок, – закивал Бенъярд. – Так вот, несмотря на гарантии со стороны мистера Смелли и его друзей я сильно засомневался в честности Мутото. Особенно меня насторожила его встреча с одним зеленоглазым европейцем. Он недавно приезжал в Кларенс и интересовался вопросами безопасности.

– Ну и что?

– Всё бы ничего, если бы этот тип не исчез из нашего поля зрения в ночь убийства Морисона.

– Вот как?

– Да. Я предположил, что идёт какая-то двойная игра и не ошибся. Нам противодействовали!

– Вот как? – воскликнул доктор. – Кто это может быть? Русские, китайцы?

– Не могу сказать, но Смелли пообещал поделиться информацией после окончания расследования. Учитывая, что Ювелен по национальности француз, я думаю, что это дело рук Фоккара и его людей.

– Чего они добиваются? Включит Зангаро во франко-малагасийское сообщество? Какой смысл?

– Не знаю. Так случилось, что «Гвенко» из-за поломки задержался в море и пришёл в порт на сутки позже, чем планировалось и задержался с разгрузкой. Вечером я сказал Мутото о задержке и изменении условий платежа. Он что-то сильно разнервничался, что мои опасения в его двойной игре только укрепились. Поэтому, я решил не рисковать грузом и погрузить оружие на борт непосредственно перед выходом в море. Ночью «Гвенко» взлетел на воздух – погиб весь каботажный груз и взрывчатка для горных работ...

– А люди?

– Судно охранял Умбала. Помните такого гвардейца?

Окойе кивнул.

– Он и двое матросов были на борту в момент взрыва. Их тела не нашли...

– Жаль.

– Норбиатто и моторист по моему распоряжению ночевали на берегу. Итальянец сейчас занимается оформлением документов по страховке за судно, а моторист сопровождал вместе со мной грузовики с грузом.

– Оружие?

– Нет, – Бенъярд отрицательно покачал головой. – Только трёхдюймовые мины и ракеты «Брандт» для наших «Миниконов». Полторы тысячи штук.

– А где оружие, которое поставил Мутото? То, что было в пакгаузе...

– Его не было. Когда таможенники вскрыли ящики, которые привёз Мутото, там оказалась груда металлического хлама: мотыги, кирки, лопаты...

– Вот таможенники, наверное, удивились? Ведь они ожидали увидеть что-то другое?

– Я думаю, что да. Норбиатто рассказал, что у их начальника глаза на лоб вылезли, – усмехнулся Бенъярд. – Он понял, что кто-то им дал наводку: они явно ожидали найти оружие.

– Получается, что мошенничество Мутото, помогло нам избежать крупного скандала, – заключил Окойе. – Как ты думаешь, это наши новые друзья-англичане?

– Точно нет, – Бенъярд уверенно замотал головой. – Их агент помог мне с вывозом оружия и сопровождали прямо до нашей границы.

– Даже так, – потянул доктор.

– А где ты взял грузовики?

– Нанял в Уарри через фирму «Соваж». Она принадлежит Мариту Гомаду, отставному подполковнику из Конго. Он работает на англичан. Его люди на четырёх грузовиках сопровождали меня до развилки Равнинной дороги.

– Подожди, как это? Вы нелегально пересекли нашу границу?

– Вовсе нет. Совсем легально. «Соваж» имеет разрешение на пограничную торговлю. Они пересекли границу под предлогом скупки фруктов в Стране Кайя и заплатили налог за пересечение границы лейтенанту Слиту.

– Налог или взятку?

– Честно говоря, не знаю. Пусть разбирается Дусон...

– А почему ты не открылся Слиту?

– А на фиг нам огласка? Гебе решил бы обыскать наши грузовики и задержал нас на пару часов, проверяя остальные машины. А так ни он, ни его люди даже в кузов не заглянули...

– Ну ты даешь, Генри! Не ожидал!

– Я сам не ожидал от себя такого. Кстати грузовики надо будет чем-нибудь загрузить, чтобы не вызвать подозрение на Гвианской границе. Сегодня в полночь там должно быть шесть грузовиков, загруженных нашими продуктами.

– Я думаю, что бананы подойдут?

– Угу, – Бенъярд утвердительно кивнул головой. – Деньги за груз будут перечислены в банк на счёт нашего казначейства. Всё уже согласовано.

– А не обманут?

– А кокой им сейчас в этом смысл?

– Верно. Послушай, а что с Мутото.

– Не знаю, – пожал Бенъярд плечами. – С прошлого утра его никто в Уарри не видел. Думаю, пустился в бега...

– Ну теперь всё более или менее ясно. Только что теперь с поставкой оружия, которое нам обещали англичане.

– Они обещали решить вопрос в кратчайшие сроки.

– Это хорошо. А теперь я хочу с тобой переговорить о новой должности. В результате самоубийства Шеннона место начальника жандармерии вакантно. Я хотел бы предложить его тебе.

– Мне? А почему не назначить на эту должность Пренка? Он гораздо опытнее меня.

– Он – хороший человек, но чистоплюй. Я его, пожалуй, назначу министром внутренних дел. Очень даже хорошо получится. К тому же он сопредседатель Ассамблеи.

– А Хорос?

– Он получит место министра безопасности.

– Зачем тебе это было надо, Вайянт? Зачем плодить министров? Лучше отдай Хоросу внутренние дела, а Кзура сделай вице-президентом. Министерство безопасности вообще не нужно...

– У тебя светлая голова, Генри! Я так и поступлю! Только Пренк не станет вице-президентом. Помнишь то заседание Госсовета, где он устроил обструкцию?

Бенъярд кивнул головой и прикрыл глаза. Он никогда лично не участвовал в этих заседаниях, но прекрасно знал со слов его участников, что произошло. В тот раз Пренк сорвал введение карательных мер против спекулянтов и заставил доктора пойти на попятную. По-видимому, Окойе не смог простить этого своему соратнику. Что же, прямота, честность и профессионализм Пренка сослужат правительству Зангаро отличную службу в тот день, когда он займёт место покойного Шеннона. Задумавшись, Бенъярд потерял нить размышлений своего шефа, который продолжал свой монолог:

... – Ты будешь не адъютантом, а моим личным представителем, министром по особым поручениям. Естественно, получишь майорские погоны и вторую степень «Звезды Зангаро».

– Майорские погоны мне ни к чему. Только зависть вызовут, а вот звезда не помешает...

– Нет. Этот вопрос уже решён. Ты не должен отставать от Пренка...

– Ладно. Я так понял, что твою охрану вместо меня возглавит Эйнекс? Он справляется?

– Да, я сегодня в этом убедился. Ему помогает вахмистр Картр. Я хочу их повесить в званиях.

– Не рано ли начинаешь раздавать звёздочки? Года через два до генеральских чинов дойдешь. Вайянт, мой тебе совет: прежде чем раздавать должности и чины, несколько раз подумай насколько люди соответствуют новой должности. Часто хороший исполнитель становится посредственным начальником и наоборот...

– Так что ты предлагаешь?

– По моему мнению, адъютантских аксельбантов Тебену будет вполне достаточно, а Картру дай ещё один шеврон. И ещё раз хорошенько подумай насчёт министерских портфелей. Комиссар Хорос – хороший полицейский, но и только: Никаких административных талантов я за ним не замечал! Ещё неизвестно, какой будет из него получится министр! И насчёт других кандидатов подумай тоже...

– В том-то и дело, что толковых людей-то у нас в обрез!

– Это верно, Вайянт, верных и умных людей мало. Однако прошло меньше недели после выборов, время ещё есть, чтобы подобрать нужных кандидатов, – Бенъярд на минуту прервался, а потом спросил: – А кого ты выдвинешь на пост вице-президента? Я понял, что кандидатура Пренка отпала само собой...

– К сожалению, да, – печально закачал головой Окойе, но его голос приобрёл металлические нотки. Вдруг раздался звонок по селектору:

– Говорите, Кати, – голос президента заметно потеплел.

– Прибыл доктор Арвидсон. Он требует немедленной встречи!

– Разве ты до него не дозвонишься и не перенесла встречу.

– Господин президент, доктор приехал не из госпиталя! Он был в гипносерии и связаться с ним оказалось невозможно!

– Хорошо, скажи, что я его приму через несколько минут, – Окойе щёлкнул переключателем и вновь обратился к собеседнику.

– Я назначу Робера Кауну, – важно заявил он. Увидев немой вопрос в глазах своего советника, президент засмеялся и произнёс. – Его никто не поддержал на выборах и, следовательно, он безопасен! Попытка сместить меня приведёт к его политической смерти.

– Резонно! Кто это подсказал?

– Это посмертный совет Шеннона. Вот почитай, – с этими словами президент Зангаро выдвинул ящик своего массивного письменного стола и достал оттуда вчетверо сложенный лист бумаги. – Держи, почитай на досуге. А сейчас мне пора! Ждёт доктор Арвидсон.

Как только дверь за Бенъярдом закрылась Окойе спрятал в шкаф остатки виски и стаканы. Затем он щёлкнул переключателем и произнёс:

– Кати, дорогая, пригласите ко мне доктора и подайте ещё кофе...

В то же самое утро в радиоцентре Габерона Сергей Александрович Голон собрал своих подопечных – министров правительства Зангаро в изгнании. Его сопровождал лейтенант Коренев, выполнявший роль переводчика. Он недавно вернулся из Гинкалы, куда был вызван Лунёвым. Он срочно затребовал Евгения к себе на базу, поскольку неожиданно для себя выяснил много интересного о порядке прохождения воинской службы в Богане. Он рано утром позвонил по телефону прямо Голону:

– Сергей Александрович, выручай. Тут у них такое творится, что без полбутылки не разберёшь.

– Чем я тебе могу помочь, Борис Николаич, – спросонок пробормотал дипломат.

– Мне нужен переводчик Коренев, срочно. Александр Васильич сказал, что он временно прикомандирован к тебе.

– М-да, а что скажет эээ...

– Он согласен.

– Хорошо, присылай машину.

Всего за три дня Коренев справился с поставленной задачей, при чём сделал это «отлично», поскольку прекрасно разбирался в местных нюансах. Вот что удалось ему узнать. По окончании основной школы всех молодых людей независимо пола и возраста на полгода направляют в молодёжный лагерь, где они проходят начальную военную подготовку и бесплатно работают на полях и стройках. После этого призывник сдает экзамены в специальную школу, чтобы овладеть профессией или продолжить обучение дальше. Если он проваливает экзамены, то на два года остаётся служить в армии или другой силовой структуре. По окончании службы солдат опять должен сдавать экзамены и куда-то поступить, но, если это не получается, он продолжает оставаться служить ещё год. Теоретически он может находиться на службе до окончания призывного возраста и сразу выходит на пенсию.

– Какой же у них тогда призывной возраст, Евгений? Лет тридцать? – спросил Голона, который вообще не имел никакого представления о принципах комплектования боганской армии. До этого он считал, что в ней служат исключительно добровольцы.

– Смотря для кого, Сергей Александрович. У мужчин – это шестьдесят лет, время выхода на пенсию, а у женщин – по-разному. У бездетных – тридцать один, а остальных снимают с воинского учёта после рождения первого живого ребёнка.

– Значит выкидыш не считается, – Голона достал пачку сигарет и стал её вертеть своими длинными артистическими пальцами. – Любопытно. Так что же Лунёву не понравилось?

– Понимаете, Сергей Александрович, некоторые боганцы сидят в армии лет по десять и даже больше, поскольку нерадивы или просто тупы. Вот именно таких ему и прислали для окончания строительных работ...

– Интересно рассказываешь, Женья. А что происходит с умниками?

– После окончания училища выпускник должен отработать четыре года на государственной службе по своей специальности. Однако, если будет установлено, что он уклоняется от неё или не может получить места, то его забирают в армию и отправляют на курсы сержантов. Тогда он должен служить уже четыре года! Потом он выходит в офицеры или демобилизуется.

– Неплохо. У нас бы так делали!

– Чего тут хорошего: в армию и полицию попадают, в основном, либо дебилы, либо лентяи. Когда майор Лунёв это выяснил, то был чрезвычайно раздражён этим фактом и устроил разнос местному командованию. Ух и ругался он крепко!

– Как же майор вышел из этого положения?

– Очень просто, товарищ советник. Я обнаружил, что все военнообязанные боганцы должны раз в месяц проходить военные сборы. Вот он и сговорился с местным комендантом, чтобы он подобрал нужных людей и мобилизовал их.

– А есть ли среди солдат уклонисты, как ты думаешь?

– Не знаю. Может и есть: ведь им выдают паспорта только после прохождения службы военной или государственной, не важно. Получается, что уклонисту выехать из Боганы невозможно, только сбежать.

– Ты отлично справился с поручением Евгений! – похвалил переводчика дипломат. – Теперь будешь помогать мне и также чётко стенографировать заседания правительства Зангаро. Будешь это делать хорошо – представлю к награде.

Заседания Революционного Правительства Зангаро в Изгнании проходили регулярно. Кроме Голона с переводчиком на них всегда присутствовал майор Такон, начальник Политического Бюро – боганской госбезопасности. Он представлял интересы своей страны и координировал распределение помощи революционерам.

– Товарищи, – торжественно произнёс советник. – Хочу сообщить Вам, что три дня назад началось решающее наступление на наёмников империализма. Детали я пока Вам не раскрываю, но к середине октября повстанцы должны овладеть Кларенсом...

Присутствующие зашевелились: глава правительства Руф Дерек скорчил недовольную гримасу, Небул Оббе заёрзал на стуле, а Кабор Куин громко засмеялся. Один только Энекин Флет сохранял полное спокойствие. Когда эмоции поутихли, он произнёс своим странным замогильным голосом:

– Кто-то из министров должен быть с действующей армией.

– Резонно, – поддержал его Голон. – На освобождённой территории должны присутствовать члены правительства. Кого направим в Коро?

– Да, кого? – переспросил Руф Дерек и обернулся, чтобы посмотреть на реакцию своих коллег.

– Но там есть полковник Буасса, разве этого недостаточно? – растерянно произнёс Оббе.

– Он представляет военные власти, а нам нужен гражданский представитель, – терпеливо стал объяснять Голон.

– К сожалению, я не могу ехать, – важно произнёс Куин. – У меня на послезавтра назначена встреча с представителями нашей диаспоры в Конго.

– Ага, – кивнул головой Дерек, – но ты можешь к этому времени вернуться...

– Разве мне выделяют вертолёт для поездки?

Голон наклонился к Кореневу и о чём-то пошептался с ним, а потом отрицательно покачал головой:

– Нет, вертолёта я обеспечить не смогу. В лучшем случае джип!

– Тогда я точно не могу ехать, – произнёс Куин, в голосе которого прозвучало облегчение. Оббе нахмурился ещё сильнее: все замолчали.

– В Страну Винду поеду я, – закрипел Флет. – Я соберу местных «пантер» и напомним вождям и шаманам о славных традициях бавинду...

– Только без эксцессов, пожалуйста, – замахал руками Руф Дерек.

– А разве они могут быть? – наивно поинтересовался Корнев.

– Конечно, нет, – плотоядно улыбнулся министр.

Амок

Авангард Первого повстанческого батальона АОЗ уже второй день находился в боме Коро. Это было самое крупное селение бавинду по пути к перевалу. Деревня, окружённая тыном из заострённых кольев, густо заплетённых колючим кустарником располагалась прямо по середине небольшого латеритового плато. Первый повстанческий батальон занял его 4 сентября: ровно через три дня после прибытия Акимцева в распоряжение особой роты. Первоначально, он планировал изучить обстановку и познакомиться с своими подчинёнными, но не тут-то было. Рано утром следующего дня в его лагерь прилетел МИ-4. На его борту оказались министр Энекин Флет, Алек и несколько офицеров, одетых в униформу боганской армии. Единственным европейцем из них находился майор Лунёв.

– Капитан! Я привёз полковника Спати Буассу, – он важно обратился к Акимцеву. – Решением Правительства он назначен Командующий Армией Освобождения Зангаро и командиром батальона. Мне кажется, Вы хорошо знакомы.

– Да, товарищ майор, – автоматически ответил Акимцев. Он пожал потную руку Буассы и с любопытством посмотрел на бывшего заместителя начальника президентской гвардии. Последний раз он его видел в низовьях Зангаро, когда он пытался увести свой отряд через горы. Он их перешёл, но из тридцати человек привёл только одного. Остальные по слухам погибли. После перехода через Хрустальные горы он так и не восстановил свой вес, что весьма удивило Акимцева.

– Здравствуйте, капитан, – хищно оскалился полковник, протягивая ему руку. – Снова будем воевать вместе...

На его лице проскользнуло какое-то странное выражение. Казалось, он на миг превратился в какое-то голодное хищное животное.

– Здравствуйте, Спати, – отрешённо произнёс Акимцев, приложив руку к своей панаме. – Я не надеялся Вас больше увидеть. Как Вам удалось перебраться через горы?

– О, это отдельная история, – в глазах полковника вновь сверкнул хищный огонь. – Я когда-нибудь Вам об этом расскажу, если захотите...

– Я рад, что Вы нашли общий язык, товарищи, – произнёс Лунёв. – А теперь приступим к делу.

Начальник советской военной миссии в Богане кратко изложил план наступления на перевал. Вы, Акимцев, вместе с особой ротой должны завтра на рассвете выступить на Коро и взять его не позднее четвёртого сентября. Там планируется организовать передовую базу снабжения для наступающих войск. С вами пойдут лейтенант Мванза и сержант Эвалт.

– Основные силы Первого Повстанческого батальона налегке уже выступили из Базакима и завтра уже будут здесь, их ведёт капитан Босс. Полковник Буасса будет ожидать их в Коро, после чего он возглавит маршевую колонну. Срок её прибытия в Коро – пятое сентября. К этому времени Вы, капитан, расчистите там площадку для посадки вертолёт. Тяжёлое оружие батальона и остальное снаряжение будут доставлены сразу туда. Наш вертолёт, – Лунёв кивнул головой в сторону МИ-4, стоявшему недалеко от штабной палатки, – будет обеспечивать снабжение передового лагеря. Дальше на север его мы посылать не будем во избежание дипломатических осложнений. Есть ли какие-то дополнительные соображения?

– Я не уверен, товарищ майор, что ста двадцати человек хватит для захвата перевала, – устало произнёс Акимцев. У него было ещё много вопросов, но с чего-то надо было начинать.

– А кто сказал, что это все наши силы? Следом за Вами будет двигаться Третий батальон АФФ субкоманданта Неро, – рассмеялся Лунёв, уловив настороженный взгляд Акимцева. – Да, да! Именно тот, который Вы готовили под Габероном!

– Когда он прибудет, если не секрет?

– Всё зависит от того, как Вы быстро продвинетесь к перевалу, Акимцев.

– Если всё пойдёт по плану, то десятого сентября я буду на перевале.

– Значит к середине месяца ждите своих бывших подопечных на перевале. Вам всё понятно, товарищ капитан?

– Так точно, товарищ майор!

Беседа шла на русском языке, поэтому Буасса и остальные офицеры только хлопали глазами, слабо понимая о чём идёт речь. Буасса первым сообразил обратиться к Алеку. Тот начал было переводить, но Лунёв вдруг остановил его:

– Не надо это переводить, лейтенант Мванза! Их это не касается. Вам это понятно?

– Да, товарищ майор!

Когда майор и сопровождающие его лица стали садиться в вертолёт, винты которого понемногу набирали обороты, Акимцев подошёл к Лунёву и тихо спросил:

– Борис Николаевич, разрешите обратиться!

– Да, Евгений, слушаю. Только недолго.

– Скажите, почему прислали Буассу. Он же вроде как министр?

Лунёв странно усмехнулся:

– Был министром – стал комбатом. Там, – он многозначительно поднял глаза вверх, – решили, что так будет лучше. Министром стал камрад Сейнега...

– Но, майор Зигунов...

– Майор отвечает за боевую подготовку, а не за политику. К тому же Буасса один из немногих военных из Зангаро, которые у нас есть. Береги его!

– А как с субординацией?

– Считаю, что он тебе подчинён.

– То есть, я правильно понял, что имею право единолично принимать решения?

– Да. Он не будет вмешиваться в тактическое командование.

– А в остальном? – Акимцев попытался перекричать гул винтов.

– Товарищ майор, – вдруг рядом раздался голос капитана Галицкого. – Пора лететь...

– Да, сейчас, – оглянувшись на него Лунёв. Он протянул руку Акимцеву и добавил: – Авы, товарищ капитан, действуйте по обстановке. Тут от Вас всё сейчас зависит!

– Понял, Борис Николаевич! – Акимцев приложил руку к своей панаме и отошёл в сторону.

– Последние наставления начальства? – произнёс тихо подошедший Алек. От неожиданности Евгений вздрогнул, но потом сообразил, что шаги лейтенанта заглушил гул взлетающего вертолёта.

– Скорее инструкции, как действовать в внештатной ситуации, камрад, – ухмыльнулся Акимцев. – Вас это тоже касается.

Марш на Коро прошло без эксцессов. Дорогу показывал Эвалт, который за последние пять недель только и делал, что изучал окрестности. Топографических карт местности, на которой предстояло воевать не было. Поэтому Акимцев использовал своеобразные схемы, которые набросал его предшественник лейтенант Липкин. Они были составлены на основе личных наблюдений лейтенанта, сержанта Эвалта и информации местных жителей. Картами это можно было назвать с большой натяжкой: это были скорее кроки, где указывались видимые ориентиры и примерные расстояния до них. Они охватывали треугольник, большую часть которого занимало латеритовое плато. Его основанием которого были Хрустальные горы от боганской границы до Буюнги, а вершиной – Базаким. К югу от перевала Акука гилеи отступают от подножья гор на несколько километров и в начале сентября уже не представляют того буйного великолепия, которое им присуще в остальные месяцы. Это связано с тем, что в канун сезона дождей меняется направление атлантических ветров, прорывающихся через Хрустальные Горы. Дождевые облака, висящие над Загорьем, уходят к востоку и лес подступивший к подошве гор

на время высыхает, образуя полосу саванны шириной пять-шесть километров. В это время восточный склон представляет поросшую густым кустарником равнину, прикрытую кронами лесных великанов. За месяц пологий восточный склон подсыхает под действием прямых солнечных лучей, а краснозём, покрывающих их, в результате десквамации постепенно превратился в твёрдую глинистую корку, которую можно разбить разве что киркой или мотыгой. Благодаря многолетней эрозии склона образуется латерит, который не в состоянии размыть даже обильные тропические дожди. Горные кланы бавинду издавна заселяли это район. В отличие от своих южных соплеменников они использовали латерит в качестве кирпича, строя из него дома. Если их южные сородичи постепенно ассимилировались своими соседями – фангами, бамилеке, бенга, то горцы сохраняли свою расовую чистоту и самобытность. Они хорошо освоили склоны Хрустальных Гор. Они пасли коз и сеяли традиционные для этой местности культуры: кукурузы, сорго и бананов. С этим несложным хозяйством легко справлялись дети и женщины, поэтому главным занятием мужчин была охота, охота не только на животных, но и на людей. Согласно теории Мванзы в Загорье сложилась типичная для народов, переживающих период «военной демократии», набеговая экономика:

– Лет двести тому назад, – рассказывал Алек, – среди бавинду начались процессы, связанные с разложением родовой общины. Появление европейских торговцев на побережье привело к росту имущественного неравенства. Сначала оно происходило на уровне кланов, а затем и внутри них. До появления Мурата у местных племён уже были признаки концентрации военной власти у родовой верхушки. Этот самородок воспользовался этой ситуацией для укрепления своей власти в Загорье. В его туземной империи военные предводители стали играть важную роль: получив нарезные ружья, они сначала поработили более слабые кланы, а потом стали нападать на своих соседей. Часть периферийных кланов бамилеке, фангов и бакайя попали под их власть. Они стали нести повинности, в первую очередь, принудительные работы. Именно при Мурате самые мощные кланы бавинду поменяли свои социально-экономические функции на военно-полицейские.

– Но как Мурат контролировал гилеи? – спросил капитан, не интересовавшийся историей Зангаро. – В них же чёрт ногу сломит!

– А никак, – пояснил Алек. – Мурат возложил эти функции на форонов – военных вождей бавинду. Согласно легенде, их было ровно шестьдесят. Каждый из них в мирное время мог иметь двадцать стрелков. Они следили друг за другом, собирали налоги со своих соплеменников и присылали свои отряды на помощь своему сюзерену. Подчинив гилеи, Мурат переселил несколько кланов в долину Зангаро, чтобы держать в страхе бакайя. Часть из них ушла на север, а остальные стали работать на королевских плантациях.

– Разделяй и властвуй! Чем не полиция!

– Именно так.

– А как же проходил сбор налогов?

– Налогов бавинду не платили, но основные продукты Загорья – каучук и кофе обменивали на соль и патроны по установленным нормам. За всем этим стояли фороны, которые распределяли товары среди своих поданных по своему усмотрению.

– Ага, понял. Двойная эксплуатация. А если форон что-то толкал налево?

– Такие случаи покрыты мраком тайны. Вероятно, всё это имело место...

– Но почему бавинду так деградировали за последний век?

– А почему Вы считаете, капитан, что они деградировали?

– Ну, – задумался Акимцев, – посмотрите, как они живут!

– При протекторате бавинду стали жить гораздо хуже, чем при Мурате. Произвол форонов, корве, неэквивалентный обмен...

– Разве фороны приобрели большую власть в это время? Я где-то читал, что колониальная администрация уничтожила это сословие!

– Формально – да, но фактически – нет. Многие из них, так сказать, перекрасились – стали чиновниками колониальной администрации.

– Ну тогда их должен был вычистить Кимба!

– Кимба? Ха-ха! Он сам происходит из этой прослойки. Как, по-вашему, он встал у руля государства? Откуда у него появились средства на образование, всеобщая поддержка бавинду?

– Я думал, что он выходец из простого народа, из самых низов. Так, по крайней мере, было написано в военно-политическом обзоре, который я читал, перед вылетом из Москвы.

– Вы всегда верите тому, что пишут Ваши политические руководители?

– Ну, скажем, не всегда, – замялся Акимцев и с интересом посмотрел на своего собеседника. Тот бодро шёл по тропе в Коро и всю жестикуюлировал:

– В Африке нет политики в обычном понимании, – говорил он. – Здесь если социализм, то он – африканский, если демократия, то – ограниченная, если правосудие, то – выборочное. Зато всюду присутствуют лень, взяточничество, попрошайничество...

– Я думал, что эти люди голодают...

– Они просто не хотят работать. Впрочем, хватит об этом...

– Вы так смело говорите о проблемах, Алек! Разве Вы не боитесь?

– Кого? Вас, Евгений?

– Ну, например, или Эвалта.

– Нет, не боюсь. Вы не скажете, а сержанту никто не поверит. Это ещё одна черта африканского общества – чем старше начальник, тем слышнее его голос. Аргументы остальных мы запросто не замечаем...

– Даже наших советников?

– Даже их. Мои соотечественники Вас любят и слушают, пока Ваша страна бесплатно нам присылает оружие, машины, продовольствие. Посмотрим, что будет, когда Вы захотите получить деньги...

– Зачем Вы мне это говорите?

– Хочу, чтобы вы не питали иллюзий в отношении их, – Алек махнул рукой на бредущих вереницей вооружённых людей.

Солдаты особой роты, подбадриваемые Алеком, вытянувшись в цепочку, дружно шагали по грунтовой дороге. Одеты они были в френчи и бриджи, сшитые из тонкой хлопчатобумажной ткани местного производства, лёгкие ботинки на каучуковой подошве и кепи. У многих за спиной висели широкие шляпы, сплетённые из местной соломы. Они одинакового хорошо спасали от палящего солнца и тропического дождя. Изучив особенности туземцев, Евгений изменил порядок марша. По уставу было положено делать десятиминутный привал после каждых пятидесяти минут движения, но Акимцев решил не соблюдать этих правил и останавливал колонну каждые два-три часа. После пятнадцати-двадцати минут отдыха, он вновь подымал солдат и вёл их вперёд. Стремясь как можно быстрее достичь Коро, он решил не делать перерыва на обед и перед выходам приказал раздать солдатам двойную порцию фуфы. Однако, получив обеденный паёк солдаты, несмотря на строгий запрет, съели его загодя. В результате марш к Кору занял у отряда Акимцева всего тридцать часов. До боганской границы было свыше сорока километров... Алек с пятью автоматчиками первым вступил в деревню. Он беспрепятственно прошёл место засады, в которую три недели назад попал отряд Двакки. Пока основная часть особой роты двигались к Кору, Евгений в сопровождении Эвалта осмотрел место боя. Исходя из условий местности, противник очень удачно расположил своих немногочисленных бойцов. Естественно, что весь расчёт был построен на безалаберности африканцев. Любой тактически грамотный офицер прежде, чем двигаться к деревне должен был осмотреть холм, контролировавший выход из джунглей.

– Что же вы, Эвалт, просмотрели противника? – спросил Евгений сержанта.

– Я находился в арьергарде, – ответил сержант на ломанном русском. – Двакка даже не спросил меня, когда повёл своих людей по той тропе. Когда началась стрельба, я только успел вывести своих людей из джунглей, – замахал руками сержант. – Они почти взяли высоту и заставили замолчать пулемёт, если бы...

– Если бы что?

– Снайпер, который засел где-то там, – сержант показал в сторону опушки. – Он не видел выхода на тропу, но прекрасно простреливал склон. Двое или трое моих бойцов получили выстрелы в спину.

– Вот как, – удивился Акимцев. – Ситуация не из приятных.

Капитан вспомнил свою стычку у бомы Дюма по дороге в Турек, а потом перестрелку у Виндубрюкке. Он рассеяно ходил между камней, представляя картину того боя. По его наблюдениям на холме занимали оборону трое, от силы четверо человек. Потом он стал спускаться с холма и чуть ниже тропы обнаружил несколько воронок от противопехотных мин и осколки гранат. Эвалт шёл рядом за Евгением и с любопытством осматривал место боя. По пути он разговаривал с сержантом:

– Эвалт, какое у Вас странное имя для африканца! Откуда оно взялось?

– Это не имя – это псевдоним, кличка.

– Кличка? Но вы же под ним числитесь во всех списках!

– Видите ли, капитан, меня так записали ваши кадровики, когда я приехал в Союз. А потом я решил его не менять. Моё настоящее имя – Алистер Эфионг.

– Так ты родственник генерала Филиппа Эфионга?

– Да, – опустил голову Эвалт. – Я его двоюродный племянник.

– Ты же должен был воевать на другой стороне!

– Мою семью захватили в плен федералы в самом начале той войны. Только мне удалось сбежать и добраться до Гвинеи, – напрягся сержант. – Там я поступил в ряды АФФ и быстро заработал доверие...

– Как?

– Вам лучше этого не знать, капитан. Зато русские они мою мать и сестрёнок из лап федералов. К сожалению, отца и брата спасти не удалось, – поник головой Эвалт. – Потом меня заслали к дяде, но я не справился...

– Не справился?

– Точнее, было поздно – Биатфра уже капитулировала. Дядя помог мне выправить документы и ..., – задумался сержант. – Так я стал Алом Эвалтом...

Акимцев спустился ниже тропы и наткнулся на два окопчика, рассчитанных на пару стрелков. Он оглянулся и увидел следы разрывов осколочных гранат и, вероятно, клейморов. Значит это был главный рубеж обороны!

– Вероятно, засаду устроили отборные бойцы, а их командир – прирождённый тактик, – произнёс он вслух. – Надо с ним держать ухо востро.

– Да, шеф, – подтвердил Эвалт. – Они сражались как дьяволы! Сколько моих бойцов положили, а их было гораздо больше...

– Почему Двакка не занял холм? Это же так очевидно!

– Не знаю, капитан. Мне кажется, что он не ожидал встретить врага здесь. Ведь они воюют по-другому!

– Кто?

– Аборигены. Их главная цель – захватить бому или сензал и перебить всех мужчин! Двакка мыслил также...

– Вот и поплатился!

– Да, капитан.

Когда Акимцев в сопровождении Эвалта вошёл в деревню, его поразило спокойствие, с которым его встретили жители, стоявшие у своих лачуг. С виду они были довольно примитивны: три стены, сплетённые из прутьев, промежутки между которыми замазаны латеритом, и что-то вроде свёрнутой циновки над входом.

– Не иначе это работа Алека, – подумал Акимцев, медленно вышагивая по узкой улочке. Когда они приблизились к центру, Эвалт что-то спросил у одного из туземцев, стоявшего у входа в одну из лачуг. – О чём это он? – поинтересовался Евгений.

– Объясняет куда нам идти, а заодно рассказывает, как любил Кимбу.

– Вот как? А ещё?

– Обещает показать всех, кто помогал «людям из-за гор» ...

– Это кто такие?

– Те, кто был здесь неделю назад. Люди, устроившие засаду Двакке...

– Интересно, что он может о них рассказать?

Эвалт довольно долго общался с туземцем, изредка прерывая его длинные тирады короткими репликами. Минут через десять он что-то сказал словоохотливому туземцу. Тот вдруг запнулся на полуслове и боязно посмотрел на Акимцева.

– Что он тебе рассказал? – поинтересовался Евгений.

– Ничего существенного. Он сказал, что здесь было около десятка людей в форме, которыми командовал один белый. Сюда их привёл местный колдун по имени Борот. Сначала эти люди расстреляли отряд Двакки, а потом уничтожили «пантер», которые ночью проникли в деревню, чтобы убить всех людей-из-за-гор. Потом часть из них ушла, а остальные жили здесь почти неделю. Вчера они ушли в Ойе...

– Что такое Ойе?

– Деревня к северу. Она должна быть на схеме, которую я составил.

– Ах, да, – медленно произнёс Акимцев. – Я забыл. Скажи, Эвалт, почему он так странно на меня смотрит?

– Я ему сказал, что Вы, капитан, брат того белого, – безмятежно произнёс сержант.

– Зачем?

– Чтобы он меньше болтал о наших врагах. Я почти уверен, что он укажет на тех, кто является его личным врагом, или кому он завидует. Реальных пособников «людям –из-за-гор» среди них будет не более двух-трёх.

– Ты в этом уверен?

– Спросите лейтенанта Мванзу – он тоже так думает. Даже местный колдун Борот не является нашим врагом. Скорее местные хотели избавиться от грабежей Двакки, чем поддерживать «людей-из-за-гор»...

– Почему ты так думаешь, Эвалт?

– Видите ли, капитан, я немного познакомился с ним за те несколько дней, что мы провели вместе. Это был бандит в погонах...

– Значит ты его намеренно завёл в засаду?

– Нет, конечно! Я просто не мешал ему принимать idiotские решения...

– Значит ли это, что я на тебя не могу рассчитывать?

– Вовсе нет, капитан. Я буду в точности исполнять ваши приказы до тех пор, пока...

– Пока?

– ... пока они будут справедливы. До сих пор у меня не было основания сомневаться в Вашей честности.

– Спасибо на добром слове, а пока я хотел бы увидеть старосту. Надеюсь, что мы с ним поладим...

– Старосту? – удивился Эвалт. – Зачем?

– Послушать, что он скажет, объяснит, что здесь произошло.

– Он ничего нового не сообщит Вам, капитан. Лучше идём в фабрику, где расположился лейтенант Мванза. Вероятно, староста и деревенский колдун тоже там.

– Согласен! От них мы узнаем гораздо больше, чем рассказал этот завистливый недоумок, – произнёс по-русски сержант и кивнул в сторону побелевшего от страха и неопределённости негра.

– Ладно, идём, – произнёс Акимцев и двинулся в направлении, которое указывал Эвалт.

– Это правильное решение, товарищ!

Алек встретил начальника улыбкой. Он распахнул узкую дверь, ведущую в полутёмный пакгауз фабрики:

– Проходите, товарищи, нас уже ждут местные власти.

Акимцев первым перешагнул порог и задохнулся от спертого воздуха, наполненного запахом свернувшейся крови, пота и полуразложившегося дерьма:

– Что здесь такое? – промычал он.

– Бывшая база наёмников, – громко ответил Алек и включил освещение. При тусклом свете лампочки Акимцев разглядел валяющиеся на полу бинты, упаковки от медикаментов и сгустки крови. У дальней стены валялись несколько трупов, а посередине – прямо под лампой – были прикручены два сморщенных старых негра.

– Знакомьтесь, товарищ капитан. Джубал и Борот! – громко произнёс Алек. – Староста и колдун! Они помогли «людям-из-за-гор» перебить наших товарищей.

– Если они помогали нашим врагам, то почему не ушли вместе с ними? – задал резонный вопрос Акимцев. Эвалт перевёл. Ответил Борот:

– Двакка грабил бому. Нам это не нравилось. А пантеры сами вошли в Коро. Они не спросили нас. Если бы они говорили с нами, то не попали бы в ловушку, которую им устроили «люди-из-за-гор» ...

Джубал перебил колдуна и стал перечислять ошибки пантер...

Акимцев полчаса слушал рассказы стариков и пришёл к выводу, что их вины в разгроме Двакки нет. Остальное его не интересовало.

– Вот что, Алек, – сказал он. – Отпусти этих почтенных людей по домам. И попроси старейшину их очистить этот пакгауз от мусора. Мы используем его под склад.

Краем глаза он наблюдал за реакцией своих подчинённых: челюсть Алека отвисла от удивления, Эвалт же многозначительно ухмылялся.

– Товарищ капитан, – попытался образумить Акимцева Алек. – Это Вам ничего не даст. Завтра здесь будет министр Флет и всё начнётся сначала. Старики обречены!

– Это мы ещё посмотрим, – зло произнёс капитан. – Ни один волос не упадёт с голов жителей деревни!

Вечером следующего дня в Коро прибыли основные силы батальона под командованием Буассы. Надо было готовиться к выступлению на Буюнгу. Не теряя лишнего времени, он в присутствии Эвалта решил расспросить ветеранов первого взвода, участвовавших в недавнем рейде к перевалу. Их рассказ его разочаровал: со слов бойцов выходило, что командир их взвода, недавний курсант ОУЦа, поступил очень самонадеянно. Он двигался без боевого охранения и завёл двадцать пять своих людей в засаду. Он был убит первыми выстрелами из пулемёта, потом уцелевших бойцов закидали гранатами и обстреляли из винтовок и автоматов. Спасти удалось восьмерым. Вместе радистом и его охраной они прошли через гилеи к одинокому холму, с которого их вывез вертолёт. Противник их не преследовал.

– Вероятно, у них недостаточно сил, – предположил сержант.

– Очень на то похоже, – согласился с ним Акимцев. – Отпусти людей: они устали после длительного перехода. И я тоже, пойду завалюсь спать. Завтра выступаем!

Выспаться не удалось: Алек, как обычно, оказался прав. Всю ночь деревню будоражило: шли аресты. Уставший Акимцев спокойно спал в своей палатке, установленной за пакгаузом и

не слышал всего этого. Он был уверен, что его приказа никто не ослушается. Каково было его удивление, когда его разбудил Эвалт и сообщил о происходящих событиях. Наскоро одевшись капитан в сопровождении сержанта побежал на площадь. Стояло раннее утро. Арестанты были выстроены на центральной площади в одну шеренгу. На отдалении от них толпились жители деревни, окружённые несколькими десятками солдат под командованием полковника Буассы. Они не столько сдерживали толпу, сколько пилились на пленников, стоявших на коленях. Их было двух дюжин человек, в основном, стариков. Когда Акимцев появился на площади, Флет ходил вдоль строя, поигрывая пангой. Он что-то кричал своим высоким тонким голосом, а стоявшая за его спиной толпа подвывала. К своему удивлению, Акимцев увидел в шеренге пленников и своего «осведомителя», и старосту Джубала, и колдуна Борота.

– Что происходит? – спросил он стоявшего неподалеку Алека.

– Показательная экзекуция. Их всех перебьют, хижины разграбят, а женщин раздадут...

– меланхолично ответил собеседник. – Как это здесь принято...

– Это надо остановить!

– Остановить? – лицо Алека перекосила усмешка. Он кивнул на министра: – Этого останавливает только пуля.

– А Буасса?

– Буасса не будет вмешиваться – себе дороже. Особенно после того, как его вывели из состава министров.

– Но кто-то это может сделать?

– Это сделать? – удивлённо произнёс Алек. Тут его лицо прояснилось: – Это сделать можете только Вы, капитан. Только Вы.

– Я?

– Да. Джу-джу Флета на Вас не подействует.

– Да? А на тебя?

– На меня? – в глазах Алека промелькнула искра удивления. – На меня тоже не подействует, но я не хочу ссориться с колдуном...

– Понятно, – сказал Акимцев и потянул «стечкина» из кобуры. Его разум застлала ярость...

Следующие пять минут рассыпались в памяти Евгения на какие-то несвязанные между собой эпизоды. Рука, отрубленная пангой, падает на жухлую траву... Чёрные, удивлённые глаза колдуна, оглянувшиеся на его окрик... Новый удар окровавленным тесаком по голове очередной жертвой... Ствол, направленный в голову садиста. Его обезумевшие глаза... Грохот выстрела... Обмякшее тело... Кровь... Растерянность толпы... Тихий гул голосов... Руки, подхватившие Евгения... Потолок, плетённый из соломы... Мягкая циновка... Чей-то убаюкивающий голос...

– Ну и дел ты наворотил, капитан, – раздался вдруг над ухом громкий голос Зигунова. – Если бы не твои заслуги, не миновать бы трибунала. Эх тебя утормозило связаться с колдуном!

– Где я?

– Как где? В Гинкале, в госпитале! Уже три дня не приходишь в себя.

– А где мои люди?

– Батальон сейчас должен быть километрах в десяти от перевала. Послезавтра выйдет на перевал!

– Что со мной произошло?

– Сами не понимаем. Наш доктор обследовал – ты совершенно здоров, говоришь, ходишь...

– Но я себя совершенно не помню! Что произошло в последние три дня?

– Как тебе сказать, – хмыкнул майор. – Ты убил министра правительства Зангаро в изгнании и помутился рассудком. Это – официальная версия. Однако. Все местные считают, что это – амок.

– Да?

– Тебя проверили на наркоту – чисто! Непонятно, что случилось. Может объяснишь?

– Могу. Я остановил экзекуцию ни в чём не повинных людей. Помню, что застрелил Флета, после того, как он стал рубить пангой пленников. В его глазах было что-то звериное: я не мог его остановить по-другому...

– Свидетели говорят, что Флет напал на тебя всем своим своё джу-джу. Но оно ему не помогло – он умер после того, как ты всадил в него всю обойму из своего «стечкина» ...

– Слава богу, одним садистом меньше...

– Могу с тобой согласиться, – миролюбиво произнёс Зигунов. – Сообщи, когда будешь чувствовать себя более или менее нормально...

– Я и сейчас в норме!

– Очень хорошо! В Загорье направляется третий батальон АФФ. Пойдёшь с ним.

– Когда?

– Послезавтра. Готов?

– Так точно!

– Вот и отлично, Евгений Николаевич! Твоё счастье, что ты знаешь перевал и его окрестности, а то Петров давно бы тебя отправил в Москву.

– Он здесь был?

– Да! Раз два. Был очень зол на тебя. Впрочем, это – его обычное состояние.

– Знаю. Вероятно, я его сильно подвёл...

– Да уж точно. Он на сутки задержался в Габероне, улаживая наши дела. Наши славные африканские друзья требовали твою голову: ты лишил их джу-джу...

– Они же марксисты!

– Вот, вот! То же говорил и Алек. Во время совещания, он был на твоей стороне, доказывая, что нам в Коро нужна надёжная тыловая база, а не сборище озлобленных негров. Я его поддержал, Буасса был против...

– Спасибо. Кто сейчас ведёт людей на перевал?

– Мартын, а Алек остался в Коро.

– Капитан Босс же не понимает савинду!

– Ему придан твой переводчик из наших...

– Коренев?

– Да, – кивнул Зигунов, – а на базу Лунёв послал двух новичков – Проскурина и Зинченко. Он их знает с Занзибара. Вроде неплохие ребята. Я их отдал на выучку Липкину.

– Будь с ними поосторожнее и расспроси о них у Белкина. Он считает, что это – стукачи...

– Обязательно спрошу при встрече, – нахмурился Зигунов. Он вдруг засуетился и встал. – Ладно отдыхай, капитан, мне пора идти...

– До встречи в Гинкале, – вздохнул Евгений и слабо пожал руку майора. Зигунов остановился при входе в палату и произнёс:

– Есть ещё одна новость!

– Плохая?

– Хорошая!

– Какая?

– Наш посол в Зангаро сообщил, что начальник жандармерии в Кларенсе застрелился.

– Ну и что?

– Это он заварил всю эту кашу в Зангаро!

– Обстоятельства известны?

– Пока, нет. Выясняют. Думаю, что это очередные местные разборки. Кто-то что-то не поделил, вот и отправил его к праотцам.

– Туда ему и дорога, – произнёс Акимцев. Когда дверь за Зигуновым закрылась, он стал размышлять о том, как этот безвестный человек изменил его судьбу и, вероятно, карьеру...

В то время, пока капитан прохладился в госпитале, в Габероне шли горячие споры о его судьбе. Глава правительства Зангаро в изгнании потребовал от Голона расстрела офицера, убившего его министра.

– Послушайте, товарищ Дерек, – пытался образумить его политический советник. – Ведь это ваш министр превысил свои полномочия и стал резать мирных жителей прямо на площади...

– Это наши традиции, – упорствовал министр. – Вы их должны уважать...

– Традиции традициям рознь, – поддержал своего советского коллегу майор Такон. – Если вы, господа министры, и ваши люди будут себя вести так дальше, то моё правительство перестанет поддерживать ваше движение...

Голон бросил мимолётный взгляд на Такона, стараясь понять, куда он клонит. При его словах министры Дерек совсем растерялись: Оба отвёл глаза, а Куин надулся.

– Но, Морис, – попробовал возразить Дерек, – мировое национально-освободительное движение Вам не простит...

– Ах, оставьте свои высокопарные речи, – махнул рукой Такон. – Без нашей поддержки вашим людям не продержаться и дня...

– Товарищ Голон, почему Вы молчите? – вдруг вскочил с места Дерек. – Он нас шантажирует!

– Товарищи, успокойтесь, – покровительственным тоном произнёс советник. – Никто не собирается лишать вас поддержки, но, надо признать, что эксцессы на освобождённых территориях недопустимы! Пожалуйста, развивайте вашу мысль, товарищ майор!

Такон ядовито улыбнулся и продолжил свою речь:

– Уважаемые камрады, я со всей твёрдостью хочу заявить, что Богана не отказывается выполнить свой интернациональный долг перед народами Зангаро! Более того, мы направим технические и артиллерийские подразделения для непосредственной поддержки вашего движения, но при одном условии...

– Каком? – не выдержал Дерек.

– В ваше правительство войдёт представитель бакайя Прем Кокус. Он займёт место покойного Энгера Флета...

– Но он же ренегат, – прошептал Куин. – Как его можно включить в революционное правительство?

– То, что он видит социализм по-другому, ещё не делает его предателем, товарищи, – вмешался в разговор Голон. – Мы беседовали с ним на различные темы и пришли к определённом пониманию...

– Кроме того, министр из племени бакайя в составе вашего правительства докажет отсутствие национализма, – добавил Такон.

– А без этого никак нельзя, – затравленно посмотрел на Голона Дерек. Тот отрицательно мотнул головой:

– Нет, товарищи, никак нельзя. А про нашего военного советника – забудьте...

Совещание в интендантском архиве

Саймон Эндин прилетел в Луис третьего сентября в начале второго пополудни. Преимущество военного борта заключалось в том, что можно было не тратить время на формальности в аэропорту. Бывший британский военно-транспортный самолёт «Ланкастерец» был давно снят с вооружения и каким-то чудом сохранился в составе ВВС Гвиании. Как пояснил капитан Берт Эверар его приобрели во время гражданской войны у какой-то частной авиакомпании и использовали для перевозки высшего командного состава. Действительно, салон самолёта имел всего девять пассажирских мест, и все они были заполнены военными чинами в звании не ниже майора. Единственным штатским на борту был Эндин, который вместе со своим сопровождающим удобно устроился на сидениях спереди. Начальник экипажа выказывал особые знаки внимания им, и в течение полёта остальные гвианийские офицеры постоянно косились на странную пару. Эндин обратил на это внимание и спросил спутника об этом:

– Не обращайтесь на них внимания, – беззаботно пояснил капитан. – Чтобы получить место на этом борту надо иметь разрешение командующего Южным округом или иметь особое предписание Генерального Штаба...

Эндин оглянулся и увидел военного интенданта, сидящего в самом конце салона. Он вспомнил, что видел его в «Эксцельсиоре». Саймон усмехнулся и кивнул в их сторону:

– Этот тоже?

– Этот? – потянул Эверар, оглядываясь. – Ах этот! Он – из службы безопасности. Следит за нами...

– И Вы так спокойно говорите об этом, Берт!

– Они нам не помеха. Скорее – дополнительная охрана. Между прочим, его напарник остался в Уарри и наблюдает за нашими подопечными.

– Зачем Вы это допускаете, капитан?

– Военная разведка не должна быть замешана в расследование дела «Гвенко», мистер Харрис, – тихо прошептал Эверар. – И не спрашивайте меня больше об этом. Я, и так, много сказал Вам лишнего.

– Понял, – также тихо ответил Эндин. Он отвернулся к иллюминатору и стал любоваться пролетающими внизу облаками. Перелёт из Уарри в Луис занял чуть более получаса. Прямо к трапу самолёта подкатил военный джип, который доставил Эндина в отель «Американа». Здесь Эверар распрощался со своим подопечным, передав его прямо в фойе полковнику Роджерсу. Он был одет в лёгкий полотняный костюм для гольфа и напоминал скорее страдающего сплином английского аристократа, чем старого разведчика.

– Ну, мой друг, теперь будем ждать развязки, – произнёс Роджерс вместо слов приветствия.

– Разве мы не будем совещаться с бригадиром Спиффом, полковник?

– Пока в этом нет необходимости. Располагайтесь, примите душ и спускайтесь на веранду – пора нам с Вами что-нибудь выпить...

– ?

– У меня отличные новости из Кларенса. Они помогут нашему боссу быстро решить его вопрос.

– Переворот?

– Нет, что Вы, Саймон...

– Так что же? Диверсия?

– Не торопитесь, мой друг, – загадочно произнёс полковник. – Приведите себя в порядок, переоденьтесь и спускайтесь вниз. Вы же – джентльмен!

– Ага, я сейчас, – Эндин рванул со своим чемоданом к лифту, не заметив подбежавшего за его багажом боя. К своему счастью, он не видел осуждающего взгляда полковника.

Номер «люкс» располагался на втором этаже и состоял из двух комнат, не считая лоджии. Наскоро закинув вещи в шкаф, Эндин побежал в душ и начал приводить себя в порядок. Наверное, впервые в жизни он так спешил: любопытство и надежда быстро закончить дело завладели всем его существом. Он наскоро побрился, примочил выгоревшие под африканским солнцем волосы и стал одеваться. Не раздумывая, он натянул шёлковые носки кремового цвета, такого же тона брюки и рубашку с коротким рукавом. Когда он взялся за ручку двери, в неё постучали.

– Кто там? – спросил он.

– Я, – из-за двери раздалось меццо-сопрано Ядвиги Зумбах. – Открывай поскорее, милый...

Эндин открыл дверь и увидел перед собой интенданта. Рядом с ним стояла его женщина.

– Извините, мистер Харрис, за вторжение, – произнёс Гвианец. – Мне надо было поговорить с Вами, не привлекая внимания.

– Но, что здесь делает Ядвига? – удивлению Эндина не было границ.

– Об этом – позже. Она сама Вам всё расскажет. Я хочу с Вами поговорить о другом. Разрешите? – интендант бесцеремонно прошёл в номер и вальяжно расположился в одном из кресел. Эндин последовал за ним. Ядвига несколько секунд постояла у дверей и нерешительно вошла следом.

– Нет, женщина, – сказал Гвианец. – Подожди своего приятеля в фойе. Можешь ему потом всё рассказать.

Когда за женщиной закрылась дверь, интендант знаком предложил Эндину сесть.

– Как Вас называть, мистер... – начал бы Эндин.

– Зовите меня просто – мистер Ху, Саймон, – фамильярно произнёс его собеседник. – Как Вы уже догадались, я – из службы безопасности.

– Я не догадался, я – знал, – произнёс Эндин. – Мне сказал...

– Капитан Эверар, – закончил за него Ху. – Отличный офицер! Далеко пойдёт! Не удивлюсь, если он однажды займёт место старого бригадира. Расслабьтесь, Саймон: мы – не враги. Просто, я хочу уяснить кое-какие детали.

Эндин внимательно рассматривал своего собеседника. Интендантская форма мешком висела на Ху, скрывая его тело. Благодаря этому совершенно невозможно было угадать, что находится под его мундиром: тренированное мускулистое тело или складки жира. Широкое плосконосое лицо с маленькими поросычыми глазами было чисто выбрито и ничего не выражало. Когда он говорил по-английски, его толстые губы сжимались и разжимались так, будто выплёвывали слова. В его речи Саймон вдруг уловил знакомый американский акцент.

– Итак, начнём нашу беседу!

– Беседу? Я думал, что это допрос!

– Допрос? – Ху тряхнул головой. – Хм. Допросы обычно проходят у меня в управлении. Давайте, всё-таки проведём беседу...

– Хорошо, я согласен.

– Что Вы делаете в Гвиании с поддельными документами, мистер Эндин? – контрразведчик впервые произнёс настоящее имя Саймона. Он не удивился и быстро ответил.

– Занимался бизнесом, а потом гостил у форона Дого.

– Так, – покачал головой Ху. Он достал записную книжку и сверился с ней.

– А в чём суть Вашего бизнеса? Вы же – заместитель управляющего казино в Лондоне.

– Это так. Меня попросили установить связи с бизнесменами в Уарри. Кое-кто из моих друзей хочет вложить свои деньги в Южную провинцию Гвиании...

– Ага, понятно. А что Вас так потянуло к Дого? Вантаха – это же такая дыра!

– Мои партнёры думают начать там лесоразработки...

– Ага. И поэтому согнали несколько сотен людей католическую миссию, – саркастически улыбнулся Ху. Эндин неуверенно кивнул. Тут контрразведчик открыто начал смеяться. – Тогда почему они проходят в ней военную подготовку под руководством военных инструкторов? А? Вы готовите новое восстание? Отвечайте?

– Я, я, я, – замешкался Эндин с ответом, – ...думал, что это согласовано с Вашим правительством. – Нам нужны охранники концессии. Ведь Вы знаете, что творится к югу от границы.

– Да, знаю, – хмуро кивнул Ху.

– Мои компаньоны боятся, что бандиты-бавинду станут нападать на наших рабочих. Поэтому они попросили у Дого прислать нескольких людей для прохождения обучения. Кланов северных бакайя – смертельные враги бавинду. Вы же знаете, что их много лет назад прогнали с родных земель на север. – Контрразведчик что-то записывал в своей книжке и кивал головой. Ободренный его молчанием, Эндин продолжал заливать:

– Наш консультант посоветовал набрать охрану именно из них.

– Кто Ваш консультант, мистер Харрис? Полковник Роджерс? Не отрицайте, я сам видел, как он Вас встретил внизу... – Эндин кивнул головой, а контрразведчик продолжил: – Вы знаете, что он несколько раз пытался повредить репутации нашей страны и был выслан отсюда?

– Нет, не знал. В его документах написано, что он получил какой-то Ваш орден за заслуги. Не помню какой...

– Орден ему дали, чтобы подсластить пилюлю перед высылкой. Лучше бы Вы и Ваши друзья обратились к нам...

– Зачем?

– Мы бы обеспечили Вашу безопасность и предоставили бы всю информацию. Тогда бы Вам не пришлось ездить в Кларенс 12 июня, – Ху хитро прищурился. – Что Вы там делали в день переворота?

– Я?

– Да, Вы! И ещё Ваш шофёр, мистер Локи! Кстати, почему он не вернулся назад в Уарри.

– Он там остался, – тихо сказал Эндин.

– Остался, зачем, – не понял его Ху. – Он там решил поселиться?

– Нет, конечно, – Саймон вдруг понял, что Службе безопасности толком ничего не известно. – Он там оставался пару недель, а потом улетел самолётом прямо в Лондон.

– Бог с ним! Нас это мало волнует! Так как насчёт моего предложения?

– Видите ли, мистер Ху, я не могу единолично отказаться от услуг полковника Роджерса. Ему платят мои компаньоны, но я могу передать им Ваше предложение.

– Этого вполне достаточно, – оживился Ху. – Моя служба сделает всё возможное, чтобы убедить их в своей полезности. Так что идите – развлекайтесь с Вашей дамочкой и полковником. Только ему о нашей беседе – ни слова. Сами знаете – огласка нам ни к чему. Я Вас больше не задерживаю, – с этими словами контрразведчик вылез из кресла. Его форменная рубашка немного оттопырилась, обнажив небольшое брюшко коричневого цвета.

– Всё-таки – это жирная скотина, а не Джеймс Бонд, – промелькнуло в голове у Эндина. Он вышел в коридор вслед за мистером Ху и тщательно закрыл дверь, хотя прекрасно понимал, что это не поможет – залезть его номер может всякий, кто имеет хоть немного влияния на портье...

Ядвига стояла у лифта второго этажа. Её лицо выражало растерянность, но следов слёз или чего-то подобного на нём не было. Она увидела Саймона, и сама подошла к нему:

– Они меня заставили, – мягко сказала она.

– Догадываюсь, – внутри Эндина боролись прежние чувства со страшными догадками. Он стоял и смотрел сквозь женщину, по которой последнее время сходил с ума.

– Знаю, я тебя предала и не заслуживаю прощения, – Ядвига стояла перед ним в растерянности. Не зная куда деть свои руки, она по-мальчишечьи засунула их в карманы джинсов. Она попыталась оправдаться: – Знай, что этот тип стал меня шантажировать только после того, как гвианийские власти стали меня разыскивать по твоей просьбе...

– Откуда ты знаешь? – в голосе мужчины по-прежнему звучал металл.

– Нетрудно было догадаться, – таким же тоном ответила ему женщина. – Ты ещё тот подонок, искать меня через спецслужбы...

– Но я пытался тебя найти, ты так внезапно исчезла...

– Что же, это – мой стиль, – смягчилась женщина. – Ты должен понять, что я не виновата в том, что происходит.

– Попытаюсь, – угрюмо произнёс Эндин. – Я читал твой досье. За тобой много чего числится...

– Вот и отлично, – Ядвига гордо вскинула голову, – и не ищи меня больше, не надо.

– Не буду, прощай... – Саймон нажал кнопку лифта.

– Почему же, прощай? До свиданья, – кокетливо улыбнулась женщина и встала рядом ожидая, когда приедет лифт. Когда он вошёл в кабину, Ядвига осталась стоять в коридоре. Смотря прямо Эндину в глаза, она перешла на свой меццо-сопрано и произнесла: – Может, я когда-нибудь тебя сама найду. Ты такой забавный...

Расстроенный и недовольный собой и своим поведением Саймон вышел на веранду, где его ждал Роджерс:

– Послушайте, мой друг, почему Вы такой взъерошенный? – мягко стал выговаривать ему полковник. – у Вас было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Вы, случаем, не заболели?

– Знал бы только, старый хрен, что со мной только что произошло! – подумал Эндин и произнёс вслух:

– Нет, не болен. Немного растерялся от обилия цивилизации.

– Разве в Уарри ты жил не в отеле?

– В отеле, конечно! Но так замотался, что до сих пор не могу прийти в себя. Так какие вести из Кларенса?

– Что Вы будете пить? Виски со льдом?

– Конечно. Тройную порцию!

– Вот как? Что же, Ваше дело. Только не наклюкайтесь к вечеру. Завтра Вам нужна свежая голова.

– Ладно, полковник, ваяйте Ваши новости.

– Это скорее не новости, а сплетни, – Роджерс медленно отхлебнул какой-то коктейль и начал свой рассказ. – Во-первых, Ваш приятель, майор Шеннон, серьёзно болен. Его собираются срочно госпитализировать...

– И вовсе он не мой приятель...

– Это я так, к слову. Его диагноз – рак легких последней степени. Думаю, что он уже не жилец.

Эндин хмыкнул, вспоминая последний разговор с наёмником:

– Я мог бы догадаться об этом, – пробормотал он себе под нос и отхлебнул виски. Роджерс не обратил внимание на его реплику и продолжил:

– Во-вторых, из различных источников поступили сведения, что наёмники, прикрываясь именем Окойе, насилуют монашек и продают в рабство молодых девушек.

– Вот даже как? Наверное, врут!

– Нет. Это точно Данные поступили из разных источников близких к правительству. Случаи, конечно, единичные, но если их раздуть в прессе, то – сами понимаете!

– Понимаю...

– Ну, а в-третьих, – Роджерс откинулся на спинку плетёного кресла и допил свой дай-кири. – От начальника госпиталя ООН в Кларенсе пришло сообщение о физическом уничтожении больных в гипносерии!

– Что это такое? Какой-то карантин? – Эндин впервые слышал это слово.

– Гипносерий – это место, куда свозят больных сонной болезнью. Впрочем, Кимба там устроил и лепрозорий, и место ссылки. Так вот, все его пациенты расстреляны жандармами позавчера.

– Странно, Шеннон не мог этого сделать. Он, конечно, – гад, но не до такой степени...

– Вот это и будет предметом для расследования. В ближайшее время, мы постараемся поднять этот вопрос в ООН и направить в Зангаро следственную группу.

– Зачем? Могут вылезти наши длинные ослиные уши!

– Не вылезут. Обвиняемыми станут Окойе и его шайка, которые наняли Шеннона, чтобы захватить власть. Их заставят уйти в отставку и передать власть вице-президенту или кому-нибудь ещё, не связанному с преступлениями наёмников! – Роджерс победно улыбнулся.

– Недурно задумано, – Эндин хлопнул виски до дна и потребовал повторить. – Только нужно ещё протолкнуть нашего человека на пост преемника Окойе.

– А вот над этим придётся нам поработать. Но, слава Богу, русские нам в этом помогут!

– Как?

– Наш агент из Боганы сообщил, что вторжение повстанцев в Страну Винду уже началось...

– Но, совсем недавно оттуда вернулся Шеннон с отрядом. По Вашим сведениям, полковник, он смог очистить весь восточный склон Хрустальных гор от приверженцев Кимбы.

– Эти данные уже устарели. Красные вчера вновь взяли Коро.

– Где это?

– Бома на боганской границе. По сведениям нашего информанта, у них где-то в гилеях построен крупный лагерь!

– Боже мой! Это вторжение срочно надо пресечь! Вы уже сообщили об этом сэру Джеймсу?

– Нет. А почему я должен был это сделать? Ведь наша задача захватить власть в Зангаро, не так ли? – удивлённо спросил полковник.

– Какой Вы всё-таки идиот! Неужели Вы думаете, что Мэнсону нужна какая-то обезьянья республика? – раздражённо заговорил Эндин.

– Ну да. Он так сказал!

– Вы думаете, мой продвинутый рыцарь плаща и кинжала, что горному магнату нужен этот срённый кусок джунглей для создания личного зоопарка?

Роджерс был обескуражен:

– Я как-то не задавался этим вопросом. Была поставлена задача – вот я её и выполнял...

Эндин хлебнул виски и немного успокоился:

– Вы, полковник, видимо привыкли разрушать всё у себя на пути, а сэр Джеймс желает строить.

– Что?

– Оловянный рудник в Хрустальных горах...

– Понятно, – упавшим голосом сказал Роджерс. – Значит, мы немного подкорректируем наш план.

– Каким образом?

– После того, как Шеннон отойдёт от дел, а это произойдёт очень скоро – пошлём наших людей на юг. Только ни пойду не на Кларенс, а в Загорье. Уничтожив повстанцев, они вернуться в Кларенс победителями и послужат опорой нашему кандидату.

– Хороший план. Предлагаю сообщить об этом сэру Джеймсу немедленно и отменить подрыв «Гвенко».

– Не торопитесь, Саймон. Подождём до завтра. Вероятно, многое изменится.

– А как же «Гвенко»?

– Пусть взлетит на воздух ко всем чертям. Окойе будет вынужден открыто просить помощь у нас, а не покупать оружие из-под полы.

– А Вы не знаете, кто его настоящий продавец?

– Судя по словам Мутото, в этом деле замешан мой старый приятель Блейк, – лицо Роджерса скривилось в недоброй усмешке. – Однако, нам пора обедать, мой друг. Пойдём.

– Пойдём, полковник!

Рано утром Эндина разбудил стук в дверь. Это был Роджерс:

– Вставайте, мой друг. Собирайтесь и спускайтесь завтракать. Я Вас буду ждать там. Через полчаса за нами приедет Эверар и повезёт к своему шефу.

– Что так рано?

– Есть новости из Уарри. Пора действовать!

– Да, полковник. Через двадцать минут я буду внизу.

Военная разведка находилась в том же здании, что и министерство обороны Гвиании. Несмотря на свой возраст, Роджерс легко выскочил из армейского автомобиля, доставившего его к боковому входу в здания и радостно оглянулся.

– Старикан, видимо, считает, что он снова в строю, не так ли, мистер Харрис, – в полголоса произнёс Эверар, обращаясь к Эндину. Тот неопределённо хмыкнул. Объективно говоря, отставной полковник, точнее его связи и знания, уже оказали неоценимую услугу проекту. Оставалось только воплотить его в жизнь! Кабинет бригадира Спиффа находился где-то в закоулках громадного бетонного куба, который построили англичане лет десять тому назад. Первоначально здесь планировалось разместить всё управление протекторатом, но с обретением независимости его полностью оккупировали военные. При военном правительстве вооружённые силы быстро политизировались и превратились в большой бюрократический аппарат, который насчитывал вдвое больше чиновников, чем имелось по штату в армии штыков. Эндин об этом узнал в одной из длительных полуночных бесед со старым разведчиком.

– Представляешь Эндин, эти обормоты так раздули свой военно-административный аппарат, что на его содержание уходит две трети всех расходов на армию. Кого только нет в составе министерства: разведка, контрразведка, служба связи, строительная часть, военная полиция, управление казарменным фондом... Одних служб снабжения только восемь!

– Как это?

– А так! Отдельные службы доставляют топливо, транспорт, вооружение, обмундирование, продовольствие, средства связи, строительные материалы и боеприпасы! Во главе каждого из них стоит свой начальник со своим штабом. В распоряжении каждого из них – автопарк и бесчисленное количество порученцев.

– Не проще ли было это всё объединить в одно управление?

– Раньше так и было! Но потом надо пристроить одного, другого, третьего полковника. Большинство из них обладают кругозор сержанта, но имеют влиятельных друзей и родственников. При военном правительстве им было просто: они давали разрешение на продажу товаров двойного назначения гражданским лицам! Естественно, за взятки! Представляете, Саймон, министерство пыталось взять под контроль торговлю кофе в зернах и какао-бобами.

– А какое отношение это имеет к войне? Ведь эти продукты нельзя отнести к товарам первой необходимости?

– В том-то и дело! Военные собирались создать управление по экспорту, но пока готовился этот вопрос, война закончилась и проект закрыли. Теперь гражданское правительство сокращает права военных: они пищат и сопротивляются, но постепенно сдают позиции.

Увидев, снующих по коридорам толстопузов в военной форме, Эндин вспомнил этот разговор и удивился тому, насколько его пожилой товарищ был прав. Он шёл по коридору, замыкая колонну, которую уверенно вёл куда-то Эверар. Вдруг его окликнули:

– Мистер Харрис, рад Вас видеть.

Саймон обернулся в двух шагах от него стоял мистер Ху. В этот раз на нём была уже не интендантская форма, а тёмно-зелёный мундир со странным значком в петлице. Он пригляделся: это был лев, кусающий себя за хвост. У Эверара в петлице был лев, вставший на дыбы.

– Видимо, отличие службы безопасности, – решил он и незаметно кивнул.

– А я иду туда же, куда и Вы, – продолжил разговор полковник и уточнил, – к бригадиру Спиффу. Похоже, мы будем участвовать в одном совещании.

– Весьма польщён, – процедил сквозь зубы Эндин и прибавил шаг, чтобы догнать Роджерса. Но не тут-то было. Мистер Ху забежал вперёд и догнал Эверара, который остановился перед узкой дверью.

– Пришли, – произнёс он.

Кабинет начальника военной разведки был узок и тёмн. Осмотревшись, Эндин понял, что этот эффект ему придавали многочисленные стеллажи с какими-то документами, стоявшие вдоль стен. Они доходили почти до потолка, частично закрывая лампы дневного света, идущие по краям. Посередине кабинета стоял длинный узкий стол, в конце которого сидел человек в тёмно-зелёной форме с генеральскими погонами. Его Эндин видел впервые. Вблизи бригадир Спифф оказался худощавым пожилым негром лет шестидесяти. Его узкое холёное лицо в сочетании с блестящим при свете люминесцентных ламп лысиной делали его похожим на демона, только что вышедшего из ада.

– Интересно, зачем он так вырядился? – шепнул Эндин Роджерсу, усаживаясь рядом с ним.

– Он всегда такой. Сколько его знаю со времён той войны...

– Угу, – хмыкнул Саймон, высчитывая сколько же лет полковник знает бригадира. Вышло, что лет тридцать, а то и больше...

Англичане сели справа от бригадира, а офицеры слева. Так получилось, что Роджерс сидел напротив Эверара, а Эндин – напротив мистера Ху.

– Я позвал Вас, господа, чтобы обсудить кое-какую проблему, – важно произнёс бригадир. – Надеюсь, Вас не нужно представлять друг другу?

Тут мистер Ху заговорщицки подмигнул Эндину и произнёс, перебивая Спиффа:

– Для всех, кто меня не знает. Я – суперинтендант службы национальной безопасности Инесент Белмар.

– А я думал, что Вы по-прежнему служите в тайной политической полиции, мистер Белмар, – с издёвкой произнёс Роджерс. – Как теперь рассматривать Вашу должность и звание? Как повышение или понижение?

– Для Вашего сведения, полковник, военная контрразведка подчинена нашей службе, мой непосредственный шеф является министром без портфеля и имеет прямой доступ к президенту. В настоящий момент мне подчинён отдел военной контрразведки. Вместе с ним мы занимаемся поиском военных преступников, замешанных в сессии Южной провинции, и оборотом нелегального оружия.

– А я думал, что объявлена всеобщая амнистия, – потянул Роджерс. – Я что, ошибся?

– Амнистия распространяется на рядовых участников восстания и их командиров. Люди, стоявшие во главе заговора, должны пройти проверку и только после этого получают прощение. На иностранцев, особенно наёмников, это вообще не распространяется...

– Но я не наёмник, – возмутился Роджерс. – Я – ветеран Имперской службы в отставке...

– Да, не наёмник, – подтвердил Белмар, – но вопросы к Вам у нашей службы всё же есть.

– Хватит пререкается, господа, – вмешался в перепалку бригадир Спифф. – У вас ещё будет время поговорить. Мы все здесь собрались не для этого. Как вы все понимаете наша встреча носит неформальный характер, и поэтому мы его проводим не в моём кабинете, а в архиве службы вещевого довольствия. Ближайшие два часа нам никто не мешает. Мистер Белмар, начинайте!

– Сегодня ночью на рейде Уарри взлетело на воздух зангарское судно «Гвенко». Мы чего-то такого ожидали, но не до такой степени. Сейчас в порту работает следственная группа. По предварительным данным взорвалось большое количество взрывчатки, предназначенной для горных работ.

– Не боеприпасы?

– Нет.

– Вы выяснили причину взрыва? – спросил бригадир.

– Водолазы установили, что первый взрыв произошёл в машинном отделении. Взрывчатка детонировала позже.

– Так, что боеприпасов на борту судна не было?

– Почему же, были. Трёхдюймовые миномётные мины с наших складов. Только они хранились, согласно инструкции: взрыватели отдельно от зарядов. Порох, естественно, сгорел, а снаряды и запалы остались. Правда, они уже непригодны...

– Сколько было на борту боеприпасов?

– Четыре контейнера по пятьсот фунтов каждый. На них были выданы сопроводительные документы и даже сертификаты конечного пользователя. Они были выданы нашим министерством для Зангаро. Это был знак доброй воли.

– Ну, а мы то тут причём? – не выдержал Эндин.

– Как? – улыбнулся Белмар и уставился на Эндина своими пороссячими глазками. – Вы не догадываетесь?

– Нет, – неуверенно произнёс Саймон – внутри его била дрожь.

– По нашим данным этот взрыв организовали нанятые Вами люди!

– Мною? – удивился Эндин.

– Да, так утверждает один из арестованных Шарль Ру!

– Не может быть. Действительно, я несколько раз встречался с этим человеком. Он был нанят для того, чтобы обучить группу бакайя для охраны лесоразработок...

– Вы добились от него признания? – прервал Эндина Роджерс.

– Мои люди умеют убеждать, – улыбнулся Белмар.

– Глупости, – полковник Роджерс сверкнул глазами. – Знаем мы ваши методы!

– Конечно, служба безопасности не совсем интеллигентные люди, которые вежливо разговаривают, – улыбнулся Белмар, – но в данном случае наш подопечный дал показания сам без всякого внешнего давления...

– Я Вам не верю, сэр, – возразил отставной полковник, немного сбавив свой тон. – У меня есть доказательства, что этот Ру действовал на свой страх и риск. Если он замешан во взрыве, то это его дело!

– Я тоже склонен так думать, – примиряюще произнёс Спифф. – Я только что говорил с Уарри, но мне ничего нового не доложили. Однако, пусть он хорошенько прессует этого лягушатника. Вы лучше сообщите нам о другом своём улове – Жорже Шевалье! Он до сих пор числится в нашем розыске.

– Надеюсь, что в этот раз он не ускользнёт от Гвианского правосудия, – ухмыльнулся Роджерс, вызываясь смотреть на Белмара. – Скажите-ка, суперинтендант, а на таможне Вы нашли что-нибудь ещё?

– Что Вы имеете ввиду?

– Оружие, например. Разве Ваши люди не получили сообщение о нескольких контейнерах в пакгаузе Уарри?

– Действительно, сегодня ночью нам позвонили и сообщили про них. Когда он приехал и вскрыл их, там оказался старый хлам! А откуда Вы это знаете, Роджерс? Вы там присутствовали?

– Боже упаси, господин бригадир подтвердит, что последний месяц я безвылазно сижу в Луисе и ежедневно встречаюсь с его людьми.

– Зачем?

– Консультирую, обучаю, советую! Господин бригадир, скоро кончится этот допрос!

– Мне кажется, что Вы заигрались, Белмар, – начальственным тоном произнёс Спифф. – Давайте лучше говорить по существу вопроса. Нам надо выработать общую позицию, чтобы взрыв «Гвенко» и участие в нём людей, связанных с Вашей фирмой, господин Харрис, не стали достоянием мировой прессы.

– Готов всемерно сотрудничать с Вами, господин бригадир! – торжественно произнёс Эндин, полусуто подняв правую руку.

– Вот и отлично. Капитан, изложите наше видение вопроса.

– Есть, сэр. – молчавший Эверар во время перепалки встал, раскрыл тонкую красную папку и стал читать:

– Первое. Шарль Ру и Жорж Шевалье должны быть уволены задним числом из компании и переданы в руки Гвианского правосудия, которое установит степень их вины во взрыве в порту Уарри.

Эндин кивнул головой, а капитан продолжал: – Второе. Для защиты Ру и Шевалье не будут привлекаться какие-либо адвокаты и другие юристы, а также не будут сделаны заявления для прессы. Они будут преданы суду военного трибунала. В свою очередь, наше правительство гарантирует, что к ним не будет применена смертная казнь.

При этих словах Роджерс злорадно улыбнулся и на секунду превратился из лохотона пожилого джентльмена в злобного старика. Именно так себе Саймон представлял Дориана Грея, одного из немногих литературных персонажей, которых он помнил со времени обучения в колледже. Он не помнил, кто написал этот роман то ли Диккенс, то ли Конан Дойль, но сюжет ему понравился. Тем временем, Эверар продолжал:

– Третье. В тренировочный лагерь для инспекции будет прикомандирован офицер из службы безопасности. На него будет возложен контроль за использованием оружия на территории лагеря.

– Зачем такие строгости, господин бригадир. Заверяю Вас, что через две-три недели подготовка будет закончена, а лагерь будет свёрнут, – прокомментировал этот пункт полковник Роджерс. Спифф сверкнул глазами и строго произнёс:

– Этого требуют интересы нашей страны. Белмар, поясните ситуацию.

Получив слово, суперинтендант подозрительно посмотрел на начальника разведки и начал рассказывать. За последнее время нашими осведомителями зафиксировано несколько случаев, когда небольшие иностранные суда подходили к нашим берегам и что-то выгружали.

– Ну и что? Контрабандисты есть всюду, – возразил Эндин, желавший уязвить мистера Ху.

– Да, но в пяти случаях это было оружие. В частности, один груз из Кларенса был доставлен в Ваш тренировочный лагерь, мистер Харрис. Это была яхта «Клаудия».

– Откуда Вам это известно, сэр, – холодно спросил Роджерс.

– Нам сообщил некто Мутото. Мне кажется, это Ваш агент, мистер Спифф.

Череп холодно сверкнул:

– Как и Ваш, Белмар. Вы были в курсе этой поставки.

– Да, но не других. По моим подсчётам с того времени корабли с оружием приставали к нашим берегам ещё три раза. Всё оно шло с юга. Мы считаем, что в Зангаро возник центр контрабанды армейским оружием. Мы предполагаем, что за этим стоит группа наёмников, которые свергли красных в Зангаро.

– Полный бред, – тряхнул головой Роджерс. – Ничего не понимаю. Но тогда почему они сами просят оружие?

– Вот это я и хочу понять. А теперь, давайте поговорим начистоту, господа!

– Вы будете ставить мне условия, Белмар? – насупив брови произнёс Спифф. Они были очень редкие и седые, поэтому его лицо вместо грозного выражения приобрело немного комический оттенок. Саймон невольно улыбнулся, чем ещё больше рассердил бригадира.

– Никаких условий, – свирепо произнёс он. – Мы защищаем нашу родину, а не решаем какие-то межведомственные вопросы!

– Полно, полно, господин бригадир, – примирительно сказал Белмар. – Я просто хочу сказать, что мне хорошо известно назначение тренировочного лагеря. Там готовят вовсе не охранников, а солдат. Их назначение мне тоже известно – рано или поздно они окажутся в Зангаро!

– Это в интересах нашей страны, – вмешался Эверар, поддерживая шефа. – Коммунистический режим к югу от границы нам совсем не нужен.

– Это верно, капитан, не нужен, но как поведут себя люди Дого, когда всё закончится? Вы уверены, господа, что они не повернут оружие против нас?

– Позвольте Вас успокоить, мистер Белмар, – Роджерс впервые обратился к суперинтенданту по фамилии. – Если наши планы будут реализованы, то все эти солдаты останутся в Зангаро и перетащат свои семьи. Так что мы скорее всего ослабим Дого, а не усилим его.

– Вы удовлетворены, суперинтендант, – лицо бригадира разгладилось и приобрело прежний вид. – Да, почти...

– Что ещё?

– Я хотел бы, чтобы ой человек принял участие в Вашем предприятии. Он будет моими ушами и глазами.

– Хорошо, но при одном условии.

– Каком? Вы же теперь, когда мы обо всём договорились, не будете ставить нам палки в колёса?

– Естественно, наш человек займётся разведкой, а заодно и станет искать источник контрабандного оружия.

– Что же я не против, – сказал Спифф. – Продолжайте, капитан.

Эверар вновь раскрыл свою папку и стал читать:

– Четвёртое. Новая часть не будет считаться частью Гвианской армии и будет использоваться для военных действий в Зангаро, – капитан скосил глаза на Саймона, который внимательно слушал текст.

– А какова цель использования этих солдат? – спросил Белмар. – Новый переворот?

– Что Вы, сэр! – парировал Роджерс. – Исключительно борьба с коммунистами. Они должны очистить район наших лесоразработок от всяких там бандитов и дезертиров...

– А разве зангарская армия этого сделать не может?

– У Зангаро нет армии, – пояснил Роджерс. – Только жандармерия. Она немногочисленна и слабо обучена.

– И контролируется наёмниками, – добавил Эндин.

– И это тоже, – кивнул Спифф. – Но, главное другое, по дипломатическим каналам поступила информация о том, что Богана планирует аннексировать Зангаро. Наши друзья сообщают, что красные из Габерона готовят целую повстанческую армию. Её передовые отряды уже пересекли южную границу Зангаро и наступают к перевалам, ведущим через Хрустальные Горы.

- Кто за ними стоит русские или китайцы? – насторожился полковник Роджерс.
- Русские!
- Это плохо, они лучше организованы и оснащены...
- Зато китайцы всё тщательнее планируют. Как Вы полагаете сколько им понадобится времени, чтобы взять перевалы, господин бригадир?
- По оценкам нашего Генерального Штаба это займёт одну-две недели, не больше. Даже в том случае, если они будут ползти на брюхе!
- Значит самое позднее через месяц коммунисты могут занять Кларенс?
- Да.
- Я думаю, что это произойдёт гораздо быстрее, – вмешался в беседу полковник Роджерс. – Исходя из опыта прошлых войн, коммунисты действуют вдвое быстрее, чем наши части.
- Это почему же? У них лучше снабжение?
- Вовсе нет. Они не жалеют своих людей! Кстати, бригадир Спифф, наши предупредили их об этом.
- Кого их?
- Ну, новое правительство Зангаро.
- Пока нет, но скоро мы это сделаем по дипломатическим каналам и даже предложим помощь.
- Какую?
- Направить им на помощь ополчение северных бакайя.
- Но, насколько я знаю, в армии Гвиании нет этнических подразделений.
- Верно, мистер Харрис, нет. Это будут Ваши люди. Мы прикомандируем к ним двух-трёх своих пехотных офицеров и соответствующее число сержантов. Они примут командование над рекрутами, которых Вы собрали в тренировочном лагере. Естественно, что их содержание целиком возлагается на нашего уважаемого заказчика.
- А инструкторы?
- Кто? – переспросил Эверар. – А, эти наёмники! Их, кажется, семь или восемь человек?
- Семь, – уточнил Белмар. – Я полагаю, они могут остаться в качестве советников.
- Вы согласны с нашим предложением, господа? – прервал своего бывшего начальника Спифф, глядя на него в упор. Роджерс озабочено полуобернулся к Эндину и шёпотом произнёс. – Вероятно, это его Блейк надоумил. Надо соглашаться.
- Тогда давайте поторгуюсь, – прошипел Саймон и громко произнёс. – Раз вы хотите контролировать наших людей, то мы вправе контролировать Ваших. Вы с этим согласны?
- Не ожидавший такого поворота Спифф, нехотя кивнул головой. Его нерешительность позволила Белмару перехватить инициативу:
- Вы отказываетесь сотрудничать на наших условиях, сэр?
- Вовсе нет. Я просто предлагаю освободить моих людей от расследования деятельности Ру и Шевалье и поручить это дело лично Вам, сэр!
- Вот как? Не ожидал, – удивился контрразведчик.
- Так Вы согласны?
- Да!
- Увидев, что Спифф заулыбался, Эндин продолжил:
- Для гарантии расследования я бы хотел, чтобы Вашим коллегой стал отставной комиссар Прайс!
- Сидевший рядом Роджерс аж подпрыгнул на месте и попытался возразить. Эндин больно надавил ему на колено и прошептал на ухо: – Молчите, полковник. Так надо!
- На минуту в помещении царила гробовая тишина. Все знали Прайса как честного полицейского служаку и не могли ничего возразить против его кандидатуры.

– Но ведь ему уже лет шестьдесят пять, наверное, – нарушил молчание Белмар. – Он вряд ли согласится принять участие в расследовании.

– Пусть это буде пятое условие нашего соглашения, – торжественно заявил Эндин. – Министерство направит мистеру Прайсу официальное письмо с предложением принять участие в расследовании военных преступлений Ру и Шевалье. Если он откажется, то я не буду настаивать на другой кандидатуре.

Все присутствующие охотно закивали головами: они не верили, что экс-комиссар согласится. На этом совещание в архиве закончилось.

Полковник Роджерс всю дорогу до отеля молчал, отвернувшись в окно машины. Когда они уже приехали в отель, он спросил Эндина:

– Что за игру Вы сегодня вели, Саймон? – бесцветным голосом произнёс Роджерс. – Ваше поведение в конце меня сильно озадачило.

– Устранял препятствие, – весело ответил Эндин.

– Вот как? И какое же?

– Белмара и ... – для пущего эффекта Эндин взял паузу, – Вашего коллегу Блейка.

– Это каким же образом?

– Если Прайс будет воевать с Белмаром, то ему будет не до нас. И Блейку тоже.

– Хм. Почему Вы считаете, что тут замешан Блейк?

– Знаете. Что вчера этот тип нагло заявился ко мне и предложил свои услуги вместо Ваших. В самом конце разговора он упомянул Блейка.

– И что Вы ответили, Саймон?

– Сказал, что спрошу своих компаньонов.

– Понял. Белмар думает, что Вы на совещании дали слабинку. Он сообщит об этом Блейку и на какое-то время от нас отстанет.

– Почему Вы так считаете, мой мальчик?

– Какое-то время они будут ждать ответа моих друзей.

Хорошо. А потом?

– Потом мы натравим на них Прайса. Я думаю, что Блейку после этого будет не до нас...

– Верно. А как мы убедим комиссара принять участие в расследовании?

– Убеждать его будете Вы! Скажете, что за всем этим делом стоит Блейк!

– Что же, мой мальчик, Вы растёте у меня на глазах! Ваш план может сработать, – оживился старый разведчик. – Обязательно стоит!

Леонид Васильевич Добровольский долго не мог приспособиться к новым реалиям Кларенса. После переворота вроде бы наступил порядок: стало меньше насилия на улицах, исчезло ощущение постоянной угрозы. Одновременно с этим у его сотрудников возникло чувство отчуждения: им казалось, что местная жизнь течёт мимо. Нет, советским дипломатам не угрожали, не следили за ними, но как-то сторонились. Особенно это стало заметным после сокращения численности сотрудников и закрытия восточногерманского и китайского посольств.

– Теперь ты – единственный представитель социалистического лагеря в Зангаро! – полусмущенно сказал ему Караваев. И это было правдой. От него постоянно требовали информацию о положении в Кларенсе, но, чисто объективно, он и его сотрудники мало, что знали: слухи часто были недостоверны, а уцелевшие источники информации ненадёжны. Большая часть новостей добывалась из газет и радиосообщений, ещё кое-что можно было добыть в барах отелей. В последнее время туда специально отряжались немногочисленные сотрудники посольства. Благодаря им удавалось многое узнать о денационализации, контактах с англичанами, соглашении с Агратами, возобновлении морских и воздушных сообщений... Худо-бедно посольство смогло составить картину нового Зангаро и представить его в Москву. Вместе с тем, взрыв «Гвенко», гибель Морисона и Шеннона показали, что посольство не имеет представления о ситуации в правительстве Окойе. Этот факт очень тревожил посла, который чётко осознавал,

что не справляется с возложенными на него обязанностями. Длинными африканскими ночами Леонид Васильевич долго не мог заснуть, обдумывая своё сегодняшнее положение. Ему было совершенно очевидно, что его ждёт отставка. Оставался только один вопрос: какая – почётная или обыкновенная персональная пенсия. Надо было предпринять нечто экстраординарное

Уарри

Уинстон Массанта был не только полукровка, но и следствием смешения раз. Когда-то давно его дед-испанец полюбил и женился на молодой африканке, дочери царька народа бенга. Он был торговцем и служил в испанской фактории на Малом Элобее, где белых женщин можно было пересчитать по пальцам. Бенга жили по берегам эстуария Рио-Муни и населяли соседние острова – Кориско и Большой Элобей. Они были очень религиозны эти люди, соблюдали христианские заповеди и по воскресеньям ходили в церковь. Однако, это не мешало им обдирать как липку своих соседей фангов, которые жили в глубине леса. Они за бесценку получали дары гвинейского леса: каучук и слоновьи бивни, которые выменивали на дешёвые бусы, железные топоры и мушкеты. Долгое время этот народ процветал, а вместе с ним и европейские фактории на Малом Элобее. Однако, всему наступает конец. Торговле – тоже. После первой мировой войны торговля пришла в упадок, а испанский вице-губернатор перебрался в Бату. Иностранцы фактории на Малом Элобее были закрыты, а сеньор Массанта потерял место. Его ничего здесь больше не держало кроме большой африканской семьи, которую он сразу же забыл, как только ступил на испанский берег. Больше о нём ничего не слышали.

В королевстве бенга на Большом Элобее, который отошёл по Берлинскому трактату к Испании, мужчины занимались торговлей, рыбной ловлей или уезжали на заработки, поэтому женщина с детьми стала основой семьи. Несмотря на христианизацию, браки часто заключались без участия церкви: священникам надо платить и, кроме того, свадьба немислима без грандиозного пиршества. По рассказу отца Уинстона его бабка имела девяти детей от разных мужчин с разным цветом кожи. Во времена его молодости считалось, что чем у ребёнка светлее кожа, тем он «лучше». Бабка мать как-то сказала отцу:

– Сынок! Цвет твоей кожи почти как у отца! В Европе тебя признают за своего. Уезжай отсюда!

Но отец Уинстона решил остаться. Благодаря цвету своей кожи он стал сержантом в колониальных войсках, но дальше по службе продвинуться не мог. Его сослуживцы знали, что он – только «почти белый»! Провозглашение республики открыло новые перспективы, но, к сожалению, она просуществовала недолго. Во время мятежа генерала Франко отец Уинстона отказался нарушить присягу и его уволили из армии с волчьим билетом. Имея за плечами опыт военной службы, он завербовался в Пограничную Стражу Либерии, в которой начал свою карьеру сначала. К счастью, её взяли под своё крыло американцы, и отец смог получить офицерские погоны. То, что элобеец имел светлый цвет кожи и прямые волосы, оказалось «достаточно хорошо», чтобы подняться по общественной лестнице. Отец даже африканизировал свою испанскую фамилию, превратившись из Масанта в Массанту. Всё это открыло ему двери во многие дома американо-либерийцев, составлявших высшее общество этой забытой богом страны. Каждая из представительниц этого немногочисленного класса мечтала иметь светлого ребёнка... В 1944 году капитан Массанта женился и продолжил свою карьеру, возглавив одну из рот. Связав себя с либерийской элитой, он вольно или невольно оказался в рядах оппозиции политике президента Табмена. После покушения на него майор Массанта был отправлен в отставку. Не найдя достойного занятия на родине он с семьёй перебрался в Сьерра-Леоне, а оттуда в Гвианию. Весь свой остаток жизни он прослужил в пограничной охране и погиб в перестрелке с контрабандистами, до конца исполняя свой долг.

Первые десять лет Уинстон Массанта прожил в Харпере среди многочисленной родни своей матери. Его дед гордился тем, что его предок был губернатором Мэриленда ещё до возникновения страны, а одна из бабок – королевой народа Гребо. Идиллия закончилась после вынужденной эмиграции. Сначала это был грязный и вонючий Фритаун, расположенный на полуострове, а затем – Батерст. Только после перевода отца в Луис жизнь их семьи вошла

в нормальное русло: отец купил небольшой домик и отправил сына в кадетскую школу. Это произошло десять лет назад. После её окончания Уинстон не пошёл по стопам отца, а завербовался в Полк Королевских Африканских Стрелков. Служба в армии открыла ему дорогу в офицеры. Свой первый чин он получил за год до получения независимости. Во время мятежа сепаратистов на фронт его не послали, а присвоили временное звание капитана и назначили военным прокурором в одну из бригад. В новой своей должности он хорошо проявил себя, как хороший следователь. Около года назад его вызвал к себе Инносент Белмар, который получил от военного правительства создать службы безопасности. До независимости он служил в полиции и занимал должность субинтенданта. Белмар считался очень хорошим полицейским, поскольку в его районе царил почти образцовый порядок, за что он носил полученный от коллег кличку «Шериф». Отец Уинстона гордился знакомством с ним и как-то привёл к нему сына.

Без каких-либо околичностей он предложил перейти в его ведомство.

– Уинстон, ты станешь моими ушами при штабе Южного Округа, – убеждал Белмар. – Твоя задача будет очень простой.

– Но я ничего в этом не понимаю, сэр! – попробовал возражать Массанта.

– Научись! У Вас для этого есть всё: опыт, кругозор, образование и, главное, цвет кожи! А ещё ты сохранишь своё временное звание!

Последний аргумент оказался решающим, и Массанта согласился. Штат всей службы был небольшим – четыре человека в центральном офисе и по одному при штабах бригад и округов. Вместе с авиацией и флотом в его подчинении оказалось всего дюжина сотрудников. Они почти не имели ни опыта, ни знаний, которые были необходимы для такого рода деятельности. По совету Белмара капитан поступил в юридический колледж.

«Шериф» лично проводил все расследования, а сотрудников использовал в качестве секретарей и obsługi. Несмотря на это, Уинстон Массанта, как и все его коллеги, восхищались своим шефом и старался подражать ему во всём. Слава богу, что дел было немного: поиск сепаратистов и контрабанда военных материалов. Дело «Гвенко» попало под контроль отдела, поскольку было связано с нелегальной торговлей оружием. Массанта рассчитывал, что ему удастся быстро распутать это дело особенно после того, как ночью в штаб Южного округа поступил анонимный звонок. Незнакомый сообщил дежурному офицеру, что в одном из пакгаузов лежит оружие, которое контрабандой хотят вывезти в Зангаро. В этот раз служба оповещения сработала оперативно: начальник гарнизона поднял по тревоге комендантский взвод, который в полночь оцепил ангар. Он приказал солдатам ждать рассвета, чтобы захватить контрабандистов с поличным. Когда судно взлетело на воздух, он первым делом бросился в пакгауз и вскрыл ящики, но там оказался хлам. Тогда стали расспрашивать докеров. Один из них вспомнил, что поздно вечером от пакгауза отъехали два грузовика. Их поиск ничего не дал, впрочем, как и допрос капитана судна, итальянца по фамилии Норбиатто. Как выяснилось, он действительно ничего не знал. Когда Массанта доложил своему шефу о происшедшем, тот был сильно расстроен и приказал портовым водолазам осмотреть останки «Гвенко». Они лазали по его остову целые часы, но нашли только неразорвавшиеся снаряды для «эрликонов», которые числились в грузовом реестре судна. Его подписал полномочный представитель республики Зангаро Генри Бенъярд. Он останавливался в отеле «Эксельсиор» и раскатывал на роскошном зелёном «мэверике». Городская полиция быстро обнаружила эту машину. Она оказалась припаркованной у склада фирмы «Соваж» уже с ночи, а её куда-то запропастился. Капитана очень заинтересовало столь неожиданное исчезновение зангарского агента, которого посчитали причастным к взрыву. Однако, вскоре недоразумение выяснилось, выяснилось, что Генри Бенъярд – близкий приятель владельца «мэверика» Марита Гомаду. Зангарец затемно уехал на сафари, а перед этим отогнал машину племяннику владельца. Разговор с мистером Гомаду подтвердил этот факт. Оставалось только ждать возвращения Бенъярда, которого надо было бы допросить для порядка.

При опросе докеры показали, что Бенъярда вёл дела с Мутото, который числился агентом службы безопасности. Как выяснилось из документации, в пакгаузе хранились именно его ящики с разным хламом. Складывалось впечатление, что Мутото хотел обмануть зангарцев, но что-то у него не срослось. Вот если бы груз был бы на судне, тогда начинку ящиков было бы невозможно установить. Массанта приказал срочно разыскать торговца, но он куда-то запропастился. Его поиски пока ничего не дали.

– Ничего, никуда он от нас не уйдёт, – произнёс сквозь зубы «Шериф», услышав доклад адъютанта. Он уже был готов орать от расстройства, когда ему вдруг улыбнулась удача. Просматривая утреннюю сводку, его люди случайно обнаружили, что полиция задержала на выезде из города двух подозрительных французов, а незадолго до этого какой-то метис убит в районе порта, когда он попытался избежать встречи с патрулём. Оба события произошли в течение часа после взрыва. Эта была единственная ниточка, которые вела к контрабандистам. И тут майору невероятно повезло: одним из арестованных оказался Жорж Шевалье, он же Жак Ювелен, преступник, которого органы правосудия Гвиании разыскивали несколько лет. Его поделщик назвался сам – это был Шарль Ру, довольно известный наёмник. На него у майора ничего не было, но он рассказал всё сам. Главным в этой информации было то, что некий господин Харрис, который представлял интересы нанимателя Шарля Ру, должен встретится с бригадиром Спиффом. В девять часов утра Уинстон позвонил Белмару и лично доложил о результатах расследования.

– Ру признался, что ему приказали заложить взрывчатку?

– Нет, он всё валит на Шевалье и второго своего поделщика. Очень возможно, что это убитый в порту. Документов при нём не было. Но по татуировкам на испанском можно сказать, что это латинос. Вероятно, с какого-то карибского острова.

– Провели опознание трупа?

– Провели.

– Кто-нибудь его опознал?

– Нет. Докеры его не встречали ни разу.

– Покажите труп Ру. Может он опознает.

– Показывали, не узнаёт. Говорит, что видел его мельком и всего один раз.

Ни полиция, ни разведка так и не установили личность человека, труп которого нашли в порту. Конечно, это был не Грильо, который, чтобы замести следы, пришёл похожего на него человека – матроса с парохода, пришвартовавшегося в порту Уарри. Его капитан о пропаже не заявил, поскольку рассчитывал присвоить жалование этого бедолаги, а его прежние приятели даже не обратили внимание на его уход. Мало ли что бывает с человеком, может он решил сойти на берег. Тем временем, сам Грильо поспешил в особнячок, чтобы забрать деньги, свои и чужие вещички и смотаться. В лагерь он, естественно, не поехал. Сев на рейсовый автобус, он доехал до городка у северной границы Гвиании. Здесь он распродал все свои «трофеи», включая пистолет и патроны. Уплатив небольшую мзду пограничникам, он пересёк границу и оказался в соседнем Камеруне. Здесь можно было считать себя в безопасности...

Белмара в этом деле больше всего интересовал Шевалье. По его глубокому убеждению, только он мог дать показания против полковника Роджерса, который заварил эту кашу. В порыве откровения, он как-то рассказал Массанте, что когда-то работал вместе с комиссаром Прайсом, знал этого самого Роджерса и его агента-француза, и теперь жалел об этом.

– Как он держится? – спросил он Массанту.

– Молчит.

– Пусть ему. Это такой орешек, который нельзя расколоть с одного удара. Изолируй его на время и работай с Ру. Протоколы допросов срочно пошли мне с курьером. Мер воздействия к ним пока не принимай. Успеется.

Массанта невольно поморщился: он редко прибегал к таким методам. Всегда лучше поговорит, поугасть, ну и применить пентотал. Правда эта «сыворотка правды» действовала не на всех: кто-то был к ней невосприимчив, а кто-то имел противопоказания и мог умереть.

– Понял, сэр. У меня ещё есть несколько подозреваемых на примете. Сейчас мы их ищем.

– Кто это? Зангарцы?

– Полномочный представитель Республики Зангаро Генри Бенъярд отпадает.

– Почему?

– У него есть алиби. У капитана Норбиатто тоже документы в порядке. Кроме того, он – гражданин Италии.

Было слышно, как скрипят зубы шефа.

– Кто ещё есть в твоём списке, – процедил он.

– Ещё есть английский гражданин Уолтер Харрис и торговец Мутото. По англичанину хотелось бы иметь побольше информации.

– Да, да, конечно, – быстро произнёс в трубку суперинтендант. – Тебе пришлют всю информацию, которая у нас есть. А Мутото ищи сам. Имей ввиду, что он – наш человек.

– Знаю, сэр. Поэтому очень странно, что его нигде не могут разыскать.

– Пошли лучших людей. Мне кажется, он как-то замешан в этих событиях.

– Да, сэр. Так и сделаю!

– И вот что ещё, Уинстон, – в голосе шефа появилась странная интонация. – Пока не распространяйся о результатах дознания. Делу присвоить высшую степень секретности!

– Есть, сэр, – высшая степень секретности означала, что доступ к материалам следствия будут иметь только сам Белмар, президент, ну и следовательно, конечно.

– Теперь самому придётся писать протокол допроса, – тоскливо думал майор, а его шеф продолжал давать указания в трубку:

– Будь всё время у телефона, Уинстон, я сам скоро с тобой свяжусь.

– Да, сэр.

Белмар так и не связался со своим подчинённым: он примчался сам. Это произошло в тот момент, когда майор заволновался, что шеф долго не выходит на связь. За это время ему полностью удалось расколоть Ру: в страхе он рассказал и о минировании «Гвенко», и о лагере наёмников где-то у южной границы, и о фороне Дого, и об оружии, доставленном морем. Информации было так много – успевай только записывать. Изредка Массанта прерывался, брал протоколы допроса, заходил в соседнюю одиночку и зачитывал отрывки из них Шевалье. Зеленоглазый француз (бывает же такое!) всё время смотрел ему в глаза, молчал и изредка плевал сквозь зубы. Он сидел на бетонном полу, широко расставив ноги, сильный и уверенный в себе мужчина, и сильно отличался от елозившего в допросной Ру. Что будет с ним, когда расследованием займётся лично Белмар? Молчащая отбивная или орущий от ужаса кусок мяса? Массанте было искренне жаль этого гордого и сильного человека, он пытался ему помочь выжить:

– Поймите, Шевалье, – сказал он напоследок. – Мы всё равно из Вас всё вытащим. При помощи пентотала или тисков. Лучше подтвердите показания Вашего друга – Вам будет легче жить. Всё равно Вам светит лет десять тюрьмы...

– Он всё врёт, – последовал чёткий ответ. – А за свои поступки я отвечу сам. Больше стенки мне все равно не светит...

– Ну, как хотите. Вы мне искренне симпатичны.

– Все тюремщики так говорят, – процедил сквозь зубы француз. – Вы не первый и, вероятно, не последний.

– Это точно, – сказал Массанта, закрывая дверь. По дороге в допросную он встретил Белмара, тот был спокоен и сосредоточен.

– Удалось ли найти Мутото? – первым делом поинтересовался он.

– Нет. Мы нашли квартиру, которую он снимал. Хозяева говорят, что в утро после взрыва он был абсолютно спокоен и даже весел. Часов в десять он ушёл в банк пешком, но быстро вернулся. Своим хозяевам он показался очень расстроенным. Потом быстро сложил свои вещи и уехал. Самое интересное, что из банка он приехал на лендровере, забитом какими-то ящиками.

– Что за груз?

– Хозяева их не разглядели, но я догадываюсь, что это...

– Что?

– Оружие, которое мы искали в пакгаузе...

– Так-с, – потянул Белмар. – Понятно...

– Какие будут дальнейшие указания, сэр?

– Дальше дело веду я, майор! А Вам будет особое поручение?

– Какое?

– Поезжайте в тренировочный лагерь и проведите тщательную сортировку материала.

– Так точно, сэр! Я немедленно направлю туда своих людей!

– Вы это сделаете лично Уинстон.

– Слушаюсь, сэр! – в голосе майора стоял немой вопрос.

– Вас что-то смущает, майор?

– Да, сэр. Согласно показаниям Ру, там три сотни рекрутов и пять белых наёмников. Чтобы их разоружить понадобится целый батальон, усиленный бронетехникой.

– Танки Вам не понадобятся, Уинстон, – засмеялся Белмар. – Тренировочный лагерь переходит под контроль военной разведки!

– Как так? Это же – потенциальные повстанцы!

– А вот так! Мы с бригадиром Спиффом пришли к соглашению с их нанимателем.

– Это мистер Харрис?

– Нет. Он только представитель.

– Моя задача?

– Командир добровольческого батальона. Но самое главное, – мои глаза и уши. Вам ясно?

– Да, сэр!

– Вот и отлично! Отдыхайте. Завтра Вы встретитесь с группой наших военных инспекторов, которые будут направлены в эту часть. Я хочу иметь полное представление, майор, об их лояльности, настроениях, мотивации...

– Так точно, сэр! Я справлюсь!

– Отлично! Завтра получишь в канцелярии свои документы. Тебе будет помогать военный инструктор из числа наёмников. Его зовут Жан-Люк де Валье. Кроме того, тебе будет подчинён лейтенант Ньютон из Второй Бригады. Вы принимать решения будете все вместе. В нашей разведке ты будешь числиться по-прежнему и, естественно, получать жалование.

– Кто это такой, этот Ньютон. С одним я был когда-то знаком. Он служил в Королевских Стрелках. Его звали Фред.

Белмар отрицательно покачал головой:

– Нет, этого зовут Твистлтон, но он тоже служил в африканских стрелках.

– Может родственник?

– Вряд ли. Кстати, пока ты занимаешь должность командира батальона, ты будешь получать его жалование... – Улыбка, проскользнувшая по лицу «Шерифа», многое сказала его подчинённому.

Массанта пожевал губами и спросил:

– Вы точно не знаете, что с ним случилось, шеф?

– Знаю. Получишь на него досье...

– А что будет с ними? – кивнул в сторону камер Массанта.

– Завтра заберу их в Луис. Мы их тщательно допросим, а потом будем судить, – недобро усмехнулся шеф. – Инкриминируем им наёмничество, предумышленное убийство, терроризм, мародёрство, грабежи. Полный букет, чтобы поставить к стенке...

– Ясно, сэр!

– Завтра я тебя представлю твоим новым подчинённым, а потом улечу в столицу. Постарайся выяснить как осуществляется связь между наёмниками и их нанимателем.

– Да, сэр. А что будет с нашей службой?

– Он будет перетасована. Я убедился, что все наши сотрудники – непрофессиональны и, следовательно, для службы совершенно бесполезны. Я их передаю бригадиру Спиффу вместе со всем архивом. Пусть сам копается в этих делах...

– А как же Вы, сэр!

– Мне предложено возглавить столичную префектуру, а ты продолжишь службу в батальоне. Когда я устроюсь, то приглашу тебя в Луис, – «Шериф» не впервые применял эту уловку, чтобы стимулировать подчинённых, но Массанта этого не знал.

Когда Белмар окончательно убедился в том, что Массанта покинул полицейский участок, он решил навестить арестантов. К этому времени Ру уже вернули в его одиночную камеру, где находились минимальные удобства – койка, стол, ведро, и дали фуфу на воде. Затем Массанта приказал выдать арестанту карандаш и бумагу: вдруг ещё что-нибудь вспомнит.

– Пишите всё, что знаете, – сказал он в ответ на вопросительный взгляд француза. – Это Вам на суде зачтётся...

Через пару часов Белмар вернулся в камеру Ру. Наёмник моментально вскочил и протянул ещё два мелко исписанных листа бумаги. Суперинтендант бегло просмотрел их: это было подробное описание переговоров между ним и Харрисом о наборе группы наёмников. Похоже, что этот трус действительно ничего не знал: ни целей найма, не истинного хозяина, ни даже Роджерса. Выходило так, что доступ к заказчику имел только Уолтер Харрис, то бишь мистер Эндин, и, вероятно, бывший разведчик. К сожалению, что-нибудь предпринять против одного из них было невозможно. Не столько из-за огласки, которую могло вызвать их внезапное исчезновение, сколько из-за бригадира Спиффа, который был близким приятелем начальника Генерального Штаба Гвиании. Именно он рекомендовал Белмара на нынешний пост. Правда, ещё имелась слабая надежда, что кое-что удастся сделать мистеру Блейку. Он явно не в восторге от того, что бывший полковник уже третью неделю сидит в Луисе. Вот, если хозяева Харриса захотят принять его услуги и уволят Роджерса, то он развернётся: деньги, тайная власть, политическое влияние! Как много зависит от этого инкогнито! От собственного бессилия как-то ускорить ситуацию Белмара охватила тихая ярость. Ру истолковал эмоции, отразившиеся на лице тюремщика, по-своему и залепетал:

– Я ни в чём не виноват. Я только – советник по военным вопросам! Я ничего не делал! Я сказал всё, что знаю!

Суперинтендант смотрел на дрожащего лягушатника и понимал, что этот тип с точки зрения закона Гвиании не сделал ничего такого, за что его можно было посадить в тюрьму. Формально, он даже не был наёмником. Даже самый предвзятый суд его признает невиновным и оправдает. А зря!

– Белые уже тем виноваты, что пришли к нам в Африку, – произнёс он на лингвала и с размаху заехал по растерянному лицу француза. Шарль Ру упал и скрючился, в ожидании новых побоев, но Белмар уже успокоился. Увидев этого жалкого труса, он плюнул в его сторону и вышел из камеры.

– Такого даже бить не интересно, – подумал он, захлопывая дверь камеры. Тем временем, Шарль Ру лежал, скрючившись калачиком, и думал, что ему повезло и что бить его сегодня больше не будут. Вдруг он услышал лязг засова в камере напротив: там содержался Жорж Шевалье...

Последнее заседание

Пятого сентября члены Комитета Национального Спасения были приглашены к президенту Зангаро на обед. Так значилось в приглашении, присланном каждому из них с курьером. Это вызвало недоумение у многих из них, поскольку многие из них получили места в парламенте и правительстве. Тем не менее, никто из них, включая Мозеса Ниса, не проигнорировал это приглашение. Традиционные вожди прибыли в Президентский дворец первыми. Они с некоторой опасением вошли в нижний холл особняка, где их встречал новый управляющий Джойд Куома. С ослепительной улыбкой он проводил их в зал заседаний, где был сервирован стол на двенадцать персон. Здесь уже находились члены Госсовета. Как обычно, лидеры бакайя держались вместе. Они составили отдельную группу, к которой присоединился комиссар Кирк Хорос. Они плотной группой встали у окна и лениво обменивались репликами, потягивая коктейли. Другую группу составили советники – Синк, Лорримар и Дусон. Они обступили Бенъярда и о чём-то его энергично расспрашивали. Обоим форонам бавинду ничего не оставалось как подойти к Кзуру Пренку. Он о чём-то разговаривал с личным секретарём президента Кати Брегмой. Она односложно отвечала ему.

– Господа сенаторы, – сухо поприветствовал их глава Ассамблеи в своей обычной манере. – Рад Вас видеть!

– Взаимно, – ответили фороны и почти одновременно кивнули головами.

– Вы случаем не знаете причины этого собрания? – спросил Калин Верд. Было непонятно к кому адресован его вопрос: то ли председателю Ассамблеи, то ли секретарю президента.

– Скоро узнаете, – загадочно улыбнулась Кати. – Скоро президент выйдет.

– Но, как я понимаю, ещё не прибыл Мозес Нис? – произнёс Адам Пир, оглядывая зал.

– Полковник скоро прибывает, – ответил за Брегму подошедший откуда-то сбоку Куома. – Извините, господа. Я должен лишить Вас общества нашей очаровательной дамы. Мадмуазель, Вас срочно хочет видеть президент!

– Извините, господа! – мягко произнесла секретарь и посмотрела на антикварные часы, висевшие между окнами. Это произведение работы Густава Беккера чудом уцелело во время штурма. Их стрелки показывали без пяти минут пять. – Я Вас покину на несколько минут...

– Да, мадмуазель, – хором произнесли фороны и слегка поклонились ей.

– Может Вы, Кзур, знаете причины нашего сбора? – спросил Пир.

– Да, в некоторой степени, коллеги.

– Можете нас просветить по этому вопросу?

– Я думаю, что через пять минут Вы всё сами узнаете, господа...

– Но всё-таки, просветите нас, – Верда распирало любопытство. – Хотя бы в общих чертах...

– Хорошо. Это касается конституционной реформы...

Тут снизу раздался громкий гудок автомобиля. Стоявшие у окна бакайя невольно выглянули в окно:

– Полковник Нис приехал, – на весь зал произнёс Хорос.

– Вероятно, все теперь в сборе, – пробормотал Пир.

– Да, – кивнул головой Пренк и отошёл к группе советников. Фороны остались в одиночестве и стали потягивать аперитив, который им услужливо поднес стюард.

Мозес Нис, поджарый молодой человек лет двадцати пяти, легко взлетел по дворцовой лестнице и уже через минуту оказался в зале заседаний. На нём была полевая форма, которую привёз Шеннон – пятнистая куртка и брюки, профессионально ушитые под его небольшой рост. С любопытством он оглянулся вокруг, сопровождая свой взгляд лёгкими кивками. Увидев одиноко стоявших форонов, он подошёл к ним и протянул руку для пожатия.

– Я немного задержался, господа! Надеюсь без меня ещё не начали!

Фороны вяло поздоровались и как-бы нехотя ответили на рукопожатие. Хотя Нис был бавинду и управлял вторым по величине город Зангаро, они не считали его равным: он был всего лишь сыном лодочника, взлетевшим к вершине власти на гребне революции. Нис будто не бы замечал их поведения и стал расспрашивать о причине столь неожиданного собрания. Он так и сыпал словами:

– В чём причина, господа? У меня полно дел в Туреке...

– Пренк сказал, что президент хочет провести конституционную реформу...

– Зачем ему это? Он выбран на шесть лет вполне законно! Лучше бы занялся экономическим развитием, мне нужно открыть торговлю! А ещё идут слухи о том, что бавинду в Загорье снова восстали! Это правда?

– К сожалению, да, – кивнул Верд. – Повстанцы снова заняли бому Коро.

– Откуда они берутся? Ведь Шеннон разогнал остатки армии...

– Разогнать-то разогнал, но кое-кто из них укрылся в Богане...

– А Буасса? Этот жирный боров! Разве он может нам угрожать?

– Молодой человек, там не только Буасса, но и министры Кимбы Оббе. Флет, Куин! Им помогают местные коммунисты, за которыми стоят русские.

– Они что, нам угрожают? – нахмурился Нис.

– Спросите Синка, – последовал ответ. – Он заведует иностранными делами...

Тираду Верда прервал бой настенных часов. Под их звук распахнулись двери в кабинет президента и через несколько мгновений в них появился доктор Окойе, одетый в безупречный кремовый костюм. Сзади его шла Кати Брегма в платье такого же цвета.

– Здравствуйтесь, господа, – громко произнёс он. – Рад Вас видеть в добром здравии!

Присутствующие ему ответили нестройным гулом голосов. Выдержав паузу, президент развёл руками и произнёс:

– Присаживайтесь, господа. Чувствуйте себя как дома. Нам надо очень серьёзно поговорить!

Раздался звукдвигаемых стульев, и вскоре все участники встречи расселись вокруг обеденного стола. После первого тоста за республику все приступили к трапезе. Некоторое время звенели приборы и звучали реплики, перемежаемые чавканьем и другими звуками, сопровождающими приём пищи. Президент осматривал своих коллег, периодически притрагиваясь к бокалу вина или тому, что было в его тарелке. Из всех присутствующих подобно ему вели только четверо: епископ, профессор и оба юриста. Постепенно звуки вилок и ножей замирали, советники и вожди откидывались на спинки стульев и поднимали глаза. Приём пищи перерос в короткие разговоры, сопровождавшиеся редкими тостами и репликами. Прошёл примерно час, когда президент поднялся со своего места и призвал всех к тишине. Он поднял бокал и торжественно произнёс:

– Господа, я рад приветствовать основателей демократического Зангаро. За Вас!

– За Вас, господин президент! – повскакивали с мест все присутствующие. Тем временем, Окойе до дна осушил свой бока и сел. Его примеру последовали все остальные. В ожидании чего-то нового их лица напряглись.

Окойе сделал знак и слуги, стали убирать грязную посуду и сервировать стол к десерту.

– Если кто хочет покурить, то курите прямо здесь, – произнёс президент и закурил. Многие из присутствующих последовали его примеру. Когда слуги, наконец, очистили зал, Окойе заговорил вновь:

– Нам предстоит долгий разговор, господа. Он касается судьбы Зангаро, ну и, естественно, всех нас.

Тут президент обвёл рукой всех присутствующих. Массивные золотые часы на его руки поймали солнечный луч. Солнечный зайчик перескочил с одной стены на другую и пропал. Многие из присутствовавших знали или, по-видимому, догадывались о планах президента и

согласно кивали головами, другие – хмурились, не понимая в чём дело. Безмятежный вид оставался только на лице Ниса, он не понял ровно ничего из сказанного.

– Разве сейчас всё плохо? – спросил он. – Выборы проведены, наше правительство у власти. Кто нам угрожает? Может, внешние враги? Повстанцы? Кто?

– Вы, молодой человек, видимо, не представляете всей сложности нашего положения, – нахмутив брови произнёс Дусон. – Основные проблемы Зангаро заключаются в отсутствии прочной экономической основы...

Но Нис не сдавался. Он был явно обижен, что его величали «молодым человеком», а не полковником:

– Как это нет? А плантации, а рыба, а красное дерево, а торговля! Мой Турек спокойно может себя прокормить. Просто работать надо больше!

– Капитан Нис, в чём-то прав, – подчеркнуто сухо произнёс Пренк. – Не знаю, как он справляется справляется с проблемами, но могу с уверенностью заявить, что наше правительство сейчас живёт за счёт столицы и её окрестностей. Именно за счёт неё формируется доходная часть бюджета...

– И ещё района плантаций, – вставил своё слово Сэй Вашни.

–... и района плантаций, – невозмутимо произнёс Пренк. – Сейчас мы живём за счёт урожая какао, но что будет происходить, когда мы его продадим? Снабжать продовольствием Уарри? Заниматься контрабандой? Отдадим японцам свои территориальные воды?

– Но Аграты ведь обещали финансовую помощь? – попытался возразить кто-то из вождей. – И ещё есть Тракопа...

– Это всё временные решения проблемы, – отмахнулся Дусон. – Для того, чтобы культура какао вновь стала основой нашей экономики, требуются годы и инвестиции. Наше правительство должно стараться создать для этого соответствующий климат.

– Так что для этого нужно?

– Стабильный политический режим и международное признание!

– Ну так вроде у нас это есть!

– Не обольщайтесь, господа! Кое-кто нас признал, но для всеобъемлющего процесса дело пока не дошло. Кроме того, в Богане возникло правительство в изгнании. По нашим данным его поддерживают русские... – вступил в дискуссию сухощавый Синк.

– По моим данным, – добавил Хорос. – Повстанцы вновь заняли Коро. Они оттуда движутся на Акуку...

– Или Таурангу, – вставил своё слово Нис. – Оттуда они пройдут по горам на Турек.

– Так или иначе, мы не сможем привлечь крупных инвесторов, если не ликвидируем этих недобитков, – добавил Дусон. – надо от них избавиться как можно быстрее.

– Я могу собрать сотню добровольцев, – громко заявил Нис. Только мне надо оружие!

– Его у нас пока нет, – поморщился Хорос. – Обходитесь пока своими средствами...

– Вы мне разрешаете?

– Да, – необдуманно ляпнул комиссар. Пренк и Бенъярд вопросительно переглянулись.

– Сколько сейчас людей в Туреке, Кирк? – спросил вдруг Окойе.

– Десять жандармов и один таможенный инспектор, не считая командира гарнизона.

– Кто начальник Вашего гарнизона, Мозес? – обратился президент к мэру Турека.

– Лейтенант Занзибар Мэрайя. Один из людей Шеннона, – скривился полковник.

– Помню. Очень надёжный офицер! Я, пожалуй, соглашусь в Ваши, Мозес. Собирайте людей, формируйте ополчение, а с оружием мы как-нибудь решим. Лишние люди нам не мешают.

– Если Вы позволите, господин президент, я смогу добыть оружие сам.

– Каким образом, мой друг?

– Сделаю заказ через месье Борлика. Он доставляет нам всякую всячину, почему бы ему не привезти нам сотню винтовок.

– Хорошо, полковник. Но Вы это должны делать только под контролем лейтенанта Мэрайи.

На мгновение лицо Ниса исказила гримаса ярости: он нехотя кивнул.

По-видимому, доктор не заметил реакции мэра и продолжил безмятежным голосом:

– Итак, господа, какие у нас могут быть ещё источники доходов? Кто мне подскажет?

– Я изучил бумаги Фодра. Он обнаружил на южном берегу салину, – начал бы рассказывать Пренк.

– Да, да, – вдруг его перебил Кауна. – Во времена Мурата в тех местах добывали соль, которую меняли у бавинду на каучук и слоновую кость. Я знаю эти места...

– Можно ли там организовать добычу соли? – спросил Дусон.

– Гм, гм, – произнёс Кауна и искоса посмотрел на Ниса. – Она там уже идёт полным ходом...

– Как это?

– Разве не Вы дали её в концессию месье Борлику, профессор?

– Нет, я такого разрешения не давал, – твёрдо заявил Дусон. – Это самочинный захват...

– Скажем так, добывать соль разрешил Борлику там я, – громко сказал Нис. – Я думал, что он действует по поручению правительства. При этом он за последний месяц кое-что заплатил в городскую кассу.

– Куда смотрел лейтенант Мэрайя, почему не доложил Вам? – вскинулся Дусон на Хороса. – Почему в казну не поступило ни сентима.

– Успокойтесь, профессор! Я разберусь в этом, – Хорос поджал губы. – Не забывайте, что жандармерия подчинялась только Шеннону. Он не отчитывался передо мной.

– Вот, вот, – просипел епископ Фернандес, надувшись, как индюк, – много Вы позволили этому наёмнику, господин президент! Надо ещё решить вопрос с наследством...

– Этим займёмся позже! – оборвал тираду епископа Окойе. – У меня для всех есть важная информация. В горах к югу от Акуки найдено крупное месторождение олова. Мы уже ведём переговоры с одной британской компанией о передаче ей залежей в концессию сроком на десять лет...

– Какие условия? Сколько там металла? Как они будут платить? – раздались взволнованные голоса советников. В ответ президент развёл руками и произнёс:

– Об этом говорить пока рано. Мы не знаем размеров месторождения, ни стоимости его эксплуатации. Пока!

На минуту в зале воцарилась тишина. Её нарушил Пренк, задав всех интересовавший вопрос:

– Но где же оно находится, господин президент?

– В районе бомы Буюнга. Это Ваш округ, Калин! – произнёс Окойе.

– Да, я недавно побывал там, – кивнул головой форон. – Я там был вместе с Шенноном. Он подтвердил ваши данные?

– Полностью, – кивнул президент.

– О, так это меняет дело! – захлебнулся в восторге Дусон. – Надо ускорить переговоры в этом направлении.

– Мы итак стараемся, как можем, – заявил Синк, протирая салфеткой свои очки. Было видно, что их толстые линзы сильно запотели. – Наши партнёры требуют утихомирить Загорье, а у нас для этого нет сил и средств. Говорят, что в тех краях вновь появились повстанцы.

– Да, они вновь заняли бому Коро, – подтвердил Хорос. – Мы готовимся туда послать мобильный отряд.

– Мясников из Ханипы, – хмыкнул Сэй Вашни. – Много они там навоюют...

– Прекратите немедленно препираться, – Окойе повысил свой голос. – Я хотел бы знать, кто отдал приказ о зачистке гипносерия. Мне пришлось выдержать нелёгких разговор с доктором Арвидсоном. Кто?

– Как кто? Конечно, это был Шеннон, – произнёс епископ Фернандес.

– К Вашему сведению, фра, – вежливо произнёс Пренк, – покойного не было в Кларенсе в это время.

– Да, верно, – подтвердил Лорримар. – Кто же тогда взял на себя эту инициативу? Вы, Кирк?

Лицо комиссара неожиданно перекосила злобная гримаса:

– Ничего подобного. Я получил распоряжение президента о ликвидации гипносерия и передал приказ по инстанции. Туда в распоряжение лейтенанта Эйнекса были направлен отряд под командованием Вижейру. Жандармы только исполнили приказ Вашего адъютанта, господин президент!

– Так-с, – потянул доктор. – Значит я во всём виноват! Перебили несколько сотен беспомощных больных, а я отдувайся, – чёрная кожа президента вдруг приобрела пепельный оттенок, глаза выпучились, а голос приобрёл режущий оттенок. – Значит так, господа! Я, как президент Зангаро приказа о расстреле не отдавал, и, следовательно, вся ответственность за это лежит на Комитете национального спасения! Лорримар, вы как министр юстиции проведите дотошное расследование и накажите виновных в этом преступлении! А, Вы Кауна, обеспечите, чтобы приговор был строг и справедлив! Держите меня в курсе об всех деталях процесса. Хорос прикажите капитану Ракке немедленно взять под арест лейтенантов Эйнекса и Вижейру.

– Хорошо, доктор! Я сейчас же распоряжусь.

– Может сначала выслушаем Эйнекса, – предложил Пренк. – Он же стоит тут за дверью.

– Нет необходимости, мы – не трибунал, – оборвал его президент. – Будем заниматься своим делом.

За дверью послышался какой-то шум, потом всё стихло. Бенъярд, сидевший у самого окна посмотрел в него и увидел, как президентского адъютанта под руки вывели два президентских гвардейца. Они посадили его в машину и увезли в сторону горда.

– Тебена повезли в полицейское управление, – шепнул он, сидящему рядом Пренку.

– Бедный мальчик, – ответил тот. – Он явно выполнял приказ доктора. Теперь ему отдуваться за это.

– Ладно, посмотрим, что будет.

– Угу!

К Окойе, тем временем, вернулось его привычное самообладание, и он продолжил разговор на выбранную тему:

– Итак, господа, какие есть предложения по дальнейшему развитию нашей демократии?

– Позвольте мне, – поднялся с места Дусон. Этот рослый мулат с карибских островов долго занимал место профессора экономики и, как все преподаватели, был зануден и практичен. – Я хочу предложить нашему правительству привлечь профессора Леонарда Кора в качестве иностранного эксперта.

– Кто это, профессор?

– Австриец. Он хорошо известен в международных кругах.

– Чем он знаменит?

– Он специализируется в области экономической модели микросоциальных систем. Семь лет назад я был на стажировке в университете Пуэрто-Рико и прослушал курс его лекций.

– Он действительно может помочь Зангаро? У него есть опыт?

– Думаю, что да. Лет пять назад его приглашали советником на Ангилью...

– Никогда не слышал о таком государстве.

– Это – британская колония в Карибском море, – пояснил Синк, на мгновение блеснув линзами, на которые сквозь жалюзи пробился закатный луч солнца. – Она отделилась от автономии Сен-Китс и захотела сохранить статус колонии. Весьма любопытный казус в международном праве...

Большинство присутствующих пропустили слова советника мимо ушей, поскольку ничего не поняли из его объяснений.

– Садитесь, Дусон. Напишите письмо Вашему коллеге и пригласите его к нам. Только многого ему не обещайте...

– Хорошо, господин президент. Я сделаю так, как вы сказали.

– А теперь, господа, перейдём к самому главному, – торжественно произнёс президент и стал медленно осматривать своих коллег. После длительной паузы он сказал: – Мне кажется, вы все убедились в том, что наша конституция весьма несовершенна, поэтому я хочу её изменить в лучшую сторону. Всех Вас пригласил сюда, чтобы предложить занять место в конституционном комитете.

– А каким будет его состав? – озабоченно спросил Лорримар.

– ... и полномочия? – добавил епископ Фернандес.

– В его состав войдут все присутствующие за исключением, естественно, меня. К Вам присоединятся двое коллег Робера – мэтр Боваль и мадмуазель Шинру. Итого тринадцать человек, – оскалился Окойе. – Для консультаций Вы сможете пригласить какого-нибудь заграничного эксперта в области юриспруденции. Лучше всего американца...

– А кто будет его возглавит, господин президент, – озабочено спросил Лорримар.

– А вот это Вы решайте сами, – любезно и многозначительно ответил Окойе. – Временем Вы ограничены не будете, учитывая, что у Вас всех есть повседневные обязанности. Когда всё будет закончено, я вынесу поправки у нашей конституции на референдум! Вопросы есть?

Все присутствующие удивлённо замолчали. Одни из них не понимали зачем всё это нужно, другие старались вникнуть в смысл слов президента, только Мозес Нис качал головой и прямо спросил:

– Вы, президент, решили сделать всех нас заложниками какой-то своей игры, не так ли?

Окойе хищно оскалился:

– Много о себе думаете, молодой человек! Господа, все свободны.

Раздался звук сдвигаемых стульев: гости быстро очистили приёмный зал и спустились во двор. В зале оставался только Бенъярд:

– Это было неплохо придумано, Вайянт! Загнать всех своих оппонентов в конституционную комиссию. Они расшибуют себе лбы в спорах!

– Или натрут языки, – цинично рассмеялся президент. – Видел бы ты удивление на их рожах!

– Кое у кого видел. Мне кажется, они ничего не поняли, только Пренк и Лорримар. Может ещё Синк и Фернандес...

– Я тоже так думаю. Эти четверо хотя бы закончили колледж.

– И опыт...

– И опыт, – кивнул головой Окойе. Он подошёл к минибару с напитками и собственноручно налил два бокала виски, засыпав их льдом. Один из стаканов он протянул Бенъярду. Тот взял его в руки, пригубил, а доктор сменил тему разговора:

– Прочёл писульки Шеннона?

– Угу. Кот – молодчина, ничего не упустил. Только я не понял, кто такая Изабо? Его девушка что ли?

– Одна из монашек. Работала в Зангаро по линии «Каритас интернешнл». Попала в плен к дикарям, а наш бравый майор её выручил.

– А что с ней потом произошло?

– Какая-то мутная история. Её убила коллега из-за какой-то ерунды. Хорос в курсе дела. Самое интересное, что накануне своей гибели она изменила свою завещание, назначив душеприказчиком Шеннона...

– Так она была богачка?

– Не совсем. Богачом был её отец, а она находилась под опекой монсеньора Фернандеса. Согласно завещанию отца, епископ должен был быть её опекуном до замужества или возраста двадцати пяти лет...

– Ну и что?

– А то, что отец не предусмотрел возможности ранней смерти дочери, а она по нашим законам была совершеннолетней и имела право составить собственное завещание...

– Откуда ты это знаешь?

– Лорримар растолковал. Так вот, «Каритас интернешнл» претендует на наследство мадмуазель Гайар.

– Кого?

– Ну этой самой Изабо...

– Так в чём же дело?

– Дело в том, что из письма Шеннона следует, что душеприказчиками этой самой Изабо является наше правительство.

– А состояние у неё большое?

– Этого я не знаю. Займись-ка этим делом...

– А Хорос?

– Ему я не очень доверяю.

– Лорримар?

– Он слишком щепетилен в этих вопросах, как и Пренк!

Беньярд допил виски и кивнул:

– Согласен!

– Вот и хорошо. Теперь надо что-то решить с охраной дворца, – Окойе по привычке склонил голову набок и стал пристально смотреть на собеседника. Беньярд выдержал взгляд и решил увеличить темп беседы:

– Кого назначишь комендантом вместо Эйнекса, Вайянт? Меня?

– Нет, Генри! С тобой мы уже всё решили. Джойд Куома неплохо разбирается в вопросах охраны. Уже завёл парочку сторожевых собак. Кроме того, он имеет военное образование...

– С этим не могу спорить. Только не забывай, что он служил Кимбе.

– Ему служили двести тридцать человек из тех сорока пяти десятков, что состоят на государственной службе сегодня, – перебил Беньярда президент. – Их всех надо использовать. Это ты сказал!

– Не отрицаю. Но всё-таки, это довольно опасно держать рядом с собой офицеров Кимбы.

– Тогда для чего мне старший вахмистр Картр и мадмуазель Брегма, гвардейцы, лучшие среди волонтеров? Но, пожалуй, ты прав я назначу начальником охраны Гебе Слита.

– Отзовешь с границы?

– Угу. Пошлю кого-нибудь из своих командос.

– Кого?

– Посоветуюсь с Картром. Он лучше знает своих товарищей...

– Ясно. Как я понимаю, пост управляющего хозяйством займёт Фортус Кан?

– Верно. Чем не показатель лояльного отношения к служащим прежнего режима! – в голосе президента зазвучала ирония.

– А что будет с Тебеном?

– Ничего страшного. Проведём суд, оправдаем. Всё свалим на португальца и двух-трёх солдат. Так сказать, эксцессы на местах.

- Казним перед строем?
- Нет. Обоих офицеров условно разжалуем, солдат отправим в Загорье. Глядишь все про них позабудут...
- Парня жалко. Он ведь хотел учиться.
- Не спору, жалко. Но кто-то же должен ответить за расстрел больных.
- Признайся, это ведь была твоя идея?
- Нет, не моя. Хотя с точки зрения человечности, это было лучшее решение для пациентов гипносерия. Они были обречены на медленную и мучительную смерть. Это можно рассматривать как насильственную эвтаназию. Пройдёт двадцать или тридцать лет, я думаю, и этот вопрос будет обсуждаться в медицинских кругах...
- А как это соответствует врачебной этике? Ты же имеешь медицинский диплом.
- Слушай, Генри, отстань!
- И всё-таки!
- Это недопустимо, конечно! Так мне заявил и доктор Арвидсон. Доволен?
- Скорее опечален.
- Вот она – цена власти.

II

Происшествие в гипносерии

Отношения и судьбы докторов медицины Окойе и Арвидсона складывались не просто. Когда-то очень – очень давно они вместе проходили практику в одном из британских госпиталей на Карибах. Остров назывался Сен-Барт. В его столице, Густавии, проживало немало шведов. Поэтому, когда юному Сэмюэлю предложили поехать туда на практику, он сразу согласился. Немалое влияние на его выбор оказали путевые заметки его соотечественника Бенгта Шёнгрена, описавшего этот тропический кусочек Швеции. Юноша быстро разочаровался в острове, но навсегда полюбил тропики. В этом ему помог старший санитар госпиталя по имени Вайянт Окойе. Он подрабатывал в этой дыре, чтобы закончить курс обучения в Сорбонне. Второй раз их судьбы пересеклись в Биафре, где оба доктора работали по линии Красного Креста. Однако, если Окойе стал близким сотрудником генерала Оджукву, то Арвидсон поступил на службу в ООН. Конечно, он сочувствовал бедным ибо, но не настолько, чтобы пойти по пути графа Розена и работать за идею. Через несколько лет опыт и квалификация Арвидсона были оценены по достоинству, он подал на конкурс и вскоре получил назначение на пост директора госпиталя в Кларенсе. Это произошло примерно за полгода до переворота. Сначала Арвидсон обрадовался, когда узнал, что его хороший знакомый возглавил Зангаро. Однако, со временем, его отношение к новому режиму стало меняться. Его стали раздражать манеры Шеннона и его наёмников, произвол и дефицит лекарств. Всё это имело место и при Кимбе, но тогда врачи госпиталя выступали против его режима единым фронтом. Теперь доктора Мильтадес, Каэли и даже его Флорис, точнее доктор Кейм, оправдывали новое правительство. Сначала это вызвало у Арвидсона чувство раздражения, но потом, когда он узнал с кем проводит время Флорис, чувство неприятия. Он стал всюду искать изъяны и регулярно сообщать о них наверх по инстанции. Однако, вместо какой-то реакции на его доклады, начальство никак не реагировало. Более того, он узнал, что в скором времени планируется поставка в Зангаро пяти машин скорой помощи общей стоимостью в десять тысяч долларов.

Слухи о расстреле в Ханипе дошли до директора госпиталя почти молниеносно, благодаря жалобам и крикам многочисленных больных, пришедших на обследование. Он сразу же ухватился за этот повод и напросился на приём к Окойе. Когда он ворвался с обвинением против наёмника, то был обескуражен: Шеннон уже двенадцать часов находился в морге при его госпитале. Президент Зангаро не отрицал причастности его жандармов к расстрелам в Ханипе, но делал это как-то завуалировано, постоянно уходя от прямого ответа, Сэм не ожидал от сво-

его старого товарища такой наглости и заявил о своей отставке, на что Окойе сочувственно улыбнулся:

– Жаль мой друг, что ты хочешь покинуть Кларенс. Ты сделал для его жителей столько полезного. Знай мой друг, что твоё дело не пропадёт. Госпиталь возглавит доктор Хааг, он прекрасный практик. Естественно, я дам тебе наилучшие рекомендации...

Сэм поперхнулся от злости и неожиданности, когда услышал такой ответ. Он ожидал всего: упрёков, угроз, уговоров, но только не этого. В бешенстве он выскочил из президентского кабинета и поехал в госпиталь. Собрав вещи, он вызвал в свой кабинет своих ближайших сотрудников, чтобы заявить о своей отставке и высказать им всё, что он думает о марионеточном режиме доктора Окойе, но тут произошла неожиданность: вместе с его коллегами пришёл доктор Хааг и председатель Ассамблеи майор Кзур Пренк. В результате прощальная речь была скомкана, угрозы не произнесены, но прощальные подарки получены. Среди них оказалась «Звезда Зангаро» III степени. Отказаться от неё в присутствии коллег было как-то не удобно, и доктор был вынужден принять награду. На следующее утро рейсовый самолёт «Сабены» доставил его в Порт-Жантиль. Его проводы были торжественно обставлены: у трапа был выстроен почётный караул, а министр без портфеля майор Бенъярд произнёс короткую и прочувственную речь о заслугах доктора перед Зангаро, упомянув при этом о вручённой ему награде. Всё это несколько утешило Арвидсона, который рассчитывал всё это использовать в случае нового конкурса. Три дня спустя бывший директор госпиталя сидел в своей квартире в Стокгольме и строчил на печатной машинке доклад о ситуации в Зангаро. Один его экземпляр предназначался для начальства, другой же предназначался прессе...

Президент лично вызвал Бенъярда, чтобы узнать, как прошли проводы Арвидсона. Министр долго мямля, но потом честно сказал:

– Надо было отправлять Арвидсона по-тихому, а не с такой помпой. Не пойму, почему этот доктор так озлоблен на нас, Вайант. В его глазах светилась такая злоба. Казалось, что он меня испепелит.

– Видишь ли Генри, – рассмеялся доктор Окойе. – Эта злость порождена завистью. Да, да обыкновенной завистью, Европейцы ещё больше чем мы больны меритократией: ордена, чины, должности для многих из них значат гораздо больше, чем деньги.

– Я бы так не сказал. Мне кажется для ни всё неважно кроме денег.

– Денег? Смотря каких: миллион, два, пять – конечно. Но большинство обывателей, особенно из периферийных стран, например, таких как Швеция, мыслят несколько по-иному. Для них важно признание соседей, родни, коллег по работе. Лет, этак, через тридцать, Сэм будет рассказывать своим внукам, как спасал Зангаро от сонной болезни и проказы, участвовал в свержении кровавого режима Кимбы и многое другое, за что получил «Звезду Зангаро». Если, конечно, мы её у него не отберём!

– Эге! Так вот зачем этот фокус с награждением, – вырвалось у Бенъярда. – А мы то с Кзуrom ломали голову, зачем Вам это надо. Конечно, Арвидсон её заслужил...

– С Пренком? – насторожился Окойе. – Вы с ним это обсуждали?

– Ага, – простодушно ответил Бенъярд. – Он позвонил мне и спросил, почему именно он?

– И что ты ответил?

– Что Вы заняты, а отец Гийом не из нашего муравейника, – отшутился Бенъярд.

– М-да, – задумался президент. – Ты всё правильно сделал, Генри. Спасибо, за работу. Позови, пожалуйста Джойда...

Капитан Ракка был несколько разочарован допросом арестованных. И Эйнекс, и Вижейру и вместе, и поодиночке говорили одно и то же. Они поняли текст, как приказ физически ликвидировать всех больных в гипносерии. Правда, бразилец постоянно добавлял, что он и его люди стояли в оцеплении, а расстрелом руководил бывший адъютант президента. Все свиде-

тели это подтвердили и сделать иностранца козлом отпущения не удавалось. Когда он обратился за советом к шефу, тот посоветовал:

– Раз так сложилось, то вали всё на адъютанта, иначе сам запутаешься.

Ракка так и сделал. Он направил результаты допросов Лорримару, который, ознакомившись с ними, согласился снять с Вижейру обвинения.

– Всё равно, ему завтра выступать на перевал вместе с оперативным отрядом жандармерии, – сказал он, подписывая ордер об освобождении. Наутро младший инструктор прибыл в полицейские бараки, где его встретил Хейде:

– Ну, что, все почки отбили? – пошутил он.

– Нет, не все. Ещё четыре остались, – в тон ему ответил Вижейру.

– Да ты – мутант!

– Нет, я просто из Бразилии...

– Заметно, – сказал Хейде. – Завтра выступаем за перевал. Там объявились повстанцы.

– Кто поведёт?

– Мы оба. Ситуация серьёзная. Говорят, им помогают краснюки с юга.

– Боганцы?

– А кто их там знает? Может и они тоже. Поговаривают, что там будут русские. Никогда с ними не встречался!

– Зато я встречался. Они хорошо вооружены и прекрасно действуют из засад. Если мы с нашими засранцами удержим перевал, это уже будет успехом.

– У меня есть приказ президента: очистить всю территорию Загорья от сторонников Кимбы до начала сезона дождей.

– Это с нашим пятью дюжинами солдат? Он что рехнулся? Для того, чтобы зачистить Загорье нужно в десять раз больше людей, авиация, снабжение...

– Авиационная поддержка у нас будет. Людей наберём на месте...

– А чем мы их вооружим? Маузерами? Бред!

– На каждую нашу винтовку у противника будет пара автоматов. Про тяжёлое оружие я вообще не говорю!

– Так что ты предлагаешь?

– Дать им бой на перевале Акука и дальше в Загорье не лезть. Там они нас прищучат...

– А на перевале?

– На перевале мы сможем их сдержать. Ночью они сами не сунутся – только ноги переломают...

– Но президент требует очистить Загорье до большого дождя.

– Зачем?

– Если они не возьмут Акуку, то сами уйдут. Снабжения-то не будет...

– Логично. Я доложу об этом президенту.

– Не стоит. Только получишь выволочку. Никто из наших политиков ничего не понимает в военном деле. Доктор хоть и майор, но медицинской службы...

– Тогда придётся исполнять приказ.

– Естественно. Только мы пошлём в гилеи не всех наших людей, а только часть. Кто нынче командует патрулём?

– Кажется, Бомоко, – посмотрел в свои записи Хейде.

– Странно, шеф, вы вроде имеете чин и опыт, а в тактике не разбираетесь?

– Я служил в конной полиции, а не в армии. Я знаю, как муштровать констеблей, ловить контрабандистов и браконьеров, расследовать уголовные преступления, разгонять толпу недобровольных, но воевать...

– А я вот служил в пехоте, потом – в спецназе, в джунглях. Собачья служба...

– Говорят, что португальская армия одна из самых эффективных?

- До поры, до времени, – процедил Вижейру. – Пока деньги платят!
- А что, плохо платили?
- Вроде бы всё правильно, а денег не было...
- В конной полиции протектората было тоже самое, – усмехнулся Хейде. – наобещали, а потом вычеты: за форму, за флягу, за перерасход патронов...
- Да-да. У нас всё тоже самое. Только за перерасход не вычитали. И премии давали за убитых...
- У нас только за живых давали премии. Причём полицейским давали только треть от неё.
- Ну это не честно!
- Мы тоже так считали. Договорились с фермерами. Сдавали им пленника, а потом делили выручку в пропорции один к десяти.
- Круто!
- Ага, круто! Это пока не наткнулся на клинический случай. Был у нас один такой. Сдали одному фермеру знаменитого угонщика скота. Премия за него была сто фунтов!
- Ого!
- Ну вот. Приезжаю я к нему. Говорю: давай делись. Он – ни в какую. Я – убеждать, он – в отказ. В конце концов отдал тридцать фунтов.
- И что?
- Приехал к начальнику. Докладываю: так и так. Что делать?
- Он говорит езжайте-ка все в патруль на Себове.
- Как, спрашиваю, это же не наш район! Туда расстояние миль сорок, если не больше. В три дня не обернёмся.
- Вот и хорошо говорит мне начальник станции. Вот вам приказ – и суёт телеграмму. Читаю: там действительно распоряжение всем нам ехать в Себове.
- К чему ты это всё рассказываешь?
- А к тому, мой друг, что пока мы три дня отсутствовали на станции, ферму нашего жмота сожгли дотла, скот увели, а жену трахнули. Он потом долго писал жалобы, требовал расследования...
- И что?
- И ничего. Налётчиков не нашли. Наши следаки установили, что это были случайные налётчики из Бопутатсваны. Вот так-то.
- Никогда не слышал про такую страну.
- а такой страны и нет. Это хоумленд в ЮАР. Хочешь с ними разбираться, сначала – признай их независимость.
- Круто!
- И я о том же. Так всё же, Расскажи мне, что произошло в Ханипе.
- Да, в общем, ничего особенного. Приехали, по приказу адъютанта президента встали в оцепление. Он приказал никого не выпускать. В случае чего – стрелять на поражение. Хотел взять пятерых моих людей, но я не дал. Сказал, что жандармерия ему не подчиняется.
- Молодец! – похвалил Хейде. – Продолжай.
- Минут через двадцать началась стрельба. Сначала очередями, потом – одиночными. Тут на цепь хлынула толпа больных. Мои люди открыли огонь: таков был приказ. Это повторилось несколько раз на разных участках. Затем мои люди стояли в оцеплении пока всех бедолаг не похоронили. Вот и всё.
- Кто хоронил?
- Не обратил внимание. По-видимому, уцелевшие больные.
- Так там кто-нибудь уцелел?
- Сомневаюсь. Последних закапывали уже мои люди.
- А Эйнекс и его гвардейцы?

- Они уехали сразу после окончания расстрела.
- Вот сволочи! Хотели нас подставить.
- Не думаю. Тебен был сам напуган: он одинаково боялся исполнить и не исполнить приказ президента.
- Теперь его сделают крайним!
- Как так?
- Будет козлом отпущения, вот увидишь!
- А меня?
- Тебе повезло, что ты не повёлся на приказ президента! Однако, пора проверить готовность твоей роты. Вам завтра выступать.
- И мне тоже?
- Конечно! Как ты думаешь, почему тебя так легко выпустили из-под стражи?
- Н-не знаю.
- Сбежишь – дезертир, тогда не Тебен виноват, а ты. Погибнешь в бою – тоже. Заодно и денежки твои на счет конфискуют...
- Вот суки! Я постараюсь уцелеть! Обязательно постараюсь!
- Я постараюсь тебе в этом помочь, малыш! – Хейде попытался по-отчески обнять бразильца.
- Спасибо, дядя! – отстранился Вижейру, не правильно восприняв проявление чувств старшего товарища.
- Ты чего, – удивился Хейде.
- Отвык от мужских объятий, – скривился Вижейру.
- Тот же самый рейс, что увозил Арвидсона, доставил Кларенс Адриана Гуля и его секретаря. Вместе с ними прибыли два охранника, которые в кейсах, прикованных к их конечностям, доставили первичную документацию, необходимую для открытия британского посольства. Его не встречали так же помпезно, как провожали Арвидсона, но чёрный президентский мерседес и пара джипов с пулемётами на турелях, сопровождавшие его, доказывали экстраординарную значимость гостя для нового правительства Зангаро. Эскорт проследовал до виллы, которую до недавнего времени занимал начальник госпиталя. Она была прекрасно оборудована и обставлена со всевозможным комфортом. Мистер Гуль был просто потрясён всевозможными удобствами.
- Я не ожидал, что в Кларенсе можно найти что-то подобное!
- Что Вы, сэр, -ответил дипломату Синк, – это не наша заслуга. Особняк оборудован за счёт средств ООН для директора госпиталя.
- Кто он был по национальности?
- Швед, сэр!
- Недовеликая нация! – засмеялся Гуль. – Полвека были великой державой и до сих пор не могут отрешиться от этого синдрома!
- Как Вам угодно, сэр! – вежливо ответил Синк. – Мистер Арвидсон сделал многое для развития системы здравоохранения в Зангаро. Вчера ему была вручена «Звезда Зангаро» третьей степени.
- Я сделаю для этой страны гораздо больше, – заносчиво ответил Гуль. – Думаю, что второй степенью вашему президенту не отделаться...
- Лицо Синка выразило удивление, но он промолчал. По его давнему опыту англичане, как правило, вели себя подобным образом только в своих бывших колониях, но тут был другой случай.
- Президент Вас примет завтра, сэр, в двенадцать часов пополудни.
- Отлично! Мне есть, что ему сообщить. Нечто очень важное и очень срочное! Сообщите ему!

– Обязательно, сэр. Мистер Гуль, может Вы передадите Ваш меморандум для предварительного изучения?

– Нет. Я его представлю завтра. Сразу после встречи с мистером Окойе, – поджал губы британский дипломат.

– Как посчитаете нужным. Приятного отдыха, – поклонился Синк и закрыл за собой дверь. Исполненный самодовольства Адриан Гуль даже не посчитал нужным попрощаться с министром иностранных дел суверенной республики.

Поиски виновных

Белмар совершенно не ожидал, что Шевалье заговорит. Он был готов применять к нему самые изощрённые методы допросы, но они оказались не нужны. Дело было не в том, что арестант хотел добиться смягчения приговора или спасти свою шкуру. Это было бы Белмару понятно, но загвоздка заключалась в другом: его узник захотел разобраться в том, кто его предал. Шерифу это было в новинку: за свою долгую и обширную полицейскую практику он впервые столкнулся с таким феноменом: следствие внутри следствия. Поскольку Шевалье совершенно честно излагал факты: например, он признался в убийстве члена Государственного Совета Зангаро Морисона, совершённое по заказу епископа Фернандеса. Белмар был удивлён признаниями подопечного и решил играть с ним на его условиях. В обмен на информацию о событиях в Зангаро он выложил наёмнику почти всё, что было известно службе безопасности о событиях в Уарри в день взрыва «Гвенко». При подготовке этой информации, сюринтендант впервые обратил внимание на полицейскую ориентировку, в которой было приведено точное описание Шевалье и Ру, а также указан номер их автомобиля. Самым удивительным в этом был факт, что ориентировка поступила в полицию через службу военной разведки.

– Спифф точно знал о взрыве, – сообщил Белмар Блейку, тщательно изучив документ, попавший в его руки.

– Значит это какая-то игра военной разведки, а ты попался на их удочку, согласившись на сотрудничество.

– Поговорите с бригадиром, мистер Блейк. Он Вам не откажет.

– Естественно. Только я пока не понимаю, какое отношение имеет этот запрос ведомства Спиффа к взрыву «Гленко». Может он связан с тренировочным лагерем в заброшенной миссии?

– Вполне это допускаю, сэр. Но может всё это звенья одной цепи?

– Помните о бритве Оккама, Инносент. Надеюсь ты достаточно образован и тебе не надо разъяснять смысл.

– Нет, сэр, – в голосе полицейского зазвучала обида. Он действительно не знал, что это такое, но представил её себе, как нечто весьма болезненное. Блейк понял своего информатора иначе и рассмеялся:

– Я сегодня вечером переговорю со Спиффом и узнаю все детали этой операции. Всё, что необходимо для дальнейшего расследования сообщит тебе мой секретарь завтра утром.

Утром секретарь Блейка Белмару не позвонил. Зато его меблированную квартиру в самом центре Уарри посетил Эверар, человек бригадира Спиффа.

– Чем обязан, – спросил застигнутый врасплох Белмар.

– Мой дорогой сюринтендант. – вежливо произнёс капитан. – Меня прислал у Вас мой шеф, чтобы напомнить об условиях нашей сделки, заключённой в архиве. Надеюсь, что у вас здесь нет скрытой камеры или записывающих устройств?

– Н-нет! – помотал головой полицейский.

– Что же, я Вам верю, – тряхнул головой Эверар. – Я к Вам вот по какому вопросу. Вчера мистер Блейк (Вы его, конечно, знаете) поинтересовался у моего шефа о некоторых обстоятельствах, которые при всём нашем желании мы не могли засекретить. Как выяснилось, эта информация пришла к нему от Вас. Скажите, почему Вы не обратились по этому вопросу ко мне? Я бы дал Вам исчерпывающую информацию...

– Извините, капитан, я хотел обратиться к бригадиру Спиффу напрямую, но мистер Блейк меня заверил, что он сам раздобудет всю информацию.

– Что же мистер Блейк говорит нечто прямо противоположное. Однако, это совершенно для нас несущественно. Лучше скажите, зачем Вам эта информация...

– Это форменный допрос, – подумал Белмар и вслух произнёс: – Видите ли, капитан, мы разыскиваем контрабандное оружие, которое Мутото должен был продать зангарцам. Как нам удалось установить, он заключил сразу две сделки на его продажу: одну с капитаном Бенъардом из Зангаро, а вторую – с неким Жоржем Шевалье. Он сидит у меня под арестом и даёт признательные показания. Поэтому было бы очень важно, чтобы мы знали Ваш источник информации.

– Что же вы сразу не спросили меня Инносент, – рассмеялся Эверар. – Шевалье сдал Мутото. Сразу после взрыва «Гвенко» он позвонил нашему диспетчеру и сообщил, что зангарскую калошу взорвали наёмники – Ру и Шевалье. С ними был ещё один какой-то «латинос».

– Он сообщил их цели?

– Нет. Самое интересное, что он после этого пропал. Наши информаторы последний раз его видели выходящим из здания Бэрклэйз Банка. Вы, случаем, не знаете, что он там делал?

– Пытался снять тридцать тысяч французских франков с зангарского аккредитива.

– Ему это удалось?

– Нет. Вступили в силу форс-мажорные обстоятельства. Через час он выехал из Уарри на лендровере загруженном какими-то ящиками. Их было много.

– Куда он направлялся?

– Трудно сказать. Он выехал на северное шоссе. Вероятно, он направился в Камерун или Нигерию.

– Но границу он официально не пересекал?

– Однозначно нет. Вы же знаете сколько в ней дырок!

– Знаю. Надо организовать тщательные поиски. Не может пропасть лендровер, загруженный под завязку. Кто-нибудь его-то и видел!

– Рассчитываем на помощь военной разведки, – бодро ответил Белмар. Он был очень доволен информацией, полученной от Эверара. Будет, что рассказать Шевалье.

Реакция наёмника была совершенно предсказуема: он подозревал Мутото в двойной игре с самого начала. После некоторого раздумья Шевалье вдруг сказал:

– Мистер Белмар, я предлагаю Вам сотрудничество. Я найду Мутото в течение трёх от силы четырёх дней и обещаю, что до конца поисков от Вас не убегу.

Белмар был безмерно удивлён и даже растерялся от наглости заключённого. Считая, что это какая-то игра, он решил подыграть:

– А если не найдёте?

– Найду! – уверенно сказал Шевалье.

– Почему?

– Потому, что я знаю, где его искать!

Вот как? И где?

– Не скажу?

– Я прикажу Вас пытаться, Шевалье! Рано или поздно Вы всё нам расскажете.

– Вполне возможно, но на это уйдёт время: дня два или три. Я же предлагаю найти его быстрее. Заодно получите в свои руки его активы: концессии, фирмы, доходные дома...

– Он что богат? – удивился Белмар.

– Ну не настолько, чтобы не работать на Вас. Знаете, халявные деньги всегда жмут карман. А тут ещё регулярные тридцать серебряников из вашей кассы. По моим расчётам в его заглазнике может быть от тридцати до ста тысяч фунтов. Только не гвианийских, а британских. Более точно я сказать не могу...

Белмар решил заплатить откровенностью за откровенность:

– Вы будете удивлены, Шевалье, но Мутото регулярно получал деньги из специального фонда военной разведки, а не службы безопасности...

– Вот как? Не знал, – сверкнул своими зелёными глазами наёмник. – Ну что, по рукам?

– Хорошо. Поверю Вам на слово, – ответил Белмар и вышел из камеры. Вернувшись в свой кабинет, он выпил чашечку кофе, а затем позвонил Блейку. Он решил, что пора разобратся с утечкой информации в их спарке. Телефон английского резидента не отвечал.

– Вот и отлично, будем действовать по собственному усмотрению. – с облегчением вздохнул полицейский и вызвал дежурного. – Сержант, подготовьте три джипа с охраной и пулемётами на выезд. Заключённого Шевалье переодеть в военную форму, наручники – снять!

– Но, сэр?

– Знаю, знаю, – поморщился Белмар, – наденьте ему ножные кандалы. Они не так бросаются в глаза...

– Есть, сэр!

В полдень колонна из трёх джипов покинула Уарри и выехала на север. Как только они выехали из города. Шевалье заёрзал на сидении:

– Ищите проезжую дорогу на юг. Она должна вести к реке.

– Какой?

– Притоку Бамуанги. Он должен быть обязательно судоходен.

Белмар отдал приказ остановиться. Он собрал своих подчинённых и стал их расспрашивать о том, что они знают о местных дорогах: карты здесь не годились. Они были составлены лет двадцать назад при колониальном режиме и больше не обновлялись. За двадцать лет местный ландшафт должен был сильно измениться, впрочем, как и местные пути сообщения. Белмар прекрасно знал об этом, впрочем, как и Шевалье.

– Послушайте, сюринтендат, – позвал наёмник. – Я думаю, что Мутото должен был поехать по какой-то известной ему дороге. Может лучше спросить об этом его служащих?

Белмар чертыхнулся от простоты. Поскольку связи со штаб-квартирой не было, он послал один из джипов к ближайшему телефонному узлу с поручением, а сам остался осматривать местность. После целого часа поисков нашлись какие-то козопасы, которые вспомнили, как тяжело груженный лендровер свернул на лесную дорогу, проходящую мимо их деревни. Она вела к реке, которая, судя по карте, находилась в милях двадцати к северо-востоку.

– Мы его уже не догоним, – махнул рукой Белмар, – он тут проехал четыре дня назад.

– Может и не догоним, но его лендровер-то найдём, – резонно ответил Шевалье. – Машина же из леса не выезжала!

– Хорошо, поехали! – согласился полицейский. Он оставил на месте стоянки одного из своих сотрудников с очень подробными инструкциями.

Первые десять миль дороги, которая проходила, в основном, по саванне, оба джипа преодолели довольно быстро. Дальше колея вела в тропический лес. Она была настолько глубокой, что джипы часто застревали. Только благодаря наличию лебёдок и человеческих рук им удавалось вылезти из ямы. На следующие десять миль совершенно разбитой дороги они истратили почти час. Она вывела их паромной переправе. Несмотря на всевозможные угрозы и посулы, старый, сморщенный паромщик так и не вспомнил груженого ящиками лендровера, пересекавшего реку на его пароме. Напоследок он вспомнил о том, что в милях десяти к северу существует причал, к которому иногда пристают речные пароходы. Дорога, которая туда ведёт начинается примерно в милях восьми к северу от причала.

– Там действительно была развилка, сэр, – подтвердил слова старика один из водителей. – Я ещё обратил внимание наезженная дорога, укреплённая стволами деревьев. – Я ещё удивился, почему мы не свернули на неё...

– Почему ты мне не сказал об этом, сержант, – прорычал Белмар, которого разозлила глумливая улыбка Шевалье.

– Я не знал, что мы ищем, сэр, – стал оправдываться водитель. – Мне было приказано ехать по главной дороге. Вот я и ехал.

Понимая, что водитель не виноват, Белмар скомандовал:

– По машинам!

Три минуты спустя оба джипа ехали в обратном направлении. В этот раз водители тщательно следили за дорогой, выбирая нужную колею. Полчаса спустя джипы достигли развилки и остановились в ожидании третьей машины, которая должна была уже давно нагнать их. Так они безрезультатно прождали минут десять. Посмотрев на часы, Белмар произнёс:

– Ждать больше не будем – скоро начнёт темнеть. Сержант, оставьте здесь двух ваших людей с фонарями.

– Но у нас тогда остаётся всего пять человек, не считая Вас, сэр, – последовало возражение. – Это небезопасно и противоречит инструкциям!

– А мне на это наплевать, – процедил Белмар. – Едем!

На следующие пятнадцать миль ушло сорок минут: дорога была настолько разбита, что джипы по ней продвигались с черепашной скоростью. Дальше они двигаться не могли – им перегородил дорогу лендровер, глубоко засевший в колею. Даже в вечерних сумерках, было видно, что его картер будто врос в землю. Под его колеса были подложены сучья, ящики были выкинуты из кузова, а шины чуть приспущены. Обходя машину, люди Белмара нашли оборванный трос лебёдки.

– Да, застрял он тут основательно, – почесал затылок один из шофёров. – Интересно, как его угораздило?

Шевалье в сопровождении охранника подошёл к Белмару:

– По-видимому, владелец этой машины сделал всё, чтобы её вытащить, но лебёдка подвела! – сказал флик.

– Ага! – сказал наёмник. Он вдруг нагнулся и поднял что-то с земли.

– Что Вы там нашли, Жорж? – поинтересовался полицейский.

– Ничего особенного, – ответил Шевалье. – Дополнительное доказательство, что это машина Мутото. Впрочем, Вы итак это знаете!

– Да, – согласился Белмар. – Пойдём его искать!

– Сейчас! В такую темень? – воспротивился сержант.

– Что нам мешает пройти пять оставшихся миль по дороге, ведущей к пристани.

– Ничего, сэр. Только темнота!

– Надеюсь, что мы успеем дойти туда засветло! А Вы пока осмотрите всё вокруг, сержант. И составьте опись их содержимого.

В сопровождении двух охранников Белмар и Шевалье двинулись дальше. Взяв в руку суковатую палку, начальник службы безопасности возглавил процессию. Его кобура была расстегнута, а пистолет снят с предохранителя. За ним следовал арестант в сопровождении сотрудников безопасности, вооружённых израильскими пистолетами-пулемётами.

– Послушайте. Белмар, – обратился к своему тюремщику Шевалье. – Я не могу дальше так идти. Ножные кандалы не позволяют мне поспевать за вашими людьми. Может я останусь здесь?

– Ага. А кто опознает Мутото? Нет уж, пойдёшь со мной! Капрал, возьмите в джипе дополнительный фонарь! Мы его прикрутим к нашему пленнику на видное место, – осклабился полицейский. Пока подчинённый выполнял приказ, Белмар застегнул наручники на запястьях наёмника. Затем он достал длинную цепь и обмотал её конец вокруг пояса Шевалье. Второй конец он пристегнул к своему ремню. Закончив манипуляции, он глумливо ухмыльнулся: – Извини, мой друг, но ты можешь потеряться, а это вовсе не входит в мои планы. Капрал, включите фонарь и повесьте его на пленника.

– Слушаюсь, сэр! – недолго думая подчинённый прицепил ремень фонаря вокруг цепи.

– Идём, скорее! – крикнул Белмар и быстрым шагом пошёл по обочине. Шевалье и оба его охранника гуськом двинулись за ним следом. Фонарь, привязанный между ног пленника, постоянно болтался из стороны в сторону, фиксируя каждый его шаг и больно бил по ногам.

Уже было совсем темно, когда они вышли к так называемому причалу. Этим именем назывался шаткий широкий помост, составленный из тонких жердей, уложенных в ряд перпендикулярно берегу. Сперва Белмар подумал, что это бамбук, но Шевалье быстро развеял его иллюзии:

– Это ветви секвойи, интендант! Бамбук под тяжестью грузовика треснет, а эти только прогнуться! Одно могу сказать – причал сделан на совесть: простоит ещё лет тридцать, не меньше!

– Куда же делся Мутото?

– Если не сбежал в джунгли, то ищите его останки где-нибудь поблизости.

– Почему Вы так решили?

– Как Вы думаете, Белмар, зачем он ехал сюда?

– Не знаю. Наверное, прятался...

– Прятаться ему было не нужно. Он легко бы укрылся под плащом военной разведки!

Нет! Он ехал сюда, чтобы продать свой товар в третий раз.

– Кому?

– Не знаю. Первый раз он его обещал зангарцам, второй – мне, а вот третий – не знаю!

Впрочем, это ваше дело – искать его труп.

В сумерках обнаружить труп довольно сложно. Поэтому Белмар решил разбить недалеко от пристани лагерь и ждать своих людей. Наскоро перекусив, он слегка задремал. Час спустя он был разбужен громкими криками: наконец-то приехали джипы оперативной группы. Несмотря на ночную темень, Белмар распорядился прочесать окрестности. Примерно два часа спустя поисковики нашли человеческие останки. Их обнаружили всего в полусотне ярдов от дороги. Они были обглоданы падальщиками и уже полуразложились.

– Судя по обрывкам одежды, это – Мутото, – нервно сказал Шевалье. – Дайте мне закурить!

Капрал поднёс ему уже зажжённую сигарету. Наёмник пару раз затянулся и наклонился к останкам. Присев на корточки, он шарил скованными руками до тех пор, пока не нащупал какой-то предмет.

– Смотрите, Белмар, – сказал он, вставая. – Это его ремень. Пусть Ваши люди ещё покопаются: может обнаружат кольцо или часы. Хотя, если это банальное ограбление, то Вы вряд ли найдёте что-то ценное...

– Мои люди проведут тщательную экспертизу останков и убедятся, что это – Мутото. Вот если бы при нём были бы документы...

– Увы сокрушённо произнёс Шевалье, – наощупь я ничего не нашёл. – Вероятно его убийцы взяли с собой его бумажник...

Тем временем, Белмар решил вернуться в штаб-квартиру:

– Внимание, – закричал он. – Сержант Рэтклиф, подойдите ко мне.

Вновь прибывший сотрудник службы безопасности подбежал к своему шефу и вытянулся по стойке смирно. При жёлтом свете фонаря, его чёрное, круглое лицо лоснилось от пота. Он подобострастно смотрел Белмару в глаза.

– Оставляю тебя за старшего, сержант. Завтра сюда приедет группа экспертов. Покажете им что здесь и как. Они всё ещё раз осмотрят при свете дня...

– Слушаюсь, сэр!

– Продолжайте поиски! – закричал Белмар, направляясь к джипу. – Все предметы искусственного происхождения должны быть собраны и сложены в пластиковые пакеты.

Ночная дорога, казалось, растянулась на многие часы. Сначала оба джипа еле-еле ползли по лесной дороге. Миль через пятнадцать они нагнали «лендровер». Его буксировал тяжёлый трёхосный грузовик, который полностью перекрыл дорогу. Они двигались с черепашьей скоростью: в темноте тяжёлый «лендровер» постоянно сходила с колеи, застревала, а трос рвался.

– Почему его тащат, – поинтересовался Шевалье у своего охранника.

– У него был погнут кардан и разбит картер, – пояснил он и на мгновение отвлёкся. Тренированный наёмник моментально вырубил своего телохранителя. Стараясь не звенеть цепью, он перевалился через борт джипа и скрылся в кустах. Его исчезновение обнаружилось только при выезде из леса. Привлечённый странной позой своего подчинённого Белмар окликнул его и не дождавшись ответа приказал остановить конвой.

– Ничего, – далеко не уйдёт! – решил он. – Сержант, утром сюда пошлёте солдат и прочешите местность! О результатах поиска доложите мне. Лендровер доставить на ближайший полицейский участок и поставить вокруг него охрану. Вам удалось выяснить, что это за груз?

– Да, сэр. Во всех ящиках – латекс!

– Что?

– Каучук-сырец. Примерно двести килограммов.

– И всё?

– Вроде всё, сэр.

– Разберите его по винтикам, сержант, – злобно ткнул пальцем в тёмный силуэт «лендровера». – Чтобы ничего из него не пропало. За каждую деталь отчитаетесь лично передо мной.

– Слушаюсь, сэр.

Через полчаса джип Белмара остановился у небольшого административного поста, на котором ночью дежурил всего один полицейский. Увидев перед собой суперинтенданта полиции, он залебезил перед ним так, что самому стало тошно. Белмар решил воспользоваться случаем и связался с Блейком, а потом позвонил своему непосредственному начальнику. Сущность его докладов была почти одинакова: отличались она лишь некоторыми деталями. Получив полное одобрение от обоих своих хозяев, он сам уселся за баранку джипа и решил ехать в Уарри.

– Как туда легче проехать, капрал? – спросил он дежурного.

– Можно по шоссе – это крюк в двадцать миль, а можно напрямки, по грейдеру, – ответил дежурный. – Мы всегда так ездим.

– Ну-ка, расскажи...

– Поедете по той дороге, сэр. Милях в пяти будет развилка, на которой надо повернуть направо, на Кацуну. Доедете до неё, а оттуда уже рукой подать до города. Никак не заблудитесь...

– Спасибо, капрал. Сообщите о моём маршруте по инстанции.

Конечно, по шоссе было ехать проще и безопаснее, но Белмар спешил. Как нарочно, кто-то сбил знак у развилки и в темноте суперинтендант свернул не туда. В трёх милях от неё его машина подорвалась на противотанковой mine, уцелевшей со времён последней войны. Расследование его гибели заняло очень мало времени. Естественно, что виноватыми в этом инциденте оказались сапёры местного гарнизона, которые недостаточно тщательно обследовали второстепенные дороги.

– Бедняга так торопился, что пропустил свой поворот, – посетовал бригадир Спифф, докладывая президенту о происшествии. – Его нам будет очень не хватать...

Наблюдавший за шефом капитан Эверар увидел, как на его лице появилась змеиная улыбка. После смерти Белмара дело о взрыве «Гвенко» и исчезновении Мутото было передано специальной следственной группе, которую возглавил экс-комиссар Гвианской полиции Прайс. Это сильно не понравилось Гарри Блейку, но он ничего не смог с этим поделать, – потеря такого ценного агента влияния как Белмар сильно ослабило его позиции в органах безопасности Гвиании.

Утром следующего дня пассажирский самолет авиакомпании «Тюрк хава йоллари» совершил посадку в Либревиле точно по расписанию, в одиннадцать ноль пять по местному времени. Прелестная бортпроводница, осветив салон обворожительной улыбкой, объявила:

– Дамы и господа! Пассажирам, следующим до Лагоса, предлагаем тоже покинуть самолет на двадцать минут, всем без исключения, оставив на сиденьях ручную кладь. В зале ожидания аэровокзала вас ожидает короткий, но, надеемся, приятный отдых.

Подчинившись, пассажиры потянулись вереницей от трапа к небольшому и приземистому аэровокзалу древнего города. Каждого из них тщательно обыскали люди в форме службы безопасности. Никто не роптал, зная, что в стране сохраняется чрезвычайное положение в связи с очередным военным переворотом в соседнем Конго. Утомленные полетом люди разбрелись по отведенному для транзитников крошечному залу, рассматривая этикетки бутылок на полках крохотного бара, рекламные проспекты, плакаты на стенах, вертушки с открытками и всевозможные поделки а-ля хауса, предлагавшиеся в качестве сувениров расторопными смуглолицыми продавцами. Один из пассажиров, полный, чуть прихрамывающий негр средних лет, одетый в дорогой европейский костюм, обратился к первому попавшемуся служащему аэропорта. С большим трудом он растолковал тому с помощью мимики и жестов, что желает видеть кого-нибудь из начальства.

– Говорите ли вы по-английски? – спросил пассажир у чиновника, к которому его привели.

– Немного, мсье, – последовал ответ, – понять Вас смогу, если вы будете говорить медленно. Слушаю вас.

– Я – Слим Нотон, – он ткнул в нос чиновнику паспорт со слонами и львами, – дипломат из Замбии, лечу в Лагос, а откуда без задержки намерен отправиться дальше.

– Позвольте поинтересоваться куда?

Дипломат неопределённо махнул рукой:

– В Европу. Времени, как видите, мало, а мне хотелось бы повидаться с родственником жены, а он живёт в Ибадане, – при этих словах негр достал толстый бумажник и помахал перед носом администратора. – Рассчитываю на ваши служебные возможности, которые, несомненно, позволят мне связаться с Ибаданом немедленно.

Глаза чиновника бегали, он ёрзал на своём стуле и сделал вид, что внимательно слушает дипломата, а тот, несколько увлечшись, продолжал:

– ... В этом случае этот родственник успеет приехать в Ибадан, мы встретимся между моими рейсами. Вы меня поняли? Я говорю достаточно медленно?

У немолодого чиновника были удивительные глаза, они смеялись, хотя весь остальной его облик был воплощением чрезвычайной серьезности и внимания. Он сказал:

– С удовольствием помог бы вам, мсье, но боюсь, что дозвониться не успеем, сейчас объявят посадку. И не уверен, что вашему родственнику удастся сразу вылететь из Ибадана. Если хотите, могу поинтересоваться расписанием всех рейсов.

– Послушайте, мсье, – потерял терпение дипломат. – Расстояние между Ибаданом и Лагосом всего шестьдесят пять миль. Ему не нужен самолёт...

– Очень рад, сэр, но, право, не знаю, мсье, как помочь, аллах свидетель.

– Может быть, воспользоваться телеграфом? – раздраженно спросил пассажир, поглядывая на часы.

– Вон там, в конце зала, рассыльный, – сказал чиновник, – за тысячу франков или пару тройку долларов он мигом все устроит, мсье.

– Может это сделаете лично Вы? – произнёс замбийский дипломат, протягивая пятидолларовую бумажку.

– Нет, мсье. Я – на службе. Попросите рассыльного. Только напишите ему крупными буквами, мсье, поразборчивей, а я за ним прослежу, – сказал администратор, делая знак рассыльному.

– Спасибо, за помощь, – дипломат проследил глазами за рукой собеседника и не замедлил поступить именно так, как тот посоветовал. Когда дипломат пошёл к самолёту рассыльный показал записку администратору. Текст телеграммы гласил:

«Элу Броуди, отель «Этамп», 107, Ибадан. Срочно. Дорогой шурин! Есть новости бизнеса. Поторопись. Буду завтра. Отель «Бале» или «Пинар». Нежный привет от Карины и малышей. Нотон.»

В Загорье

Сборный батальон покинул Коро на вторые сутки после инцидента с министром. Накануне выступления его усилили: придали полдюжины сапёров и миномётный расчёт. Вместе с ними на прибыл лейтенант Коренев. Теперь он шёл рядом с хмурым капитаном Боссом и с любопытством осматривал окрестности. Неширокая выючная тропа шла по склону почти строго на юг, только изредка огибая обветренные латеритовые выступы и небольшие горные отроги. Навьюченные солдаты и носильщики из бомы Кора и окрестных сензалов еле тащились под лучами палящего солнца. Опираясь на свой немалый опыт, старший советник предпочёл взять с собой дополнительный запас боеприпасов. Что впереди ждёт – неизвестно, продовольствие раздобыть ещё можно, а боеприпасы – нет. Солдатам было приказано оставить в Коре всё лишнее и взять с собой дополнительный груз патронов и медикаментов. Четверо бойцов в боганской военной форме тащили опорную плиту и ствол, а запас мин, штук шестьдесят, распределили среди повстанцев. Пулемётные расчёты вместе с разобранными «станкачами» тащили по полдюжине коробок с лентами и пару перевязанных веревками цинков. Даже полковник Буасса, присоединившийся в последний момент колонне, тащил на себе изрядный груз, хотя их никто не обязывал это делать. На ремне у Коренева висел «стечкин» в кобуре, нож и пара гранат. Как Евгений ни подтягивал свой ремень, он всё равно сползал вниз под грузом. Индивидуальный медпакет, два запасных диска к «дегтярю», коробка на сто патронов, три гранаты – в вещмешке. В голенищах его сапог были засунуты два магазина, а в планшетке, кроме документов, ещё штук сорок патронов. На шее Коренева висел бинокль. А как же меньше? Даже на Буассу навьючили ящик с минами. Набранные в боме и сензалах носильщики тащили на себе воду и продовольствие: после известных событий им ни Буасса, ни тем более советские инструкторы не доверяли и хотели посмотреть на их поведение. По мере расхода воды и продовольствия на привалах груз боеприпасов постепенно перенесётся на их плечи. В основном, это будут наглухо завязанные мешки, запечатанные цинки или перевязанные верёвками коробки с патронами. Впереди колонны шла налегке разведка: трое опытных бойцов с «дегтярём». За ними двигались два сапера-афафа с миноискателем. Однако, они им почти не пользовались, больше полагаясь на опыт и интуицию.

Утренний туман окончательно рассеялся, жарило горячее африканское солнце. Колонна растянулась на полкилометра. Прошедшие специальный инструктаж «овцы» каждые полчаса сбивали бойцов кучнее, но это не помогало – каждый раз опять появлялись отстающие. Вдруг колонна резко остановилась: Мартын Босс заметил предупреждающий сигнал, данный разведчиками. Он быстро взбежал на пригорок и стал осматривать окрестности в бинокль. Несмотря на отличную спортивную подготовку, Евгений едва поспевал за ним. Когда он, запыхавшись, подбежал к командиру, капитан закончил осмотр местности:

– Засадой пока здесь не пахнет, но тишина может быть обманчива, – хмуро улыбнулся Мартын и махнул в сторону небольшой рощицы, расположенной метрах в пятистах к югу от обочины. – Может, нас уже держат на мушке один или два снайпера.

Капитан ещё раз осмотрел рощу в бинокль и вдруг приказал:

– Сержант, объявить часовой привал! Пусть люди передохнут, поедят, а разведчики и сапёры из резервной группы обследуют окрестности.

– Так точно, товарищ капитан.

– Зови меня Мартыном, Женья. Нам с тобой в бой идти: тут не до формальностей.

– Слушаюсь... Мартын, – чуть промедлив ответил Коренев. Он посмотрел на своего прямого начальника с определённой мерой подозрения: его прежний начальник, капитан Акимцев, себе такого не позволил бы.

– Вот и хорошо, – уголками губ улыбнулся старший советник. – Минут через двадцать собери командиров на этом же месте, а я пойду поговорить с разведчиками. Выясню, что им там не понравилось.

Колонна, повинувшись, приказам начальников быстро распалась на отдельные группы. Между ними сновали люди: некоторые из них негромко гортанно перекрикивались на савинду, другие – ворчали. Носильщики расположились отдельно от солдат и терпеливо ждали, когда им дадут новые приказания. Они стояли на ногах, переминались и тоже что-то жевали. Евгений спросил их старшего почему его люди не сядут и передохнут. Ответ этого костлявого сморщенного старика его удивил:

– Носильщики из горных посёлков вовсе не устали и могут идти хоть целый день. Для них главное, чтобы ноша не была тяжела...

– Она скоро уменьшится, – Корнев кивнул на солдат с жадностью пожирающих свой завтрак. Старец посмотрел на них своими выцветшими от времени глазами и согласно кивнул...

Командиры рот и расчётов собрались на пригорке с запозданием на несколько минут. Старший советник грозно поворачивал глазами и произнёс несколько матерных слов, после чего стал давать инструкции. Корнев их переводил:

– Значит, так. Впереди находится небольшая группа вооружённых людей. Кто они – люди из Кларенса или дезертиры – выяснить не удалось. Поэтому продолжим движение с максимумом предосторожностей.

– Сапёры?

– Да. Надо задействовать всех. Пусть используют миноискатели. Особенно, когда пойдём мимо вон той кручи. Для их поддержки надо выслать обе группы разведчиков. Проходить по ущелью будем повзводно. Я и штаб двинутся между первой и второй ротами, а носильщики и тяжёлое оружие – перед третьей. Особая рота – замыкающая. Порядок движения ясен?

Советнику ответил гул голосов, больше напоминавший базарный гвалт, чем ответы командиров. Капитан невольно поморщился и продолжил давать инструкции. Через двадцать минут стоянка батальона начала сворачиваться, а бойцы расходится на указанные советником места. В их поисках они скучивались и больше напоминали митингующую толпу, чем воинское подразделение. Ещё через десять минут батальон начал движение.

Когда круча осталась позади, Корнев вздохнул с облегчением: впереди шёл покрытый сухим кустарником склон. На нём невозможно было укрыться, поскольку редки в это время года дожди иссушили почву. В бинокль было хорошо видно, как разведчики и сапёры медленно идут по тропе.

– Похоже они расслабились! Везет, что последние дни не было дождей, – озабоченно сказал Мартын, приставив к глазам бинокль. За склоном открывалось обширное латеритовое плато, тянувшееся на несколько километров. – Здесь укрыться-то негде. К вечеру дойдём до сензала Ойю, там и заночуем. Найди полковника и скажи, что мы переходим к обычному порядку передвижения!

Едва Корнев двинулся вдоль колонны в поисках командира, как откуда-то сверху раздался залп десятка винтовок. Всё произошло настолько внезапно, что люди в колонне растерялись. Через несколько мгновений залп распался на отдельные автоматные очереди и треск винтовочных выстрелов. Стреляли не прицельно, издалека. Люди, медленно бредущие в колонне, – отличная цель. У Корнева потекло между ног что-то липкое и вонючее: он впервые был под обстрелом. Сжав ягодицы, он плашмя бросился на землю. «Только бы солдаты не увидели,» – подумал он и огляделся.

Вот, вскрикнув, упал один, второй боец. Где-то в хвосте колонны «овцы» быстро собирают «станкачи» и начинают беспорядочно палить по кустарнику. Захлебываясь, они бьют длинными очередями. К ним присоединяются «дегтяри», винтовки. Боганские минометчики тоже открыли огонь. Но их командир явно не снайпер. Мины улетели куда-то за склон с боль-

шим перелетом: не видно даже дыма от разрывов. Огонь из засады постепенно ослабевает: противник рассредоточился. Его выстрелы бьют гораздо реже, но более прицельно. Командир, совсем молодой мальчик, разбросав ноги, стрелял из снайперской винтовки и по-русски материл минометчиков, укрывшихся за большим валуном. Пуля попала в грудь одному из пулеметчиков. Его «дегтярь» на минуту замолк, но затем заработал снова. Командир миномётного расчёта всё время крутил колесики прицела, а два его подчиненных лихорадочно, как наперегонки, опускали в ствол мину за миной. Пули визжали рядом с Корневым: он рванул из кобуры свой «стечкин» и выпустил очередь вверх по склону. Вынырнувший из ниоткуда Мартын отпихнул минометчиков и стал трясти за шиворот боганского сержанта:

– Ты куда свои «огурцы» швыряешь? В небо? Живо наблюдателя вон на тот камень.

Пули завизжали совсем рядом. Несмотря на участвовавший обстрел, наблюдателя подсадили на обломок латерита. Пули щёлкали вокруг него. Но, как видно, этот боганец оказался не из робких. Он стал выкрикивать цифры, понятные только сержанту, который лично стал наводить миномет. Взрывы взметали столбы красной глины, поднимая клубы дыма и завесу ломаных веток. Вдруг наблюдатель сполз с камня: его рука оказалась в крови:

– Стреляют человек десять-пятнадцать. Они засели на небольшом хребте, покрытом колючими кустами, – морщась от боли произнёс он на лингвала. Кто-то из бойцов засуетился, подняв его на руки.

– Корнев, бери особую роту, – вдруг закричал советник, выслушав сообщение наблюдателя.

– Всех? – удивился Женя. – Я?

– Всех кроме пулемётчиков, и обходи их слева. Живее, не телись! – и зло добавил: – Дам потом тебе пострелять из пулемёта, только маме не говори!

Глубоко спрятав обиду, Корнев перебежал к особой роте и объяснил приказ её командиру. Эвалт что-то прокричал и два десятка бойцов побежали вверх по склону, стреляя на ходу. Куда они стреляли, непонятно. Вероятно, надо было погасить в бойцах нерешительность и заставить отвечать на пули, которые щёлкали вокруг, поднимая фонтанчики мелкой гальки и песка. Краем глаза Евгений заметил, что третья рота тоже бежит вперёд, охватывая вражескую засаду справа. Склон стал круче, кусты кончились. За ними оказалась поляна, заросшая по колено сухой жёсткой травой. Преодолев её, Корнев и его люди оказались на дистанции прямого огня. Кто-то из бойцов вдруг опрокинулся на спину: вероятно, он убит или тяжело ранен. Остальные бестолково шарахнулись назад. Несколько человек падают в траву, пытаясь укрыться от огня противника. Это бесполезно: атакующих сверху хорошо видно. Схватившись за бок, вскрикнул и осел на землю еще один боец.

– Надо немедленно атаковать, – дёрнул за рукав Корнева Эвалт. В перерывах между словами он строчил из своего ППШ длинными очередями в сторону противника.

– Автоматы на непрерывный огонь, – сообразил Евгений. – Вперед!

Прикрываясь за кустами, полдюжины бойцов перебежками достигли гребня. Справа тоже раздалась стрельба – это наступала третья рота. Вдруг две гранаты совсем по-дурному взорвались у самой цепи. Кто-то закричал, кто-то стал ругаться, а кто-то причитать, и попадали в траву.

– Гранаты! – сообразил Корнев.

Кувыряясь, в сторону противника полетели «эргэдэшки». Двое бойцов вскочили во весь рост и одновременно бросили в сторону зарослей какие-то консервные банки, а затем также дружно упали лицом вниз. Через несколько мгновений раздалось два мощных взрыва. От кустов, пробитых насквозь запоздавшей автоматной очередью, полетели сучки и мелкие щепки. Когда дым от взрывов рассеялся, Эвалт вновь поднял роту в атаку. Корнев поднялся и побежал вслед за ним. Поднявшись на гребень, он стал стрелять по мелькающим вдали нескольким фигурам. К удивлению Корнева, противник не бежал, сломя голову. Уцелевшие

отступали хоть и быстро, но грамотно. Появившийся с левого фланга Эвалт вдруг закричал вырвавшимся вперед бойцам:

– Стой!

– Почему? – спросил Коренев.

– В густом кустарнике преследовать их двумя неполными десятками не имеет смысла, – пояснил он удивлённому Евгению. – Чтобы их найти в этих дебрях и скалах нужен не наш батальон, а дивизия. Кроме того, надо собрать людей и организовать отправку раненых в тыл.

Коренев медленно двинулся по гребню, осматривая место боя. Трое убитых были в форме жандармерии. Рядом – две покорёженные маузеровские винтовки, полсотни гильз. В других местах рассыпаны гильзы «парабеллума». Много. Два рядовых и один, видимо, сержант с нашивками. Ранения у всех пулевые и несколько осколочных, видимо, от гранат. В батальоне – четверо убитых и шесть раненых. И сорванный марш, а значит потерянное время. Несколько бойцов, раздевшись по пояс, роят на склоне могилу. Четыре мёртвых тела лежат ровно в ряд. Раненых наскоро перевязали и отправили назад в Коро. С ними ушло человек шесть носильщиков и сопровождающих. Однако, к удивлению Коренева, от этого численность батальона не уменьшилась. Новых рекрутов сразу же нашли и поставили в строй, раздав оружие выбывших: ими стали бывшие носильщики. Оказывается, Буасса приказал прислать для переноски тяжестей наиболее грамотных мужчин. Многие из них уже работали на лесозаготовках и плантациях в Стране Кайя, умели читать и писать, а кое-кто даже служил в армии. Старшего военного советника лейтенант нашёл на миномётной позиции, где он громовым голосом распекал минометчиков. Как стало ясно из разговора, он намылился вернуться в Коро, так как у него остались всего три мины.

– А пятьдесят семь коту под хвост. И спешил ведь как! – Советник обращается то к Эвалту, который неплохо говорил по-русски, то к полковнику Буассе. – С перепугу воздух сотрясал. Почти все мины разорвались с перелетом!

Боганец что-то пробовал отвечать, но капитан грубо оборвал его, увидев Коренева.

– Переведи ему, что пойдет с нами. Как кончатся у них мины – дадим трофейные карабины и пошлём в штыковую!

Как только миномётчик отошёл, советник сокрушённо произнёс:

– Не могу простить ему трусости и торопливой стрельбы. Миномет в горах – штука эффективная. Стрелял бы этот тип точнее, и потери бы в роте меньше были...

– Так почему его не отдать под трибунал? – изумился Коренев.

– Скажу тебе по секрету, – ощерился в недоброй улыбке Босс. – Это лучший миномётчик из гарнизона Гинкалы.

– Вот так дела, – развёл руками Евгений. Во время похода он, наконец-то, составил представление о фридомфайтерах. К его большому сожалению, оно было нелестным. Основной тон задавали обозленные на весь мир честолубцы, которые называли идейными противниками капитализма. Как правило, это были недоучившиеся студенты с амбициями министров. Самолюбивые и заносчивые, они видели себя «отцами народа» и ради этого были готовы перебить всех цветных и белых. Для них вопрос свержения правительства Окойе был вопросом жизни: в случае удачи они бы оказались бы при каком-нибудь министерстве, из которого выжали бы все и для себя лично, и во славу и процветание своей многочисленной родни. Такие рвались в Кларенс. Они старательно учились обращению с оружием, и, естественно, командование афафов доверяло им больше других. Основную же часть отряда составляли оказавшиеся на мели бедолаги – безработные, прошедшие в поисках счастья всю Западную Африку и спавшие на тротуарах почти всех западноафриканских столиц. Иногда им удавалось на какое-то время закрепиться на одном месте – получить работу, скопить немного денег и начать мелкую торговлю. Но местные жители, недовольные конкуренцией пришельцев, изгоняли их, в конце концов, с помощью властей, охотно делавших это ради укрепления собственной популярности.

Такие считались людьми бывалыми. Они быстро примечали, где что плохо лежит. По мнению Коренева, они являлись потенциальными дезертирами, готовыми улизнуть при первой неудаче, прихватив казенные вещички – от одеял до ящиков с мылом: мечты о собственных лавочках не оставляли их никогда.

Полковник Буасса стоял рядом в ладно подогнанном мундире и согласно кивал головой в такт словам советника. Звёздочки на его погонах блестели на солнце, на груди сверкала медаль, а на рукаве топорщилась какая-то нашивка. Довольный результатами боя, он на радостях хватил из своей фляжки и протянул её мне:

– Ну, как первый бой? Это не за полкилометра империалистов выцеливать. Атака! Лицом к смерти.

Кореневу захотелось ответить что-то оскорбительное. Это был его не первый и даже не третий настоящий бой. Убить трёх человек расстреляв пару тысяч патронов и полсотни мин! Прекрасный результат! Его раздражали пафос и снисходительность полковника несуществующей армии, и он ответил с подчеркнутой официальностью:

– Нормально, товарищ полковник.

– Брось ты эти замашки, – вмешался в разговор советник. – Товарищ полковник! Все его здесь зовут камрад Спати. Здесь боевой коллектив, все за одного, и кичиться своим чином не обязательно. Особенно, когда он не заслужен. Как себя покажешь, так и оценят...

– Пойду проверю носильщиков, – обиделся Коренев на начальника. – Вдруг что-то спёрли...

– Вот, вот, – процедил сквозь зубы Буасса. – А то ухватят какую-нибудь херню, а потом за них отдувайся.

Дальнейший марш прошёл без каких-либо происшествий. Однако шли с предосторожностями: разведчики теперь исследовали каждый кустик, каждую высотку, каждый овражек, где мог укрыться противник. В результате повстанческий батальон пришли в Ойо с опозданием на один день. Расспросы местных жителей ничего не дали: они были так перепуганы, что отвечали невпопад. Судя по их рассказам, здесь скрывалась какая-то группа дезертиров, за которыми гонялись жандармы. Их возглавлял какой-то очень важный белый бвана, обвешанный амулетами. Его сопровождала какая-то белая женщина, которую местные колдуны считали ведьмой. Из их сбивчивых ответов Коренев, пытавшийся докопаться до истины, так ничего не понял. Он привлёк к расспросам Буассу и Эвалта, но те не смогли разузнать ничего существенного. Было ясно одно: жандармов человек десять-двенадцать, и они вооружены автоматами и винтовками.

– Очень хорошо, что у них нет тяжёлого оружия, – прокомментировал результат расспросов Мартын. – Мы их поймеем с дальней дистанции.

– Осталось всего три мины, – удивился Коренев.

– А на что пулемёты и эрпэгэ!

На следующее утро батальон покинул Ойо. Дорога на Буюнгу заняла целых три дня. Причиной задержкой стали растяжки, оставленные противником на дороге. Четыре из них были пропущены разведкой и сапёрами и сделали своё чёрное дело. Сначала подорвался носильщик, который сошёл с тропы, чтобы отлить. Ему оторвало не только ноги, но и часть задницы. Одно было удобно: не надо было копать ему могилу в полный рост. Вторая растяжка разорвалась недалеко от колонны: по-видимому, кто-то из солдат задел корневище куста. К счастью осколки пролетели мимо и никого не задели. Две остальные закладки оказались такими же безвредными: из солдат никто не пострадал. Вместе с тем, эти частые подрывы заставили Мартына выслать всех сапёров на обследование тропы, что серьёзно повлияло на скорость марша. Кроме того, командиры повстанцев уверились, что в боме их ожидает засада. Буюнга поразила Коренева какой-то своей обустроенностью и даже зажиточностью. Засев на опушке леса, оба советника рассматривали узкую седловину, через которую проходила дорога. Рядом с ними пристроились Буасса и командиры рот.

– Превосходная позиция! – прокомментировал капитан. – Пятьсот метров по густой траве под пулемётным огнём!

Он оглядел притихших командиров, а потом отдал приказ:

– Чтобы овладеть деревней надо занять холмы по краям дороги. Атакуем их на рассвете, пользуясь предутренним туманом. Передвигаться будем только ползком. Первый эшелон – первая и особая рота, следом – вторая и третья. Все три станка установим здесь на опушке для прикрытия выдвижения и поддержки атаки. Огонь они откроют только в том случае, если нас заметят...

– А мне что, тоже с минометом вперёд ползти? – подкатил к Кореневу с ехидным вопросом боганский сержант. – В нем полцента веса!

Коренев перевёл вопрос, после чего Мартын на секунду задумывается. Тряхнув бритой головой, он зло сказал:

– Переведи, что он останется здесь. Как только по нам откроют огонь, пусть выпустит три оставшиеся мины и дует следом за второй ротой. И пусть только попробует отстать или потеряться! Пристрелю!

Первые триста метров роты преодолели перебежками. Их прикрывал густой утренний туман. Торопились так, что ошметки летели из-под ног. Оставшееся пространство бойцы батальона проползли за четверть часа. Вскоре первая и особая роты закрепились по обе стороны прохода и установили на вершинах холмов «дегтяри». К большому удивлению советников, на их вершинах даже не были выставлены часовые. Едва пригибаясь, миновали поле пулеметчики и минометный расчет. Сразу после этого вторая и третья роты проскочили седловину и кинулись под защиту плетня вокруг каких-то латеритовых построек, похожих на сараи. Часть из них почернела от копоти, будто выгорела. Все замерли, держа наготове оружие. Пока все шло более-менее. Разведчики и саперы проверили ближайшую улицу и солдаты, растянувшись в цепь, стали входить в просыпавшуюся бому. Жандармов в ней не оказалось. Обыск дал всего несколько старых ружей и ломаную винтовку «маузера».

– Где остальное оружие? – грозно хмурил на старосту брови Буасса. – Где деревенские юноши? Где запасы кофе?

Тот пожимал плечами, близоруко шурился и всё время повторял:

– Жандармы изъяли. Жандармы увели. Жандармы забрали...

Расспросы остальных жителей ник чему не привели: они слово в слово повторяли слова старосты.

– Ничего, – бахвалился Буасса перед советниками. – Они всё нам расскажут. Вот приедет сюда лейтенант Мванза...

– А почему Вы считаете, что эти люди лгут? – поинтересовался Коренев.

– О, камрад! Это самая богатая бома в Загорье...

– Почему?

– Она расположена на дороге, ведущей к перевалу...

– Вот и найдите, кто нас туда отведёт. Заодно, узнайте всё о жандармах. Сколько их было, когда ушли и куда?

– Это мне уже сказали местные бабы, – ухмыльнулся Буасса.

– Тогда, почему Вы мне об этом не доложили? – вмешался в разговор старший советник.

– Не успел, камрад, – оскалился полковник. – Впрочем, извольте. Жандармов было семь или восемь человек, двое из которых были ранены. Только половина из них – местные.

– Бакайя?

– Нет. Они из-за моря.

– Почему Вы так решили?

– Они говорят по-другому. Также как один из Ваших командиров.

Босс удивлённо посмотрел на Коренева. Тот кивнул:

– Я знаю, кто это, Мартын! Эвалт. Он – ибо.

– Вот как? – удивлённо произнёс капитан, проникаясь всё большим уважением к своему коллеге. – Продолжайте, полковник!

– Они взяли с собой восьмерых носильщиков и ушли на перевал два дня назад. Кстати, в Буюнге было известно о нашем марше ещё пять дней назад...

– Как это?

– Барабаны, – пояснил Коренев, отец которого занимался местной этнографией. Буасса согласно кивнул головой.

– А старосте известно сколько человек сторожит перевал? – продолжил свои расспросы советник.

– Сначала было пять. Сейчас, наверное, дюжина, – Буасса продолжал сыпать информацией.

– А это откуда известно? Тоже барабаны?

– Нет, – полковник уморительно покачал головой. – Местные женщины ходят в Кларенс продавать кофе. Путь туда занимает у них пять дней. Одна из них вернулась только вчера. Она рассказала, что жандармы из Буюнги помогают охранять перевал. И они ждут помощи. Её привезут большие грузовики...

– Они это ей тоже сказали? Простой торговке?

– Да. Она переспала с некоторыми из них.

Когда у капитана поползи вверх брови от удивления, Коренев пояснил местные обычаи:

– Она не хотела платить взятку. Здесь так принято – совмещать приятное с полезным...

– плотоядно облизнулся Евгений, переводя слова Буассы.

– Бред какой-то. Зачем это всё нужно? – растерянно развёл руками старший советник. Потом он собрался с мыслями и тряхнул головой. – Завтра выступаем на перевал. Установите связь с Гинкалой и найдите нескольких надёжных проводников. Комендантом Буюнги будет Эвалт. Пусть отберёт в комендантский взвод два десятка надёжных бойцов и оставит себе миномётчиков. Лишний вес нам не нужен.

– Вероятно, Буасса тоже захочет остаться?

– Пусть его. Он только путается под ногами...

Утром полторы сотни людей – бойцов повстанческого батальона и носильщиков – покинули Буюнгу и вышли на разбитую дорогу, ведущую к перевалу Акука. Идти по колее было гораздо легче и быстрее, чем по выючной тропе. Вечером того же дня, отряд разбил лагерь у самого подножья Хрустальных Гор. Здесь воздух был не таким влажно-горячим, как на окраине гилеев. Мартын Босс впервые позволил себе расслабиться в присутствии Коренева.

– Куришь? – спросил он лейтенанта, протягивая ему пачку сигарет.

– Немного, – смущённо ответил Евгений, удивлённый щедростью начальника. Он свои сигареты уже давно скурил во время похода.

– Здесь без этого никак нельзя, – поучительно произнёс капитан и достал фляжку. Отхлебнув глоток, он протянул её собеседнику. – Пей, не бойся. Это – «шпага»! Она лучше, чем любое местное пойло! Добыл, по случаю, у наших лётчиков...

Евгений сделал большой глоток и даже не поперхнулся. К его удивлению, жидкость оказалась на редкость мягкой и не противной на вкус. Никакого водочного послевкусия не ощущалось. На его немой вопрос, старший советник прочёл целую лекцию об этом напитке:

– Здесь чистейший спирт-ректификат, разведенный дистиллированной водой до крепости почти 50 градусов. В нем нет никаких солей, поэтому знакомые мне медики рекомендуют запивать минеральной водой. А используют эту жидкость для охлаждения кабин реактивных самолётов. Это добро иногда появляется в Гинкале...

– Но, как это оказалось у тебя. Мартын?

– Ты про это? – капитан повертел в руках свою фляжку, а затем сделал из неё большой глоток. – «Шпага» – самый ходовой товар и наиболее твердая валюта одновременно. На неё можно выменять любой предмет вещевого довольствия, любой доступный предмет обеспечения, даже аварийный комплект. Все дело в количестве литров, которыми ты располагаешь. Я как-то помог Петренко достать новехонькие чехлы от парашютов, а они пошли на пошив отличных палаток с хорошим качеством. Их даже оснастили оттяжками из парашютных строп и кольцами от этих же самых чехлов. Всего за пятнадцать литров «шпаги» ...

– А зачем это было нужно лётчикам? Они же всё имеют!

– Всё, да не всё. Наверное, продали за валюту или выменяли на какую-нибудь экзотику. Мало ли, – зевнул Мартын. – Вон, Липкин с Петренко даже умудряются выменять слоновую кость и леопардовые шкуры.

– Но это же...

– Знаю, – советник ещё отхлебнул из фляжки. – Однако, пора ложится спать. Завтра утром идём на перевал...

– Как на перевал! Без разведки?

– Думаю, что там сидит человек пять или десять жандармов. Пустим вперёд штурмовую роту. Сто процентов они знают наши силы и зададут стрекача, едва нас увидят...

– ?

– Вот увидишь, Коренев, так и будет! – Мартын заложил руки за голову и захрапел, а Евгений ещё долго вертелся рядом: это был его первый настоящий бой.

Что решит Лондон?

Известие о том, что в Загорье появился вновь появились повстанцы, в Кларенс доставил один из грузовиков, вернувшийся из Ханипы. На нём доставили дюжину раненых: жандармов и пленных. Вместе с ними прибыл сержант Рольт, биафрийский командос. По каким-то причинам, он не прибыл в казармы, а сразу заявился в министерство внутренних дел и потребовал срочной встречи с Пренком. Министр был на месте и немедленно его принял. Минут через двадцать в приёмной президента раздался звонок. Трубку подняла Кати Брегма:

– Господин министр!

– Добрый день, миссис Брегма! Мне настоятельно необходимо переговорить с доктором Окойе!

– Господин президент сейчас очень занят: он принимает представителей Аграта.

– Но дело не требует отлагательств! Это вопрос нашей безопасности!

Кати на время замолчала. В трубку было слышно, что она что-то бубнит в сторону. Затем раздался её тихий мелодичный голос:

– Господин президент просит Вас сообщить Вашу информацию майору Бенъярду. Я Вас соединю, как только его разыщут, – в трубке раздалась какая-то старая мелодия. Минут через пять в трубке раздался обеспокоенный голос:

– Привет, Кзу! Что случилось?

– Нечто весьма неприятное. Ты можешь приехать ко мне в министерство?

– Хорошо. Я сейчас буду.

Расстояние между Президентским Дворцом и Площадью Победы Бенъярд преодолел за десять минут. Для этого ему пришлось воспользоваться «виллисом» жандармерии, который случайно оказался во дворе резиденции. Несмотря на то, что по прямой расстояние не превышало трёх-четырёх километров, джип двигался по забитым народом улицам с черепашей скоростью. Перед советником президента все двери министерства быстро распахнулись: тяжело дыша он влетел в кабинет министра и спросил:

– Что произошло? К чему такая спешка?

– А ты вот послушай, – Пренк махнул рукой в угол, показывая на сидевшего на стуле сержанта. Его «шмайсер» был прислонен к стене. – Рольт, повтори свой рассказ!

Бывший биафрийский командос хотел встать, но Бенъярд сделал жест рукой, приказывая ему оставаться на месте:

– Так что же случилось. Рольт?

– В Загорье появились несколько сотен солдат, часть из которых являются военнослужащими Боганы. Я лично видел их нашивки, – выпалил сержант.

– Давай, рассказывай по порядку...

– Десять дней назад полковник оставил меня охранять перевал. Сержант Филх с четырьмя бойцами находился в Буюнге. Его задачей были сбор информации и борьба с кимбистами, удалось выявить несколько их шаек. Одна из них была довольно многочисленна...

– Сколько их было?

– Двадцать пять человек. Мы им устроили засаду...

– Расскажите об этом поподробнее, сержант, – попросил Бенъярд.

– Третьего сентября на рассвете из сензала, расположенного километрах в десяти к северу от Буюнги, прибежала женщина. Голосом, хриплым от волнения, она рассказала Филху, что их селение занято отрядом кимбистов, и утром они выступят в горы.

– Они думают, что захватят охрану перевала врасплох, – сказала женщина. – Так между собой говорили солдаты.

– Их много? – спросил я женщину.

– Тридцать человек. Но на перевал пойдут не все. Они часто разговаривают с большим железным ящиком на чужом языке и получают из него приказания. Наверное, это их бог!

Вопреки ожиданиям, никто из защитников перевала не сомневался в необходимости дать отпор противнику. Тогда Рольт связался с командирами блокпостов.

– Мы тоже начнем действовать! – заверил Рольта Филх. – Если мы объединимся, то нам не составит труда разогнать эту банду кимбистов.

– Конечно, – после некоторых сомнений согласился Зинга. – Я помогу Вам оружием и людьми.

Через час из Ханипы на перевал приехала машина, доставившая подкрепление и патроны. К полудню гарнизон Акуки был приведён в полную боевую готовность. Вечером мы соединились и стали совещаться между собой. План засады был очень прост и рассчитан на то, чтобы ошеломить нападавших. По плану Рольта, это должно было привести к бесспорной победе. Невдалеке от начала подъема на перевал, на небольшой скале, установили пулемет. При нём находился Филх с двумя бойцами. Он захотел его опробовать, но Рольт запретил – звуки выстрелов могли заставить противника насторожиться раньше времени. Ещё четверо жандармов во главе с Зингой укрылись напротив скалы за массивным каменным парашетом. Дорога здесь проходила по неширокому ущелью, которое делало крутой поворот. Это позволяло взять противника под перекрёстный огонь. Рольт с одним из своих бойцов расположился сотней метров выше их на отроге хребта. Отсюда можно было незаметно следить за местностью на расстоянии пятнадцати километров – в хорошую погоду можно было разглядеть жестяные крыши Буюнги. Рольту были хорошо видны светлорыжие изгибы дороги, начинавшиеся у самой кромки гилеев. Остальные бойцы во главе с капралом Бомоко были оставлены в резерве на перевале. На его желание принять участие в бою, вахмистр возразил:

– Надо предвидеть всё. Если нашу засаду собьют – отступим на перевал. – А ты прикройешь...

– А если бы кимбисты двинулись на Буюнгу, сержант? Что бы тогда сделал Филх? – прервал рассказ Бенъярд.

– Во-первых, он оставил там двух своих солдат с рацией, а, во-вторых, мужчины этой бомы по распоряжению Шеннона были вооружены винтовками и тоже следили за кимбистами. В случае выдвижения противника к Буюнге, мы были бы оповещены заранее. Мы бы тогда атаковали противника с тыла.

– Что же разумно... – задумался Пренк, покачивая головой. – Продолжайте!

– В два часа пополудни я заметил на дороге движение и сообщил Филху по уоки-токи:

– Двадцать пять! Впереди идет их командир.

– Почему вы думаете, что это командир, мастер? – спросил мой приятель.

– С каких пор вы начали сомневаться во мне, сержант? Я видел в бинокль его шевроны на рукаве. На шее у него болтается автомат...

– Ну, я тогда не спорю, – рассмеялся Филх.

– Они будут на повороте через полчаса, – сообщил я. – Я спущусь вниз.

– Хорошо, – согласился Филх. – Поддержи Зингу.

Из-за поворота медленно появились солдаты противника. Они шли враскачку, держа оружие на ремне. На них была почти новая униформа, ботинки, кепи: было сразу видно, что это – регулярная часть. Через несколько мгновений солдаты заполнили вход ущелья и неожиданно остановились. Вперед колонны вышел их командир. Он внимательно оглядел в бинокль противоположный склон и махнул рукой, подавая знак продолжать движение. Солдаты вновь двинулись вперёд, взяв винтовки наперевес. В ту же минуту торопливо забил пулемет Филха. Беспорядочно отстреливаясь, кимбисты бросились к каменному завалу у края дороги. Их командир что-то нервно кричал, прикрыв рукой голову, потом упал и больше не двигался. К этому времени на дороге уже валялась около дюжины тел. Солдаты, укрывшиеся за завалом, не были

видны со скалы, но нам было легко целиться в них из-за парашюта. Я и мои люди открыли по ним беглый огонь из винтовок и обоих «шмайсеров». Тогда кимбисты перенесли огонь на нас: вокруг меня все чаще шелкали пули. Начался ожесточённый огневой бой,

Кимбисты стали медленно отползать вниз по склону, прячась за камнями. Судя по выражению их лиц, они что-то кричали и ругались. Лишившись командира, уцелевшие кимбисты вскочили и побежали, пригибаясь к земле. Они прыгали вниз, с камня на камень, некоторые бросали винтовки. Филх с одним из жандармов быстро спустились на дорогу и залегли. Мы с Зингой присоединились к ним: на дороге видно было около десятка солдат. Они бежали вниз под уклон даже не пытаясь отстреливаться. Мы открыли огонь из наших «шмайсеров». Вскоре кимбисты исчезли за очередным поворотом...

– Потери были?

– Нет! В том бою – нет!

– А у них?

– Да. Семнадцать человек, из них шестеро были убиты в бою, ещё трое умерли от ран.

Трофеи и остальных мы отправили в Ханипу вместе с сержантом Зингой...

– Это были боганцы?

– Нет. Винду с юга. С верховьев Бамуанги...

– Ты в этом точно уверен?

– Да, сэр. Один из наших жандармов распознал их по татуировкам...

– После боя вы вернулись в Буюнгу.

– Нет. Только Филх, я с одним из своих бойцов проследил за кимбистами до края гилеев.

Когда они достигли пото-пото, я повернул назад. Когда мы вернулись в Буюнгу, там нас ожидал вестник из Коро. Капрал Бомоко сообщил, что на бому готовится нападение кимбистов. Он просил помощи. Мы выступили им на помощь, но не успели: в Коро пришло больше полусотни врагов.

– А Бомоко?

– Бомоко с тремя своими бойцами и несколькими носильщиками встретился нам в Ойю.

– Ойю?

– Да. Это сензал, расположенный на тропе между Буюнгой и Коро.

– Они преследовали Бомоко?

– Нет. В Коро произошли какие-то беспорядки, и мятежники выступили только на третий день. Мы за ними уже следили и подготовили засаду на тропе. Однако, задержать их не удалось: у них был миномёт, около десяти пулемётов и много гранат, – Рольт с волнением пожал плечами, вспоминая превратности боя. – Это произошло четыре дня назад. Мы потеряли троих, включая Бомоко, а противник – человек десять. Потом мы отступили в Буюнгу. Я решил её не защищать, и отвёл своих бойцов к перевалу.

– Сколько там жандармов?

– Вместе с моими людьми – тринадцать, сэр. Сейчас ими командует сержант Филх, – ответы прозвучал чётко, по-военному.

– Спасибо, сержант, – почесал подбородок Бенъярд. – У меня к Вам ещё один вопрос. Почему Вы приехали в министерство, а не в штаб.

– Видите ли, сэр, – вскочил с места сержант. – Я посчитал, что господин министр гораздо компетентнее в этом вопросе, чем мистер Хейде.

– Капитан Хейде, – поправил его Пренк.

– Так точно, сэр, – подтвердил сержант. – Старший советник прекрасно разбирается в полицейских операциях, ловле контрабандистов и охране объектов, но он не имеет боевого опыта.

– Хорошо. А лейтенант Вижейру?

– Он может гонять по лесу партизан...

– Спасибо, сержант, – Бенъярд оборвал Рольта на полуслове. – Мне всё понятно. Ты правильно сделал, что приехал сюда. Сейчас тебя отвезут в казармы, там составишь доклад по полной форме и приведёшь себя в порядок. Будь готов к выступлению завтра утром. Надеюсь, что мы успеем принять все необходимые меры.

– Так точно, сэр, – сержант встал по стойке смирно, потом поднял своё оружие и строевым шагом вышел из кабинета.

Бенъярд проследил его взглядом и сказал:

– Ты всё правильно сделал, Кзур. Если бы сразу отправил этого парня в казармы, то наши жандармы наломали бы дров. Жаль, что Вайянт сердит на тебя...

– За тот случай?

– Ага, – кивнул советник.

– Ну что поделаешь, – развёл руками Пренк.

– Ты, случаем не знаешь, кто знает перевал?

– Как мне кажется, укрепления там строил лейтенант Кайвоко.

– Патрик, что ли?

– Ага.

– Значит его надо туда послать! А заодно и остальных – Джинджи, Барти, Тимоти.

– Боюсь, что парни Шеннона находятся в немилости у нового начальства: их распихали по дальним постам.

– Надо их срочно собрать!

– Но не ты, не я не можем отдать такое распоряжение...

– Увы, мой друг. Вот, что я сделаю! Уговорю Вайянта срочно созвать военный совет – тебя, меня, Хейде, Хороса...

– Я немедленно переговорю с Хоросом! Спасибо, друг! – тонкое лицо министра посветлело, а его нервные губы изобразили улыбку. Он протянул своему другу сухую, хрупкую руку. Генри в эмоциональном порыве её крепко пожал:

– Мы сделаем это, Кзу!

Совещание в Президентском дворце состоялось через три часа. Всё пошло почти по намеченному приятелями плану. Единственное, что им не удалось, так это назначить надёжных офицеров. После долгих споров начальником обороны перевала назначили капитана Мозеса Ниса, который с радостью согласился с этим назначением и пообещал привести на перевал три десятка добровольцев из Турека. Конечно, все понимали, что у героя революции нет никакого опыта и назначили его помощником лейтенанта Вижейру. Офицерами экспедиционного отряда стали лейтенанты Кайвоко и Эйнекс, а главным сержантом – Рольт, получивший нашивки вахмистра. По прибытии отряда на перевал Филх с двумя бойцами должен был отправиться на северную границу и сменить на этом посту лейтенанта Слита, который срочно вызывался в столицу. После того, как решения были приняты, Вайянт попросил Бенъярда остаться:

– Послушай, Генри! Не пора ли попросить наших британских друзей о помощи.

– Я тоже об этом подумываю, Вайянт. Только как будем просить? Официально или нет?

– И так, и так. Ты – по своим каналам, а я – по своим.

– Хорошо. Я немедленно свяжусь с мистером Блейком и напому ему о событиях в Уарри.

– А разве он не выходил с тобою на связь?

– Нет.

– Странно. Может с ним что-то произошло?

– Вот это я и выясняю.

– Как, если не секрет, – заинтересованно спросил президент.

– Через моего нового знакомого Марита Гомаду...

– А конголезского дезертира, – усмехнулся доктор. – Думаешь, он сможет тебе помочь?

– Не сомневаюсь, Вайянт. А как будешь действовать ты?

– Приглашу британского поверенного во дворец завтра утром. Обрисую ситуацию с новой конституцией, расскажу ему про меры, связанные с делом Ханипы, а ещё предложу ему занять китайское посольство под свой офис...

– Китайцы съезжают?

– Да. И не только они. Восточные немцы тоже. Синк предлагает начать переговоры с Тайванем и получить с них пару миллионов за дипломатическую поддержку. Заодно надо бы признать Южную Корею и Вьетнам...

– Это не повредит нашему имиджу?

– Нет. Наоборот, укрепим связи с демократическим миром и получим от него помощь.

– Вероятно, – заторопился вдруг Бенъярд. – Ну я пошёл?

– Иди. Сообщи мне как будут новости из Гвиании.

– Обязательно, господин президент, – прикрыл за собой дверь его советник.

С момента своего назначения в Кларенс Адриан Гуль находился в прескверном настроении. Получив назначение постоянного поверенного в делах Британии, он рассчитывал на маломальский комфорт и уют. Когда он прибыл в Кларенс, вдруг выяснилось, что в его распоряжении нет не только персонала, но и даже приличного помещения. Хотя на выделенный ему бюджет можно было организовать и то, и другое, он растерялся, поскольку впервые в жизни должен был делать всё сам. Это ввело его в некоторый ступор, если бы не Тимон Маршан и Вильк Борлик, взявшие его под свою опеку. За неделю они помогли подобрать ему технический персонал, включая секретаря и шофёра, арендовать автомобиль и помещение под посольство. Им оказалась вилла Борлика, которую поляк предлагал приобрести в рассрочку. Однако, природная осторожность остановила руку дипломата, когда он уже был готов подписать договор купли-продажи. Это всё происходило на вилле Борлика три дня назад.

– Я должен посоветоваться со своим начальством, – сказал Гуль Борлику, забирая оригиналы документа. Увидев, что поляк разочаровано поджал губы, он его подбодрил: – Я не имею права заключать долгосрочные сделки, выходящие за пределы моего бюджета, мистер Борлик. Мне тут всё нравится, но сами понимаете...

С каждым словом лицо поляка багровело: он молчал, не взирая на попытки дипломата его разговорить.

– Кроме того, у здания должен быть дипломатический статус. Я должен согласовать сделку с министерствами юстиции и иностранных дел. Это чисто бюрократическая волокита: она не повлияет на суть сделки. Подождите немного...

– Вечная история, – вдруг не выдержал Борлик и, по-видимому, чертыхнулся. – Курва матка... Вечно у Вас всех какие-то отговорки. Я же совсем немного прошу за этот дом...

– Согласен, поэтому и посылаю договор на согласование в Форин Офис, – бодро ответил Гуль. – А ещё могу походаатайствовать, чтобы Вас назначили почётным консулом в Зангаро.

– А что это мне даст?

– Определённый дипломатический иммунитет и кое-какие привилегии...

– А обязанности какие-то будут? – заинтересованно спросил Борлик.

– Да почётные, консульские...

– И всё-таки, что я должен буду делать?

Адриан Гуль решил прочесть лекцию неугомонному старику, чтобы повысить свою значимость в его глазах и, заодно, блеснуть эрудицией:

– Почетный консул не получает жалования от назначившей его страны, но при этом находится на государственной службе страны назначения, выполняя свои функции на общественных началах. Он сам финансирует открытие консульского учреждения и организацию его работы под моим личным руководством.

– Я что? Заделаюсь британским дипломатом на старости лет, – ухмыльнулся Борлик, сморщив свой большой нос.

– На самом деле это подчинение носит скорее формальный характер. Если почетному консулу не предоставили право выдачи виз в страну назначения, его работа сводится к организации за свой счет одного или двух мероприятий в год в его округе. Эти мероприятия могут носить торговый, деловой, спортивный или культурный характер...

– Вот как? – озадачено почесал лысину поляк. – Хорошо. Я скину половину стоимости аренды, если Вы меня назначите консулом в Туреке.

– В Туреке?

– Да. Это городок в полусотне миль отсюда. Там есть порт.

– Почему именно там?

– У меня там имеется бизнес, мистер Гуль. А в Кларенсе слишком тесно. Пусть лучше Вам здесь помогает мсье Маршан, – Выцветшие голубые глаза поляка заинтересованно заглядели из-за стальной оправы очков.

– Мне будет трудно обосновать необходимость этой должности для Турека, – стал вслух размышлять дипломат. – Разве что вице-консул. Это может получиться!

– А как быстро пройдет утверждение на эту должность, мистер Гуль?

– Думаю, что через месяц.

– Тогда по рукам! Живите в моём особняке столько, сколько захотите, и покупать его у меня вовсе не надо, – поляк протянул Гулю свою крепкую, узловатую, крестьянскую руку. Британский дипломат её пожал и чуть не вскрикнул от боли: столько в ней было силы и энергии...

Вечером четырнадцатого на виллу прибыл курьер министерства иностранных дел Зангаро, который доставил британскому поверенному официальное приглашение к президенту республики. Он ожидал британского дипломата в своей резиденции к 11:00. Гуль долго ломал голову о том, что это могло значить. На его вопросы не смогли ответить ни его служащие, ни всезнающий Маршан, ни пронырливый Борлик. Чтобы с ним встретиться, Гуль даже специально посетил бар. За кружкой пива поляк сообщил, что в этот день закончились переговоры, связанные с семейством Агратов, они получают свои деньги в обмен на солидную экономическую помощь. Как ему стало известно, подряд на стройку получила Тракопа, а логистикой и доставкой груза будет заниматься Маршан.

– Но какое это имеет отношение к Великобритании? – вздохнул Гуль.

– Вероятно это как-то касается британской собственности, которую получил в трастовое управление «Бормак».

– «Бормак»? – нахмурился Гуль. – Ах, «Бормак»!

Наскоро распрощавшись с поляком, британский дипломат поспешил в отделение банка, чтобы связать по частной линии с сэром Мэнсоном и получить от него дополнительные инструкции. Папаша Вильк, удивлённый странным поведением этого лощённого джентльмена, взял это на заметку.

– Как ты думаешь, Жюль? – спросил он у хозяина «Индепенденса», меланхолично протиравшего бокалы у стойки бара. – Что британцам понадобилось в Зангаро?

Гомес пожал плечами:

– Они действительно сюда зачастили. Вероятно, что-то нашли. Англосаксы ничего не делают просто так, даже свергая красных диктаторов.

– Значит, тут дело не в политике?

Гомес многозначительно улыбнулся:

– И в политике тоже. Нам-то какая разница? Я вернул свой отель, ты – расширил бизнес. Разве не так?

– Так-то так, но что за этим всем кроется? Золота в Хрустальных горах нет, может быть нефть?

– Вероятно. Нас к этой кормушке всё равно не пустят...

– Посмотрим, посмотрим, – задумчиво произнёс папаша Вильк, потягивая пиво «Стар».

Адриан Гуль прибыл во Дворец ровно в 11:00, несмотря на задержку, вызванную проездом военной колонны. Он насчитал в ней три или четыре грузовика, пару джипов и какой-то допотопный броневик.

– Вероятно, это вся армия Зангаро, – усмехнулся он. – куда интересно они направляются?

– На перевал, сайя. Там, говорят, опять беспокойно, – ответил шофёр.

– Откуда ты знаешь?

– Ходят разные слухи, сайя. В госпиталь привезли нескольких раненых из Загорья. На базаре поговаривают, что солдаты-бавинду могут вновь прийти в Кларенс. Они ведь не придут, сайя?

– Не придут, – согласно кивнул Гуль. Он задумался на минуту: «Не должны, иначе он лишится своего статуса дипломата и перспектив роста, а, главное, поддержки сэра Мэнсона и Британского Западноафриканского Комитета». С этими мыслями британский дипломат поднялся на второй этаж президентского дворца, где его уже ждал худощавый министр иностранных дел Лер Синк. Он носил очки с толстыми линзами, имел учёный вид и был чрезвычайно немногословен. Эта его манера чрезвычайно раздражала Гуля. В досье Синка значилось, что – ярый антикоммунист. До прибытия в Зангаро он занимался международным правом и одно время даже работал в Секретариате ООН.

– Прошу Вас, – открыл дверь в кабинет президента какой-то новый офицер.

– А где лейтенант Эйнекс, – спросил дипломат у министра.

– Бывший начальник президентской гвардии разжалован и направлен на фронт.

– Круто, – удивился Адриан, проходя в распахнутую дверь. В кабинете его ждали президент и его советник Генри Бенъярд.

– Присаживайтесь, господин посол, – откуда-то из спины произнёс министр и пододвинул стул.

Гуль не успел устроиться в кресле, как президент заговорил:

– Мы Вас пригласили, чтобы обрисовать общую ситуацию в стране и попросить об оказании срочной помощи...

Беседа при закрытых дверях продолжалась более двух часов. В ходе её у дипломата сложилось чёткое представление о политике Окойе и его правительства в области внутренней политики, преодоления экономической разрухи и реституции собственности. Особенно его порадовал факт, что его стране может быть предоставлено бывшее китайское посольство, примыкающее прямо к Президентскому Дворцу. Это решало множество проблем, включая вопросы коммуникации с Лондоном.

– Когда я смогу его занять, – поинтересовался дипломат.

– Китайцы уже все выехали, – быстро ответил Бенъярд. – Ключи от их помещений мы можем предоставить хоть завтра, но я бы не рекомендовал Вам спешить...

– Это почему же?

– Нам угрожает вторжение Боганы. Её вооружённые силы в десять раз превышают наши, – пояснил президент.

– А ещё в Загорье орудуют банды кимбистов, среди которых действуют боганские солдаты, – добавил Бенъярд.

– У Вас есть доказательства?

Бенъярд и Окойе переглянулись и синхронно кивнули.

– Да! Один из их отрядов численностью более ста пятидесяти человек наступает на Акуку. Туда сейчас направлены все наши силы!

– Понимаю, Вам требуется военная помощь! К моему большому сожалению, я не обладаю таким полномочиями. Кроме того, в Британии запрещено наёмничество, поэтому добро-

вольцев мы в Кларенс послать не сможем, но я об всём проинформирую Форин Офис. Мой Вам совет, обратитесь за помощью к правительству Гвиании!

– Это то, о чём мы хотели бы Вас попросить, – вкрадчиво произнёс Синк. – Поддержать наш запрос в Луисе. Ваше слово, слово британского дипломата, весит там гораздо больше, чем моё...

– Я специально запрошу моё правительство, – кивнул головой Гуль. – Если оно разрешит, то сделаю возможное, чтобы поддержать Вашу просьбу.

– Это надо сделать как можно быстрее, мистер Гуль, – произнёс Окойе, нервно вставая. – У нас мало времени.

– Наоборот, господин президент, – улыбнулся Гуль. – Вам надо только дождаться начала Большого Дождя. Тогда повстанцы сами разбегутся по своим хижинам. Никто воевать тогда не будет...

– Вы, вероятно, не знаете русских. Они воюют в любых условиях, – нарушил молчание Синк.

– А причём тут русские?

– Наши жандармы видели двоих или троих из них в рядах повстанцев. Вероятно, это комиссары или военные советники!

– О! Это меняет дело! Чтобы действовать так открыто! Невероятно! – занервничал Гуль. – Зачем это им?

– Вероятно, чтобы успеть до большого дождя, – ухмыльнулся Бенъярд. – Как раз они будут полагать, что оппозиция не предпримет никаких действий с началом влажного сезона. А потом они уже укрепятся у власти и их будет сложно скинуть!

– Значит Кларенс надо защищать любой ценой. Нельзя дать красным его захватить в течение ближайшего месяца!

– Я немедленно сообщу об этом правительству Его Величества, – засуетился Гуль. – Будьте уверены!

Когда за британским дипломатом и сопровождавшим его министром закрылась дверь, Окойе тихо произнёс:

– Хотелось бы верить его словам.

– Почему ты так скептически настроен, Вайянт? Этот белый парень выглядел весьма убедительно. Мне кажется, он доведёт до сведения своих шефов наши проблемы.

– Довести-то доведёт, но как они на это отреагируют? Смотри сколько раз за последние десять лет британцы уходили, оставляя всё красным – Суэц, Гана, Занзибар, Аден...

– Нигерия...

– Там они вообще снюхались!

– Может обратится к французам или американцам?

– А у нас есть время?

– Увы, к сожалению, нет. Но искать контакты надо.

– Да. Мне кажется надо попытаться поработать через карибских негров.

– Растафарианство?

– Почему бы нет? Получим несколько десятков квалифицированных специалистов, может ещё проповедников. Займись этим!

– Да, господин президент, – шутливо козырнул Бенъярд, хотя у него на душе скребли кошки.

– Я ещё подключил к решению этого вопроса Дусона. Он же выходец из французской Вест-Индии. Он уже связался со своим учителем профессором Кохом. Это известный экономист...

– Я помню, Ваше превосходительство! – скептически произнёс Бенъярд. – Мне взять отношения с ним под свой контроль?

– Мне кажется, в этом нет необходимости, Генри, – голос Окойе приобрёл какой-то нежный оттенок, – но я бы хотел, чтобы ты установил с ним дружеские отношения, когда он прилетит на днях в Кларенс.

– Зачем?

– Я хочу установить через него отношения со Штатами, – заметив удивление на лице подчинённого, президент добавил. – В Лондоне действуют слишком медленно и... э-э-э ... «колониально». Мне кажется, что сотрудничество с Вашингтоном будет продуктивнее.

– Тебе не кажется, Вайант, что с французами было бы договориться легче?

– Вероятно, но, увы, мы им не интересны. Американцы составят здесь хорошую конкуренцию англичанам.

– Понимаю. Ты думаешь, что они заставят их быстрее поворачиваться, не так ли?

– Не без этого, Генри! – ухмыльнулся Окойе. – Кроме того, у них больше денег и антикоммунистическая паранойя!

– Хорошо. Я подумаю, что сделать для этого, – почесал подбородок Бенъярд.

– А думать не надо, мой друг. Я уже всё придумал!

– Внимательно слушаю, сэр!

– Не так официально, Генри, – поморщился доктор Окойе. – Тебе надо будет попросить профессора Коэна порекомендовать какого-нибудь юриста, желательно из Гарварда, в качестве консультанта по конституционному вопросу...

– Но для этого я должен возглавить Конституционный Комитет?

– Конечно. Вот мой декрет о его создании и назначении тебя на должность его председателя, – Окойе протянул красную папку с тиснённым золотом гербом Зангаро и пошутил. – Должен же министр без портфеля заниматься чем-то конкретным хотя бы формально...

Поняв, что сморозил глупость, доктор покраснел и засмеялся.

– Спасибо, Вайант, за предложение, но у меня нет соответствующего образования. Мне кажется, что Пренк, Лорримар или Синк годятся для этой роли лучше. Они будут косо смотреть на меня...

– Не бери в голову, Генри, – отмахнулся президент. – Они все заняты текучкой и после короткой беседы со мной согласились на твоё назначение. Как только приедет Кох – возьми его сразу в оборот. У нас мало времени...

– А что мне делать до прибытия Коха?

Окойе серьёзно посмотрел на собеседника:

– А пока проинспектируй гарнизоны и выясни состояние нашего арсенала...

– Но Дженсен прекрасно справляется со своим делом!

– Да, конечно, но я хотел бы знать твоё мнение...

– Хорошо, Вайант, сделаю. Начну прямо сегодня.

– Вот и отлично!

Закулисье

Расследование Прайса

Саймон Эндин был удивлён, когда получил конверт с государственным гербом Гвиании. В нём находилось письмо, в котором мистер Уолтер Харрис приглашался в полицейский комиссариат города Луиса 12 сентября ровно в полдень.

– Что это значит, Роджерс? – спросил он бывшего британского разведчика. Саймон знал, что Прайс не любит полковника, и тот также не испытывает симпатию к комиссару, презирая его за пьянство, унылый, вислый нос, долговязую нескладную фигуру, за то, что тот откровенно копил деньги на пенсию. Судя по досье, до открытых столкновений между ними не было. И сейчас полковник, изобразив на своем бесстрастном лице любезную улыбку, пожал плечами:

– Не знаю. Вероятно, это комиссар Прайс начал действовать и решил опросить всех, кто так или иначе связан с Ру и его бандой. Во всяком случае арест Вам не грозит, Вы ведь не подписали с ними официальный контракт...

– Нет. Формально всё оформлено на местную компанию, которую нам подсунул Спифф через Амбопу.

– Амбопа?

– Да. Формально он должен был готовить людей для изыскательской партии для «Бор-мака».

– Контракт подписали лично Вы?

– Нет, конечно. На нём стоит факсимиле Робертса, а приложение подписывал Мартин Торп, мой коллега.

– Значит Вы вели только неформальные переговоры с Амбопой.

– Бог, мой. Естественно!

– Это хорошо. Только непонятно, почему Прайс к Вам привязался?

– Может мне взять с собой адвоката?

– Пока это не нужно. Это только насторожит старого копа! Приход с адвокатом в полицию будет означать только одно – Вы чего-то боитесь! Кроме того, это может быть и не связано с делом «Гвенко» ...

– А Вы можете всё разузнать, полковник? – заискивающее произнёс Эндин.

– Постараюсь, но не обещаю, что это быстро получится, – пробормотал Роджерс. Эндин удручённо кивнул. Он знал, что между Прайсом и Роджерсом пробежала чёрная кошка. Произошло это здесь, в Гвиании, лет пять назад. Правда, с тех пор многое изменилось: комиссар вышел на пенсию, а Роджерс – в отставку. По старой британской традиции, оба ветерана приобрели коттеджи: один – в Бишопс Стортфорде, второй – в Эгхеме. Хотя расстояние между их пристанищами было не так велико, оба старика между собой не контактировали. Бывший разведчик как-то признался Саймону, что всегда презирал комиссара за пьянство и отсутствие патриотизма, хотя в профессионализме отказать ему не мог. Прайс, по-видимому, тоже питал антипатии к полковнику.

Кандидатура экс-полицейского в качестве руководителя расследования всплыла совершенно неожиданно после вмешательства в операцию Блейка. Роджерс совершенно точно угадал в нём препятствие при реализации зангарского проекта. Единственным утешением для Саймона был факт, что их визави был связан с британскими нефтяниками, а не горнодобытчиками. Если Прайс ещё как-то мирился с методами Роджерса, то Блейка он просто не выносил. Из записи разговора с экс-комиссаром Эндин запомнил только одну фразу: «Если Вы часто

поступали не как джентльмен, полковник, то этот тип абсолютно аморален. Таким как он не место на службе Его Величества!».

– Интересно, что он скажет обо мне и моём боссе, когда познакомится со мной поближе, – подумал тогда Саймон, дослушав запись до конца. Теперь он пытался привести мысли в порядок в ожидании встречи с руководителем расследования. В раздумьях он вертел фотографию комиссара трёхлетней давности. Она была сделана в день, когда Прайс ушёл в отставку, и каким-то образом оказалась в досье Роджерса. Лошадиное лицо, унылый, вислый нос, долговязая нескладная фигура – типичный англичанин, служака, на которых долгое время держалась Империя. Родился в южном пригороде Ливерпуля, служил констеблем, потом – сержантом в полиции графства, воевал, получил Крест Виктории. После войны закончил полицейский колледж и был направлен в Гвианию. Инспектор криминальной полиции, магистрат округа, позже – интендант Северной провинции. Накануне независимости был назначен комиссаром всей полиции. Десять лет возглавлял полицию независимой Гвиании, затем ушёл в отставку. Старик – ходячая история последних дней Империи. Сейчас таких уже нет, а если и есть, то коротают свой век где-то на задворках: Сейшелах, Карибах, Фолклендах, острове Святой Елены...

За бутылкой «Кэнадиан Клаба» вечер пролетел незаметно, а рано утром Саймона разбудил Роджерс. Увидев помятое лицо Эндина, его халат и остатки завтрака на сервировочном столике он ехидно спросил:

– Головка не побаливает, молодой человек?

– Нет. Я к этому привычный, – таким же тоном ему ответил Эндин. – Что-то Вы рано сегодня, полковник?

– Да. Раздобыл кое-какую информацию. Вам будет очень любопытно...

– Проходите. Завтракать будете? – Саймон пододвинул Роджерсу тарелку с сэндвичами.

– Не плохо бы. И закажите побольше кофе – всю ночь провёл на ногах.

– С кем-то встречались?

– Угу, – произнёс полковник с набитым ртом. Когда он, наконец, прожевал сэндвич, информация полилась рекой. Выяснилось, что Ру выложил всё что знал уже на первом допросе. Это касалось не только подготовки солдат в миссии, но и поставок оружия и источника финансирования.

– Он назвал моё имя?

– Да. Уолтер Харрис фигурирует в его показаниях, как главный представитель заказчика.

– А что Шевалье?

– Он сбежал на второй день после ареста. В его показаниях нет ни одного слова о Вас.

– Это – хорошо.

– Всё остальное – плохо! Шевалье должен был стать козлом отпущения, а Ру – человеком, попавшим под его влияние. Теперь всё наоборот. И главное, Шевалье знает, что Ру «запел». Этот идиот Белмар пытался так на него воздействовать. Теперь, правда, об этом мало кто знает...

– А что произошло?

– Наш милый Белмар уже на том свете, – хмыкнул Роджерс. – На ночной дороге его джип налетел на старую противотанковую мину. – Интересно, откуда она там взялась?

– А Вы не догадываетесь, Саймон? – загадочно посмотрел на него полковник.

– Естественно, нет! Надеюсь, что Вы, полковник, тут тоже не причём.

– Конечно. Всякое может случиться ночью на дороге в стране, где недавно у власти были военные.

– Это верно.

– Показания Ру ничего не значат, если не найдётся второй свидетель. Значит, вы с кем-нибудь из его людей ещё близко знакомы?

– Только с лейтенантом де Валье. Он был в Буйоне на встрече вместе с Ру, но деталей нашего соглашения он не знает. Я твёрдо уверен, что тесных отношений между ними тоже не было.

– Что он может знать о нашем проекте?

– На всех переговорах и в документах речь шла только о подготовке группы солдат для охраны лесоразработок.

– Но он же военный и готовит явно не охранников. Это он должен понимать. Как Вы думаете?

– Побеседуйте с ним сами, полковник. Вам ничего не грозит, ведь люди Спиффа уже прибыли в лагерь?

– Да, Саймон. Они уже там. Всё произошло просто безукоризненно, благодаря Вашему приказу в адрес Валье.

– Надеюсь он уничтожен?

– Естественно. Более того, Спифф лично заверил меня, что Прайс и его люди не будут допущены на территорию миссии для проведения следствия. Придётся ему довольствоваться рассказами Ру.

– А что будет с этим лягушатником дальше?

– Мы приставим толкового адвоката и будем добиваться его депортации Францию...

– Как и было запланировано.

– Точно. Однако, Вам пора идти, Саймон. Надеюсь, что Вы умеете говорить со следователем.

– Да, полковник, имею некоторый опыт, – осканился Эндин и демонстративно скинув халат направился в душ. Роджерс позавидовал его молодости и силе. Он тихо встал и вышел из номера, плотно прикрыв за собой дверь...

В главный полицейский комиссариат Эндин прибыл с опозданием в несколько минут. Сделал он это совершенно намеренно: надо было внушить следователю, что он – всего лишь легкомысленный европеец, прибывший в Гвианию в поисках острых ощущений и лёгкой наживы. Такой образ лучше всего соответствовал тактике его поведения на допросе: ничего не скрывать и мало говорить по существу. На пороге здания Эндин принял легкомысленно-небрежный вид и сунул первому попавшемуся констеблю повестку с приглашением. Каково же было его удивления, когда его сразу обступили два дюжих молодчика в униформе и повели по длинным коридорам куда-то вниз.

– Знакомый приём, – подумалось ему. – Хотят показать серьёзность моего положения. Сейчас будут мариновать в каком-нибудь предбаннике минут так тридцать-сорок, если не больше. Интересно, как они вели бы себя, если со мной был адвокат?

Долгая прогулка по коридорам закончилась у какой-то глухой двери, окрашенной в серо-стальной цвет.

– Камера? – запаниковал Эндин, остановившись в двух шагах от неё. Один из охранников за спиной странно хрюкнул, в то время как второй нажал дверной звонок. Через мгновение дверь отворилась, и Эндин увидел перед собой длинный белый коридор, залитый светом.

– Как это эффектно, – подумал он и остановился, привыкая к яркому свету. Его сзади подтолкнули к первой двери, ведущей направо. Она распахнулась: это был кабинет с широким окном, закрытым жалюзи. Через них пробивались яркие солнечные лучи. По середине стоял стол, за которым сидел человек в гражданской одежде. Это был Прайс. Эндин сразу узнал его по фотографии.

– Присаживайтесь, мистер Харрис, – произнёс он. – Как Вам экскурсия по нашим коридорам?

– Впечатляет, мистер... – Эндин решил играть заранее подготовленную роль.

– Меня зовут комиссар Прайс, – сухо произнёс полицейский. – А как Вас?

– Вот мой паспорт, комиссар, – протянул синие корочки с тиснённым золотым львом Эндин. – Убедитесь в этом сами. Вы же тоже, ... англичанин.

– С чего Вы взяли? Может быть я – канадец.

– По Вашему произношению, комиссар, – Эндин продолжал вести свою игру и стал бессовестно сочинять. – Я когда-то учился в Кембридже и специализировался на диалектах английского. У Вас очень специфическое произношение – «говорите в нос». Мне кажется, что Вы из Мэрсисайда не так ли?

– А я думал, что мало кто знает про скауз? – поддержал разговор комиссар. – Расскажите мне что-нибудь ещё. Это весьма поучительно для меня.

– Но я уже мало что помню из курса лекций, – стал выкручиваться Эндин. – Столько лет прошло!

– Сколько?

– Лет десять, – и не давая полицейскому задать новый вопрос он наморщил лоб и стал импровизировать. – Первое упоминание о скаузе относится к концу прошлого века. В это время почти все жители Ливерпуля ходили с насморком и здорово гнусавили. К этому времени в Мерсисайд прибыло много иммигрантов с острова Мэн, из Уэльса, Скандинавии, Германии, Шотландии и, преимущественно, из Ирландии. Они восприняли это как норму и учились говорить похожим образом. В итоге это закрепилось в качестве особенности акцента...

– Ну Вы меня просто рассмешили, молодой человек, – улыбнулся Прайс. – Я много в жизни повидал, но в первый раз слышу такое. Неужели этой ерундой занимаются в Кембридже.

– Да, комиссар, – Эндин стыдливо опустил глаза.

– Впрочем в одном Вы правы, мистер Харрис, я действительно родился в Ливерпули. Много-много лет назад, – он откинулся на спинку своего кресла и внимательно посмотрел на Саймона. – Однако, перейдём к делу. Вы знаете, почему Вас вызвали сюда?

– Даже не представляют, комиссар! Вы мне позволите закурить?

– Курите.

Эндин сделал вид, что у него трясутся руки. Он долго щёлкал зажигалкой, прикуривая сигарету, и ждал, что комиссар прервёт его занятия, но Прайс этого не сделал. Он откинувшись сидел в кресле и пристально смотрел на свою жертву. Наконец, действие с сигаретой окончилось.

– Вы знаете Шарля Ру? – спросил Прайс.

– Ру? А француза! Да, конечно я его подрядил с группой его коллег для подготовки рабочих для лесозаготовок! О это большое дело! Я и мои компаньоны получили концессию в верховьях Бамуанги. Там мы будем добывать красное дерево и экспортировать его в ... – Эндин сделал вид, что захлебнулся дымом сигареты, закашлялся, а потом округлил глаза. – О, это большие деньги!

– Интересно, как Вы будете вывозить древесину, – полицейский проявил знание вопроса. Но Эндина уже было трудно остановить:

– О! Это – просто! Мы будем обрабатывать её на месте: делать из неё тончайший шпон! Его будет вывозить вертолётами!

Комиссар недоверчиво хмыкнул. Эндин, как ему показалось, очень убедительно растерялся, смял в руках сигарету и с нажимом продолжил:

– Да, да! Вozить продукт мы будем вертолётами. Вы же слышали о же вертолётах «Бельведер». Нам уже удалось прикупить несколько этих машин у армии...

– Ничего такого не слышал, – мотнул головой полицейский. – Что же говорите Вы, мистер Харрис, довольно убедительно, но я всё же сомневаюсь в Ваших словах.

– Почему, – изобразил на своём лице искреннее недоумение Саймон.

– Скажите, Харрис, зачем компании по добыче древесины шестеро наёмников и толпа вооружённых туземцев?

– Вооружённых? Разве полуржавые маузеры можно назвать оружием? – притворно возмутился Эндин, прервав Прайса. Он тут перешёл в контрастступление. – Вы знаете сколько стоит оборудование, вертолёт? Их надо беречь! А вдруг какой-нибудь мятеж? Вы же знаете, вдоль южной границы не спокойно. Вдруг какая-то вооружённая банда её перейдёт? Пять полицейских да дюжина пограничников её не задержат, а вот полсотни моих охранников под командой специалистов их остановят!

– Ну, допустим, я Вам поверю, как поверил бригадир Спифф. – Тут Эндин удивлённо поднял брови, изображая непонимание, но Прайс, не желая вдаваться в объяснения, продолжил: – Но зачем Вам триста людей, обученных держать оружие?

– Вы разве первый день в Африке, комиссар, – голос Саймона вдруг приобрёл менторский тон. – Вы же знаете, что тут очень высокая текучка кадров! Болезни, побеги, пьянство. Дай Бог, чтобы к концу первого года у нас останется половина из этих людей...

Прайс недоверчиво тряхнул головой и прервал поток слов допрашиваемого:

– Итак, перейдём к делу! Что Вы можете рассказать о Шарле Ру?

Лицо Эндина приняло озабоченное выражение:

– О Ру? Только то, что было в досье. Я вообще его мало знаю. Встречался с ним два или три раза во Франции, а затем несколько раз в Уарри.

– Вы затеваете серьёзный бизнес и ничего не знаете о своих подчинённых. Вам не кажется это странным, мистер Харрис?

– Нет, не кажется, комиссар, – огрызнулся Эндин.

Прайс со скучающим видом стал листать страницы какого-то дела. Казалось, что он совсем забыл про допрос. Вдруг, он поднял свои выпуклые глаза и посмотрел на допрашиваемого в упор:

– Нам всё это известно!

– Зачем Вы меня об этом тогда спрашиваете?

– Тут допрос веду я! – впервые с начала беседы повысил голос Прайс. – Расскажите мне о Жорже Шевалье!

– А кто это такой? Я не помню, чтобы в списке нанятых инструкторов был человек по имени Джордж.

– Речь идёт о Жане Ювелене.

– А видел такого в учебном лагере. Высокий зеленоглазый блондин с лицом убийцы. Он?

– Он, – подтвердил Прайс и выложил на стол фотографии. Эндин сразу выбрал нужную из них.

– Мне он сразу не понравился, – доверительно произнёс он. – Так это из-за него! А что он натворил? Убил, наверное?

– По нашим данным, он заложил взрывчатку в корабль, стоявший в порту Уарри. Погибли люди. Шарль Ру утверждает, что это было сделано по Вашему приказу, мистер Харрис! – Прайс приподнялся из-за стола.

– Какой бред!

– В утро после взрыва Вы покинули Уарри и прибыли в Луис!

– Ну и что? Меня пригласили на переговоры Ваши военные. Они хотели согласовать работу нашей охраны со своими планами по охране границы. Мы с ними встречались четвёртого сентября в здании министерства обороны. Вы всё можете проверить! Я летел на специальном военном самолёте! Неужели Вы думаете, что я как-то связан со взрывом!? Зачем мне это? Это просто совпадение, господин комиссар! – в голос Эндина вплелись истерические нотки.

– Подумайте хорошенько, мистер Харрис, – настаивал полицейский.

– Может вы кого-нибудь ещё знаете из этих людей?

– Вот этого видел в отеле, – Эндин ткнул пальцем в фотографию Беньярда. – Мне сказали, что это какой-то чиновник из соседней страны.

– Почему Вы обратили на него внимание?

– У него был «зелёный мэверик». Это большая редкость для этой части Африки. Вероятно, заработал на взятках, – Саймон изобразил на лице глупую улыбку. Он просматривал фотографии, лежавшие на столе Прайса, и увидел фотографию Эверара.

– А вот этот капитан сопровождал меня в Луис. Он говорил, что адъютант у большой шишки.

– Так и есть, улыбнулся Прайс. – Скажите, зачем Вам надо было взрывать «Гвенко»? Что там было?

– Я? «Гвенко»? Взрыв? Зачем? – стал истерить Эндин. Получилось почти правдоподобно.

– Вот и я пока не понимаю зачем, – нахмурился Прайс. – Дайте мне слово джентльмена, что не покинете Луис в ближайшие три дня и я отпущу Вас отсюда.

– Три дня? – удивился Эндин. – Зачем?

– Я проверю Ваши показания. Если всё будет так, как Вы говорите, я сниму с Вас все подозрения.

– Конечно снимете. Это невероятное недоразумение. Вот я задам трёпку этому французику!

– Не зададите, – улыбнулся Прайс. – Он под арестом, а по окончании расследования пойдёт под суд...

– Да? – изобразил удивление Эндин.

– Представьте себе, мистер Харрис. Могу я попросить у Вас финансовую отчётность по концессии и копии контракта с «инструкторами»?

– Видите ли, – картинно почесал голову Эндин. – Вся документация находится в Лондоне. Мне надо будет запросить своих компаньонов...

– У меня там хорошие связи. Я могу ускорить процесс их «убеждения». Дайте-ка их координаты.

– Пожалуйста, – Эндин протянул полицейскому адрес «Бормака» и раздражённо подумал: – Хрена лысого тебе дадут, полицейская ищейка!

Тем временем, Прайс внимательно изучил представленную ему записку и вложил её в дело:

– Этот малый очень складно врёт, если, конечно, врёт! Надо его отпускать под подписку, поскольку предъявить ему кроме голословных показаний Ру нечего. Жаль, что упустили Шевалье. Он прикрыл глаза и откинулся в кресле. Эндину показалось, что его визави задремал. Он немного поёрзал на своём стуле и негромко кашлянул. Тут Прайс открыл свои бесцветные глаза, посмотрел на Саймона и в упор спросил:

– У меня к Вам последний вопрос, мистер Харрис! Когда Вы последний раз видели Мутото?

– Мутото? Не знаю никакого Мутото, – последовал быстрый ответ. – Я знаю форона Дого, Амбопу из Бверамы, Блейка из посольства...

– Вы знаете мистера Блейка? – переспросил Прайс.

– Да, – невинным голосом произнёс Эндин. – Он предлагал мне свою протекцию в этой стране, но я отказался. Сказал, что у меня и моих коллег хорошие связи в местном правительстве...

– Спасибо, мистер Харрис. Вы свободны. Я тщательно проверю предоставленную Вами информацию и, если она подтвердится, сниму с Вас все подозрения.

– Спасибо, сэр, – Эндин изобразил на лице почтительность и протянул комиссару руку. – Я очень на это надеюсь...

Полицейский нехотя пожал на неё и нажал кнопку звонка. Напоследок он произнёс:

– Смотрите, Харрис, не исчезните до срока. Ваше предприятие лопнет, а я объявлю Вас в розыск по всему Содружеству. У меня для этого достаточно полномочий!

– Я всё понимаю, мистер Прайс, – подобострастно улыбнулся Эндин и подумал. – Если мне надо будет хрен ты меня найдешь, старый хрыч!

– До встречи, мистер Харрис!

– Прощайте, господин комиссар!

В этот раз Эндина выводили из комиссариата каким-то более коротким путём. Уже через две минуты он оказался на жаркой луисской улице. Городская пыль, звук автомобилей и полуденная жара в одно мгновение обрушились на него. Они являли явный контраст с кондиционированным воздухом и звукоизоляцией полицейского участка.

– Уф, -произнёс Эндин. Он вытер платком моментально вспотевшее лицо и, не опасаясь слежки, пошёл искать свой автомобиль, оставленный на ближайшей парковке. Если всё пойдёт по плану, то ближайшие три дня он проведёт в «Американе», наслаждаясь бассейном и коктейлями, а Прайс выйдет на Блейка или наоборот. Через три часа комиссару доложили, что объект наблюдения спокойно сидит в отеле и собирается посетить ресторан.

– Мистер Харрис никуда не звонил?

– Один раз. В британское посольство.

– Чего хотел?

– Уточнить юридический статус британских подданных на территории Гвиании.

– И что ему ответили?

– Весьма обтекаемо. Правда, через час ему перезвонили и назначили приём на послезавтра.

– Продолжайте следить за Харрисом, – буркнул комиссар Прайс в трубку. Положив её на рычажок, он стал размышлять вслух: – Видимо, этот тип здесь не причём. Может всё это подстроил Блейк? Но зачем? Не понимаю...

Через час комиссар связался по селектору внутренней связи с одним из своих старых помощников и распорядился собрать все материалы на мистера Амбопу из Бверамы и форона Дого. Может допрос этих типов.

Гарри Блейк, кто Вы?

В своём новом статусе Генри Бенъярд приобрёл не только кабинет с секретаршей, но и средство передвижения. Правда, из-за отсутствия пригодных легковых машин ему пришлось довольствоваться бельгийским трициклом, забранным у госпиталя. Этого было вполне достаточно, чтобы совершать поездки по городу и Стране Кайя, хотя особой необходимости не было. Конституционная Комиссия практически не собиралась и Генри посвятил всё своё время в восстановлении контактов с Блейком и контактам с Норбиатто, который всё ещё оставался в Уарри, представляя интересы владельца судна – правительства Зангаро. Итальянец довольно плохо разбирался в юриспруденции и все его усилия получить компенсацию или страховку тормозились следствием. Как-то раз Бенъярд целый вечер совещался с Синком и Лорримаром, но ничего не получил кроме общих рекомендаций вроде требований признания потерпевшим или проведения экспертизы. Единственное, что сделал лично Синк, так это послал ноту в министерство иностранных дел с просьбой ускорить расследование. Встреча с полномочным представителем Гвиании в Кларенсе не дала. Он отделался общими словами, что следствие ведётся и, вероятно, скоро будет закончено, Предложение включить в следственную группу кого-нибудь из полиции Зангаро вызвало у него лёгкую усмешку.

– Вы, вероятно, высокого мнения о своей полиции, министр? Однако, моё правительство не намерено делать этого по ряду причин!

– Но существует соответствующее положение международного права?

– Да, существует, но в данном случае она не применима, поскольку груз являлся военной контрабандой.

– У вашей полиции имеются какие-то доказательства?

– К Вашему сведению, господин министр, следствие поручено международной группе, которую возглавляет британский эксперт – комиссар Прайс. Его специально привлекли к следствию, чтобы оно имело абсолютно объективный характер, – надменно произнёс дипломат. – У него лично к Вам тоже имеются вопросы.

– Какие?

– Не имею право озвучить, – продолжил гвианец. – Мы их зададим, когда Ваш статус в этой стране поменяется.

– Сообщите Вашему следователю, что я могу ответить на них в письменном виде даже в своём нынешнем статусе, – сказал Генри, гордо вскинув голову.

– Хорошо, – с примирительной улыбкой произнёс дипломат. – Я сообщу о Вашем стремлении сотрудничать своему правительству. Это благотворно отразится на наших отношениях.

– Буду ждать Вашего ответа и список вопросов. Надеюсь, что сильно ускорят скорость расследования.

– Вероятно, господин министр, – вежливо ответил дипломат.

После этой встречи Генри предпринял ряд новых шагов: связался с подполковником Гомаду через Мишеля Соважа и отправил телекс некоему Крейгу Смелли в Лагос. Ещё два дня прошли в томительном ожидании. Утром третьего дня в Кларенс прилетела «Сессна-206», зарегистрированный в аэроклубе Лагоса. Он был арендован фирмой «Соваж». На её борту оказалось пятеро человек, включая пилота. Двое из которых были белыми, а одна – мулаткой. Они остановились в «Эксельсиоре», заняв четыре номера. Лучший из них заняла мадам Аньела Соваж, президент фирмы. В тот же день она направила официальное письмо в департамент Дусона, который немедленно связался с Бенъярдом.

– Что Вы там наобещали, Генри?

– Кому?

– Фирме «Соваж». Тут приехала целая делегация и хочет со мной встретиться.

– С чего Вы взяли, Дусон?
– Их письма. Они сослались на встречу с Вами в Луисе.
– Ничего особенного я им не обещал. А что они хотят?
– Открыть торговое представительство в Кларенсе, взять в концессию сахарный завод и открыть производство безалкогольных напитков...
– А кто в составе делегации?
– Одну минуту, – в трубке раздался шорох перекладываемой бумаги. – Ага, вот, нашёл их фамилии. Соваж, Гомаду, Блейк, Браун...
– Да, я встречался с некоторыми из них в Гвиании. Если Вы не против я охотно присоединюсь к Вам на встрече. Думаю, что Ваши переговоры будут весьма продуктивны.
– Надо ли об этом известить президента?
– Я его извещу об этом сам. Вероятно, он захочет принять гостей в своём Дворце.
– Отлично. Играйте в свои политические игры, меня больше волнует экономика. Скоро приедет профессор Кох и я хочу предоставить ему полный отчёт о её состоянии...
– Вы думаете, что его советы станут панацеей для Зангаро, профессор?
– Да, майор, я так думаю, – обиделся Дусон, но тут же взял себя в руки и спросил. – На какое время их пригласить в министерство. Давайте познакомимся с ними завтра с утра, часиков этак в десять...

– Хорошо. Я пошлю им приглашение. Вы будете один?
– Только на первой встрече. Потом видно будет...
Опустив телефонную трубку, Бенъярд откинулся на спинку кресла и задумался. – Почему Блейк так зашифровался? Ведь ещё недавно он вёл себя так, будто хозяин всей Гвиании. Вероятно, на это есть причины. Однако, обождём прежде, чем звонить президенту с непроверенной информацией. Надо во всём сперва разобраться...

Размышления министра прервал новый звонок. Это был Адриан Гуль. Он был по-британски учтив и высокомерен:

– Министр Бенъярд!
– Да, мистер Гуль! – На той стороне трубки раздалось молчание. К своему глубокому сожалению, Генри не знал, как следует обращаться к поверенному в делах.
– Министр Пренк сообщил мне, что Вы, майор, занимаетесь очисткой посольского комплекса, в котором раньше сидели красные китайцы, – процедил дипломат.
– Да, сэр! Помещения полностью освобождены и готовы принять Ваш персонал.
– Я это уже знаю, – недовольно ворчал Гуль. – Я хочу вместе с вами провести их осмотр.
– Когда, сэр?
– Сегодня, после ланча. Вы сможете заехать ко мне в представительство?
Бенъярда разобрала злость: этот англосакс считает, что он здесь хозяин!
– Извините, сэр. У меня много дел, – изысканно вежливо произнёс Бенъярд, – я Вас буду ждать у входа в бывшее китайское посольство около двух часов пополудни. Если, конечно, это время Вас устраивает, – издевательски добавил он. В этот момент Генри показалось, как он слышит скрип зубов англичанина. После некоторой паузы, Гуль ответил:

– Хорошо, господин министр, я буду там ровно в два часа. Меня будут сопровождать двое коллег. Они обследуют здание относительно его безопасности. До свидания!
– До свидания, сэр!

В два часа министр в сопровождении вестового прибыл к зданию посольства, который охранялся двумя полицейскими. Они уже были предупреждены о его приезде. Сюда же прибыл Ракка, начальник следственного управления полиции.

– Как только мне сообщили, что англичане хотят осмотреть посольство, я сразу примчался, – бодро сообщил маленький коричневый человек. Его улыбка уже не раз выводила Бенъярда из себя.

– Что Вы тут делаете, Ракка? – зло спросил он.

– Инспектирую объект по линии министерства внутренних дел, – также жизнерадостно ответил полицейский. – Со мной ещё прибыл младший инспектор Борда. Мы хотим научиться отыскивать жучки, господин министр!

– Хорошо. Оставайтесь, только не вздумайте влезать в мой разговор с послом и его сопровождающими. Если возникнут вопросы, то задавайте их мне! Ясно,

– Ясно, господин министр! – лукаво сверкнул глазами полицейский.

– Интересно, в какую игру играет Хорос, – подумал Бенъярд и сразу же отвлёкся: к парадному входу посольства подъехал автомобиль с британским флажком на капоте. Из машины вышли трое: Гуль, Блейк и высокий белый лет двадцати пяти.

– Браун, – догадался Бенъярд. Британский дипломат на нём был светлый полотняный костюм, лёгкие теннисные туфли и мягкая белая шляпа. Он вальяжной походкой пошёл к входу в здание, помахав рукой Бенъярду. Вслед за ним последовал Блейк. Одет он был в выгоревший охотничий костюм и сапоги для буша. На голове его громоздился большой пробковый шлем, из-под которого так и зыркали его крысиные глазки. Семена за дипломатом, он напоминал диковинный гриб. Молодой человек, высокий, сухой, резкий, шагал последним. Он был в выпцветшей на солнце когда-то зеленой куртке с оттопырившимися погончиками и плотных брюках, заправленных в низкие сапоги. Раскалённый асфальт площади, казалось, дрожал от его твердого шага.

– Здравствуйте, господин Гуль, – приветствовал дипломата Бенъярд, протягивая руку. – К осмотру здания всё готово.

– Здравствуйте, министр, – дипломат вяло пожал ладонь Генри. – Кто это с Вами?

– Представители министерства внутренних дел, интендант Ракка и инспектор Борда. Они будут помогать Вашим людям в осмотре.

– Боюсь, что в этом не будет нужды, – буркнул Гуль. – Позвольте представить Вам моих сопровождающих: мистер Гарри Блейк и капитан Майкл Браун.

Оба лица, сопровождающих дипломата, по очереди подошли к Бенъярду и пожали ему руку, проигнорировав полицейских. Гарри при этом многозначительно подмигнул. Вышагивая по гулким коридорам пустого посольства осматривавшие их люди то случайным образом разбивались на отдельные группы, то также неожиданно соединялись. Блейк и Браун показали себя истинными мастерами дела: они обнаружили несколько отключённых микрофонов, вмонтированных в стены, три или четыре тайника, потайной проход с лестницей...

В какой-то момент Блейк оказался наедине с Бенъярдом.

– Странное дело, – громко сказал тот, как разные нации маскируют свои ловушки.

– Разве?

– Да, господин министр, – громко произнёс Генри, поворачиваясь на пятках вдоль своей оси. – Европейцы, в основном, прячут свои секреты в стальных сейфах или каминах, русские – в подоконниках и полу...

– Никогда не знал этого? – Бенъярд тоже решил обернуться назад. Вдруг Блейк дёрнул его за рукав и тихо произнёс: – Почему Вы Генри не приехали в посольство? Всё было гораздо бы проще: мне не пришлось бы тащиться по этой дурацкой жаре...

– Но я не знал...

– Могли бы догадаться. Значит сделаем так. После осмотра я попрошу точный план помещений...

– Но он уже есть в посольстве!

– Вы не поняли. Я попрошу не инвентаризационное дело, а архитектурный план. Вы пошлёте полицейских за ним, а сами поедете с нами в диппредставительство для уточнения некоторых вопросов...

– Но поиски могут затянуться!

– Вот и хорошо: у нас есть, о чём поговорить!

– А дипломат?

– Он нам мешать не будет. Его пригласили на обед мои коллеги из фирмы «Соваж», – Блейк перестал шептать и заговорил громким голосом: – Вот посмотрите, как это делают китайцы: вроде простая лепнина, а за ней – полость для хранения или размещения чего-то. Изящно, не правда ли?

– Да, – кивнул головой Бенъярд. – Впервые такое вижу...

Тут раздался громкий голос дипломата:

– Ах вот Вы где, мистер Блейк! Скажите, сколько ещё надо времени, чтобы закончить осмотр?

– Мы, в общем, всё осмотрели, господин поверенный, – вкрадчиво ответил гуль, – но требуется ещё время...

– Я не могу больше ждать, – Гуль посмотрел на часы. – У меня через час важная встреча, а ещё должен переодеться.

– Мы можем остаться и продолжить без Вас, сэр, – раздался резкий голос Брауна. Блейк раздражённо на него обернулся и произнёс:

– Лучше мы поступит так. Привезите нам архитектурный проект в диппредставительство. Мы его скопируем и проанализируем на досуге. Это будет гораздо продуктивнее, чем простукивать каждый простенок и нырять в каждый камин...

– Действуйте, господин интендант, – приказал Бенъярд Ракке. – Привезите это план на виллу Борлика. Я Вас буду ждать там...

– Слушаюсь, господин министр, – миниатюрный полицейский отдал честь. Потом открыл рот, чтобы что-то спросить, но передумал и четким шагом вышел из комнаты. Три британца в сопровождении министра вышли из здания, сели в автомобиль и поехали в диппредставительство.

В двухэтажной вилле было много помещений, где можно было укрыться от посторонних глаз. Блейк выбрал наилучшее: небольшую крытую террасу с видом на океан. Она располагалась на втором этаже в самом дальнем крыле здания.

– Здесь нас никто не потревожит, Генри, – сказал Блейк, удобно устраиваясь в кресле. Он уже давно снял свой шлем и теперь больше напоминал карлика-переростка. – Полагаю, что у тебя ко мне есть ряд вопросов.

– Да! В первую очередь, кто устроил взрыв?

– На это я не могу пока ответить. К большому моему сожалению, я не получаю никакой информации о расследовании. Мой человек, возглавлявший его, трагически погиб. Его заметил мой явный недоброжелатель...

– Комиссар Прайс?

– О, ты об этом знаешь? – удивлённо кивнул Блейк. – Мои поздравления. Мне удалось узнать, что в подрыве «Гвенко» замешаны некие Шарль Ру и Уолтер Харрис. Вы никогда не слышали о таких?

– Только о втором. Я его видел в отеле перед взрывом. Потом я занимался грузом...

– Понятно, – потянул Блейк. – Этот самый Ру утверждает, что он нанял группу некого Шевалье для обучения охраны каких-то лесоразработок в верховьях Бамуанги. Эти данные частично подтвердились.

– Почему частично?

– Этот учебный центр взяла под контроль армия, но в качестве инспектора от службы безопасности туда внедрён наш человек. Он прислал портреты наёмников. Посмотрите, может узнаете кого-нибудь? – Блейк выложил несколько фотографий и рисунков. Бенъярд внимательно рассмотрел их и указал на два изображения:

– Вот этого я видел в порту, а вот этого – на встрече с Мутото. Он до этого приезжал в Кларенс и исчез сразу после убийства Морисона. Наша полиция считает, что он – убийца, но прямых улик против него нет. Интересно, что он выдавал себя за товарища полковника Шеннона.

Блейк взял в руки рисунок

– Это – Жорж Шевалье, он же – Жак Ювелен, он же – полковник Френчи. За этим типом целый букет преступлений убийства, наёмничество, терроризм...

– Он арестован?

– Был, но сбежал при невыясненных обстоятельствах. Тогда же погиб наш человек.

– Когда это произошло?

– Неделью назад, когда следователь выехал на место гибели Мутото.

– Он был убит.

– Тоже не ясно. Труп объели хищники, но его «лендровер» нашли неподалеку.

– Там было наше оружие?

– Нет. Только ящики с сырым каучуком.

– Куда же оно делось?

– Видимо, ушло к другому покупателю.

– Но нам оно просто необходимо!

– Знаю, поэтому я сюда и приехал. У Вас деньги в Уарри остались?

– Кончено. Они лежат в сейфе «Бэрклэйз Банка».

– Вот и отлично. Не забирайте их пока, они Вам очень скоро понадобятся. А теперь позвольте познакомить Вас с капитаном Брауном, но сначала я о нём кое-что расскажу.

Бенъярд посмотрел на часы: они показывали только половину четвёртого: времени было более чем достаточно:

– Валяйте, Гарри...

Блейк слез со своего кресла, подошёл к закрытому комоду, и достал из него графин виски и три бокала. Он налил янтарную жидкость в два из них. Один из них он взял в руки, а второй подтолкнул к Генри. Министр кивком головы поблагодарил его.

– Вы курите? – неожиданно спросил Блейк. – Я – нет.

– Да, Гарри, курю.

– Курите, вот пепельница.

– Спасибо, – Бенъярд достал сигарету и с удовольствием затянулся. Блейк начал свой рассказ издалека.

– Вы, наверное, слышали о Фредерике Брауне?

– По-моему, он был крупным плантатором в Богане?

– И не только. Здесь у него тоже было несколько плантаций какао.

– Если Вы за этим, то лучше обратитесь к Лорримару. Это он занимается денационализацией...

– Само собой, он обратится, – заверил Бенъярда Блейк. – Впрочем, это – его дело. Богана стала второй родиной Брауна, где он стал заниматься каучуком и сильно разбогател. После получения независимости новая власть начали проводить африканизацию и национализировали частные владения.

– Он много там потерял лично Браун?

– Миллионные доходы. Однако, задолго до этого он успел заранее вложить капиталы в кое-какие надежные предприятия в Кабинде и Огове. Затем он вместе со всей своей семьей перебрался в португальские колонии. Кстати, у Майка кроме живых родителей есть две сестры. Одна замужем за бельгийцем сейчас живёт в Элизабетвиле, а вторая – где-то в Европе...

– Почему же не в Луанде?

– А как Вы думаете, Генри?

Бенъярд пожал плечами:

– Война, партизаны...

– Вот, вот. В Заире сейчас спокойнее всего.

– Генерал Мобуту установил порядок.

– Несмотря на своё английское происхождение, Фредерик Браун остаётся известным, уважаемым бизнесменом в Западной и Центральной Африке. После того, как он обосновался на новом месте и смог выбить у правительства Боганы компенсацию за отобранный у него каучук. Сын весь в него

– Не понимаю к чему Вы клоните, Гарри?

– К тому, что семья Браунов сохранила свои богатства и действует не столько из финансовых интересов, сколько из иных побуждений...

– Ну и что? Не понимаю...

– Майк Браун – профессиональный солдат. С пяти лет отец брал его с собой на сафари. Он приучил сына к опасностям местного буша, к обманчивой тишине зеленых рек, к миру мангровых болот.

– Вы прямо поэт, Гарри...

– Есть такое. Майку было четырнадцать лет, когда он покинул Габерон, в девятнадцать он участвовал в операции «Сарыч» – нападении португальцев на Богану.

– Да, я помню об этом. Это было лет шесть или семь назад...

– Пять, – мягко поправил собеседника Блейк. – Затем Майк служил во «флечас» и отличился в нескольких операциях.

– Кто такие эти флечи?

– Элитные подразделения – а ля коммандос. Блейк одно время воевал вместе с Фрэнком Рохо...

– Слышал о таком! Это был знаменитый охотник. Только кончил плохо...

– Майк присутствовал при его последних минутах, – с гордостью произнёс Блейк. – Ещё он принял участие в казни Кендэла, руководителя АФФ. Слышали про неё, Генри?

– Нет.

– АФФ – интерафриканская террористическая организация просоветского толка. Борется с колониальными и расистскими режимами в Чёрной Африке. Главные базы – в Богане, Гвинее и Конго. Руководитель – командант Сейнега. Одна из её баз расположена под Габероном.

– Они опасны для нас?

– Полагаю, что да! – качнул головой Блейк, – Так вот, четыре года назад Майк смог вывернуться и оказался в Богане. Здесь он попытался внедриться в местную элиту, женившись на Елене Мангакис, дочери главного советника тамошнего правительства, но быстро в ней разочаровался. К этому времени ПИДЕ окончательно потеряла к нему интерес.

– Почему?

– У португальских спецслужб сейчас другие проблемы. Что им теперь Богана? Да и денег у наследников Салазара на это просто нет. Зато они есть у папаши Брауна и его приятелей...

– Понятно, – Бенъярд задумался и закурил вторую сигарету.

– Парню не давали продвижения по службе, заставляя обучать террористов из АФФ. Полунищенское существование при миллионах отца, молодая амбициозная жена с американским паспортом. Вечные подозрения со стороны охраны...

– А что он хотел? Сын врага народа! Это естественное отношение всех тоталитарных режимов. Так Вы его перевербовали или он сам пришёл?

– Да! Его отец, несмотря на своё происхождение, никогда не вспоминает о доброй старой Англии, а зря. Зато она никогда не забывает о своих блудных детях, – пафосно заявил Блейк, уклонившись от ответа. – Короче, мои агенты вступили с ним в контакт и предложили сотрудничать.

– Насколько я понимаю, успешно?

– Более чем. Многое в таких вопросах решает жена. Некоторое время МИ-6 получала через него очень точные сведения об экономическом положении Боганы и лагерях прокоммунистических партизан из так называемой АФФ. Благодаря его информации мои коллеги разгромили несколько колонн теров!

Слушая Блейка, Бенъярд задумчиво вертел в руках потухшую сигарету, а тот продолжал:

– В начале года боганская охранка очень близко подобралась к Брауну, и мы поспособствовали его переводу в состав ВВС. В августе этого года его самолёт разбился в горах, а он официально погиб. Его останки погребены с воинскими почестями в Габероне.

– Почему же Вы не сменили ему имя, Блейк?

– А зачем?

– Браунов много, никто ими особенно не интересуется. Подумаешь, исчез человек с боганским паспортом. У него осталось ещё три – габонский, британский и португальский. Причём все настоящие...

– Забавно. Первый раз слышу: исчезновение агента не потребовала прикрытия!

– Поэтому он здесь. Ему просто где-то надо переждать некоторое время.

– И чем он сможет быть полезен Зангаро?

– Ну, во-первых, как пилот. Вы же не имеете собственных, не так ли?

– Хорошо, но пока у нас почти нет собственной авиации.

– Не приbedняйтесь, Генри, – хмыкнул Блейк. – Во-вторых, как военный инструктор. Ведь он прошёл полный курс португальских коммандос...

– Ну, положим, у нас такой специалист есть...

– Бразильский сержант? Не смешите меня! В-третьих, – Блейк сделал важное лицо. – Он знает тактику афафов. И это Вам может очень скоро пригодиться.

– Это почему же?

– У меня есть сведения, что через пару недель они могут оказаться на территории Зангаро...

– Так! – Бенъярд зажёл новую сигарету. – Что Вы предлагаете, Гарри?

– Возьмите его себе в помощники, – наставительно произнёс Блейк. – Клянусь Богом, не пожалеете...

– Ещё как пожалею, но потом, – подумал Бенъярд и, тряхнув головой, сказал: – Хорошо. А теперь давайте перейдём к поставкам оружия.

– Давайте, Генри, но сначала позовём Вашего нового сотрудника.

Не дожидаясь согласия Бенъярда, Блейк импульсивно вскочил с места и вышел с террасы. Через мгновение изнутри раздался его тонкий писклявый голос:

– Майк, Майк, куда вы подевались?

Через несколько минут Блейк вернулся в сопровождении молодого человека с военной выправкой.

– Позвольте порекомендовать Вам, господин министр, капитана Брауна, – пропищал он. Бенъярд встал и пожал руку вошедшему. Это был загорелый, уверенный в себе европеец с открытым, располагающим к себе лицом. Ему было только не ясно, в какой армии он служит. Тем временем, Блейк уже уселся в своём кресле и продолжил: – Садитесь, Майк! Курите, может виски?

Молодой офицер ловко уселся на кресле напротив Бенъярда и стал его рассматривать своими серыми глазами. Предложение Блейка он просто проигнорировал.

– Я уже рассказал господину министру Вашу биографию! Он её выслушал и предложил Вам занять место консультанта в его аппарате.

Капитан согласно кивнул головой и слегка улыбнулся. Его жёлтое от тропического загара и хинина лицо было по-прежнему бесстрастным. Тем временем, Блейк продолжил:

– Сейчас господина министра беспокоит вопрос укрепления боеспособности жандармерии. В частности, её надо усилить специалистами и оружием.

– Есть несколько быстрых путей для решения вопроса, – ровным, почти механическим голосом произнёс капитан Браун. – Наиболее простой – это одолжить бойцов у соседей...

– Вы, наверное, не в курсе, капитан, – прервал Бенъярд, – У нас пока сложные отношения Гвианией из-за взрыва «Гвенко».

– Я знаю об этом, господин министр. Под соседями я имел ввиду более дальних. У них будет гораздо меньше шансов повлиять на политику правительства Зангаро. Второй вариант, найти ветеранов недавних войн и снабдить их оружием.

– У нас нет ни денег, ни оружия, господа, – произнёс Бенъярд. – Вы что издеваетесь надо мной?

Браун сделал вид, что не слышал последних слов и монотонно продолжил:

– При желании деньги можно добыть, оружие – купить, а людей – нанять. Было бы желание и гарантии их оплаты.

– Так что Вы предлагаете, капитан? – не выдержал Бенъярд.

– Для начала закончить операцию так неудачно прерванную взрывом «Гвенко». Я готов завершить её в кратчайшие сроки. Для этого я завтра утром улечу вместе с мистером Блейком.

Британец изобразил улыбку скорее похожую на оскал:

– Недостающие боеприпасы к «эрликонам» в Кларенс доставят грузовики «Соважа». Что же касается оружия, то мистер капитан предлагает несколько иное решение.

– Какое?

– Его доставят люди, которых я привлеку на службу Зангаро.

– Опять какие-нибудь наёмники?

– Не совсем, – наставительно сказал Блейк. – Капитан предлагает привлечь к операции ветеранов «Огненной колонны» Франсиско Рохо. Они уже четыре года сидят без дела, многие уволились.

– Я смогу некоторых из них привлечь на службу Республике, – уверенно произнёс капитан.

– Сколько?

– Двадцать восемь бойцов. Каждый из них имеет за плечами опыт трёх-четырёх кампаний в буше и ещё один пилот кроме меня.

– Во сколько нам обойдётся их найм?

– Тут дело тонкое, специфическое, господин министр, – опасливо произнёс Браун, искоса посмотрев на Блейка. Тот одобритительно кивнул головой. – «Десперадос» Рохо опасаются за судьбы своих семей. Они понимают, что рано или поздно португалцы уйдут из Африки и ищут место, куда можно переселиться вместе со всеми своими родственниками.

– А Португалия, Азорские острова, например, не годятся?

– Там они окажутся людьми второго сорта. А в Зангаро проведён закон об адаптации беженцев. Они могли бы присоединиться к ибо. Вы получите не только верных солдат, но и пару сотен рабочих рук...

– То есть вы предлагаете привлечь «десперадос» в качестве военных поселенцев.

– Да, сэр. Им надо будет выделить только место для компактного проживания и немного земли. Желательно там, где нет плотного населения.

– Вы понимаете. Что я должен обсудить Ваше предложение с президентом?

– Конечно, – сказал Блейк. – Только, мне кажется, Генри, что у Вас сейчас нет выхода. Вы всё-таки получите почти тридцать хорошо обученных солдат.

– Что это будет стоить в финансовом отношении.

– За них надо будет отдать те франки в «Бэрклэйз Банке», которые предназначались Мутото. Все эти вопросы быстро решит на месте твой новый советник, а я ему помогу.

Хорошо, – после некоторого раздумья кивнул Бенъярд. – Я сегодня же переговорю с президентом. Многого не обещаю...

Блейк достал из кармана и положил на стол какую-то гвианскую газету – неряшливый листок с текстом на французском и английском языках. Её редактор, судя по многочисленным ошибкам, толком не знал ни того, ни другого. На первой полосе было отчеркнуто одно из объявлений. Некий мистер Смит приглашал на хорошо оплачиваемую работу мужчин в возрасте до пятидесяти лет, любящих приключения, не боящихся опасностей и (желательно) имеющих опыт военной службы. Бенъярд посмотрел на адрес: контора располагалась на одной из тихих улочек Луиса.

– Что это? – спросил Бенъярд.

– Объявление, которое разместил полковник Роджерс. Вы его знаете?

– Первый раз о нём слышу.

– Мои люди сообщили, что он набирает людей для работы на лесоразработках в Зангаро...

Генри растерянно теребил в руках газету, капитан Браун отстранённо сидел, смотря прямо перед собой, Блейк ёрзал на кресле, то и дела хватаясь за бокал с виски. Полицейские всё ещё задерживались.

– Мне ничего не известно о каких-либо концессиях. Тоже самое я могу сказать за своих коллег, – произнёс Бенъярд, прервав затянувшееся молчание.

– Может это какая-нибудь операция полковника Шеннона?

– Очень сомневаясь, – покачал головой Бенъярд. – Хотя, всё возможно.

– Я очень надеюсь, что Ваш президент не ведёт двойную игру, Генри, – строго произнёс Блейк.

Внизу раздался звук мотора: приехали полицейские.

– Господа, я обязательно сообщу Вам о появлении полковника Роджерса или его представителей, если они здесь появятся, – поднялся со своего Бенъярд, который хотел побыстрее прекратить неприятный разговор. – Мне надо идти. Думаю, что сможем продолжить наш разговор при следующей встрече.

– Не сомневаюсь, – произнёс Блейк, вставая и направился к выходу. Браун молча последовал его примеру.

Генри спускался в раздумье по лестнице и вошёл в нижних холл, где его уже ждали Рака и Борда.

– Господа, – приветствовал он их. – Мне срочно нужно увидеть президента. Я хочу воспользоваться Вашей машиной. Капитан Браун поедет со мной.

– Конечно, сэр. Только не забудьте прислать её назад, – ехидно сказал интендант.

– Он что-то скрывает, – подумал Бенъярд, усаживаясь в машину рядом со своим новым помощником, лицо которого сохраняло непроницаемое выражение.

Непростые решения

Президент был, как обычно, очень занят, но принял Бенъярда в своём кабинете без всяких проволок.

– Заходи, Генри, с чем пожаловал, – кивнул он головой, указывая на стул. Правая рука Окойе продолжала двигаться по бумаге, выводя мелкие бисерные буквы. Он вздохнул: – Вот пишу речь для Ассамблеи по поводу необходимости внесения поправок в Конституцию. Когда закончу, попрошу твои комментарии.

– Хорошо, Вайант.

– Так с чем пожаловал?

– Я провёл ревизию арсенала и могу сказать, что современного оружия у нас катастрофически не хватает. На складе осталось только семьдесят винтовок ограниченной годности, только двадцати пяти из них имеются штыки. Кроме них имеется пара русских ППШ и несколько пистолетов...

– Что-то есть в ремонте?

Бенъярд отрицательно покачал головой:

– Увы нет ничего стоящего! Полдюжины винтовок и «дегтярёв», к которому не хватает запасных частей. Горан сейчас пытается их выточить: русское оружие на удивление неприхотливо...

– Что же делать? – Окойе склонил голову набок.

– Мы можем быстро получить заказанное оружие, – Бенъярд в подробностях пересказал разговор с Блейком. Выслушав его, доктор Окойе прекратил свою писанину и надолго задумался. Наконец, он спросил:

– Где сейчас капитан Браун?

– Ожидает меня внизу. По моему мнению, его услуги следует принять...

– К чёрту твоё мнение, Генри! – вдруг взорвался президент. Он встал из-за стола и стал расхаживать по кабинету. – Я прекрасно понимаю, что это за услуга! Она выйдет нам боком!

– Но у нас нет выбора!

– Выбор есть всегда, но в данном случае приходится выбирать между плохим и очень плохим, – речь президента постепенно приходила в норму. Он подошёл к столу и нажал кнопку селектора. – Кати, найдите мне Пренка!

– Сию минуту, сэр, – раздался мелодичный голос секретаря.

В ожидании звонка Окойе продолжал метаться по помещению, в то время как Бенъярд прикрыл глаза, чтобы не видеть его мельтешение. Селектор загудел и сообщил:

– Господин президент, министр внутренних дел на связи!

Окойе переключился на конференцсвязь и произнёс:

– Кзур, мне нужен твой совет по одному вопросу. Генри сейчас тебе расскажет его существо.

– Да, сэр, – ответила трубка. Бенъярду пришлось излагать предложение Блейка во второй раз. Пренк был сосредоточен и предельно чётко.

– Что Вы хотите услышать от меня, коллеги, – произнёс он после того, как Бенъярд закончил.

– Твой совет, чёрт побери! – снова взорвался президент.

– Капитана Брауна принять на службу, выделить ему требуемые деньги и пообещать землю его людям, – последовал чёткий ответ.

– Где отвести землю под поселение?

– В Тауранге.

– Спасибо, Кзур, мы так и сделаем!

– Всегда к Вашим услугам, господин президент!

Беньярд всегда удивлялся способности Пренка точно оценить обстановку. Даже теперь, когда у него с президентом оказались весьма натянутые отношения, он дал дельный совет. Тауранга! Край каннибалов! Будут убиты два зайца: очищен целый регион и решена проблема с поселением! Такую идею мог дать только Шеннон! Тем временем Окойе уселся в своё кресло и вновь связался с секретарём по селектору:

– Кати, пригласите капитана Брауна в мой кабинет. И пусть его сопровождает кто-нибудь из охраны!

Капитан Браун вошёл в кабинет в сопровождении Бембе, одного из капралов президентской охраны. Он отдал честь и отстранённо встал рядом со входом в военной стойке: ноги на ширине плеч, руки заложены за спину, кепи заткнута за пояс. Его пергаментное лицо ничего не выражало. Окойе внимательно рассматривал капитана: по его мнению, он был слишком молод для такого звания.

– Капитан Браун!

– Да, сэр! – каблуки Брауна щёлкнули.

– Где Вы обучались? – Окойе с нескрываемым любопытством смотрел на офицера, склонив по старой привычке голову вбок. Этот юноша чем-то напомнил ему Шеннона.

– Пехотная школа в Мафре под Лиссабоном, лётная школа – Бенавенте. Прыжки с парашютом, специальный курсы антипартизанской борьбы...

– Имеете ли Вы командный опыт?

– Так точно, сэр. Дважды замещал выбывших из строя командиров: один во время амфибийной операции, другой раз – во время рейда в буш...

– Мистер Блейк говорил мне, что капитан Браун выводил остатки колонны Фрэнка Рохо из окружения, – вставил Беньярд, который сидел к капитану вполоборота.

... – был назначен комендантом форта в Кабинде, – тем временем продолжал Браун. – Предпоследняя должность – старший инструктор учебного центра Вооружённых Сил Боганы, а затем – начальник звена авиационной разведки.

– О, Вы умеете водить самолёты!

– Общий налёт – 238 часов, имею диплом пилота 2 класса. Обучен пилотированию вертолёта, но опыт сравнительно небольшой – 112 часов. Сейчас практикуюсь на лёгких самолётах. Летаю, в основном, по Гвиани...

– Есть ли у Вас награды, капитан?

Браун переступил с ноги на ногу и стал перечислять:

– Первый приз за стрельбу по бегущей мишени, прыжки с парашютом, две португальские медали, заирский Военный Крест, одна боганская, – тут он немного замялся и произнёс: – Представлен к званию Героя Боганы, посмертно...

– Как это? – удивился президент.

Тут посчитал нужным вмешаться Беньярд:

– Капитан покинул Богану при чрезвычайных обстоятельствах, имитируя свою гибель. Это было необходимо, что репрессии не сказались на его жене. Кроме того, он не сообщил, что имеет британские награды. Не так ли, капитан?

– Да, сэр. В этом году я получил звание Компаньона Ордена Святых Михаила и Георгия за заслуги в деле безопасности Соединенного Королевства, – с достоинством произнёс Браун.

– У Вас, как я понимаю, была очень бурная жизнь, капитан. От имени Республики Зангаро я принимаю Ваши услуги и знания, – Окойе вышел из-за стола и протянул руку наёмнику. Браун крепко её пожал и принял стойку смиренно:

– Постараюсь оправдать Ваше доверие, господин президент!

– Вы поступаете в распоряжение майора Бенъярда на время проведения операции, – при этих словах президента Браун бросил удивлённый взгляд в сторону Генри. – Он пришлёт Вам все инструкции и предоставит необходимые полномочия.

– Так точно, сэр.

– Приезжайте поскорее со своими «десперадос»! Они мне очень скоро понадобятся!

– Не пройдёт и недели, господин президент, как они прибудут в Кларенс.

– Что же, капитан, Вы свободны.

После того как дверь за капитаном закрылась, Окойе задумчиво произнёс:

– Хотел бы я знать, что в голове у этого типа. Мне кажется, что он – не типичный наёмник.

– Мистер Блейк сказал мне, что Браун хочет вытащить из Габерона свою жену...

– И открыто поступает на службу в вооружённые силы враждебной ей страны? Не верю.

Тут что-то другое.

– Время покажет, господин президент.

– Согласен. Пусть приведёт своих «десперадос», а там – посмотрим, что это за птица, – Окойе замолчал на некоторое время, а потом вдруг неожиданно произнёс: – Этот парень мне напомнил Шеннона. Однако, Генри у меня к тебе есть ещё одно дело.

– Внимательно слушаю, сэр.

– Помнишь этого французского лётчика, Компана. Он ещё хотел открыть авиакомпанию в Кларенсе.

– Да, доктор.

– Он всё-таки решился это сделать. Возьми-ка это дело под свой контроль. На следующей недели прибывают его компаньоны. Помоги им быстро наладить бизнес. Нам просто необходимо иметь свой воздушный флот...

– Хорошо. Я сделаю эту...

– Э-э-э. Тут ещё одно дело, Генри.

– Какое?

– Попытайся выйти через него на каких-нибудь военных специалистов и нанять их. Как-то я больше доверяю французам...

– Хорошо, доктор, попытаюсь.

Блейк и Браун улетели на рассвете следующего дня. Перед самым отлётом Бенъярд лично приехал на аэродром и вручил капитану все необходимые документы, включая зангарский дипломатический паспорт.

– А я боялся, что ты передумаешь, Генри, – оскалился Блейк.

– Ты же сам сказал, что у нас нет выбора, Гарри, – пожал плечами Бенъярд. Он помахал рукой Брауну, который уже занял место за штурвалом «Сессны». Тот приложил руку к лётному шлему.

– Дальше будем поддерживать контакты через этого парня и Гомаду, – деловито сказал Блейк. – Не ищи больше личной встречи со мной. Это очень опасно.

– Надеюсь, что история с Мутото больше не повторится, – ядовито ответил министр, – и твой протеже окажется более надёжным человеком.

– Не сомневайся, – прошипел в ответ Блейк. Он нервно посмотрел на часы и стал оглядываться по сторонам, – и помни о полковнике Роджерсе...

– Уж не забуду. Ты кого-то ждёшь? – догадался Бенъярд.

– Да. Вот они уже едут!

По лётному полю прямо к самолёту катила посольская машина. Когда она остановилась у самого фюзеляжа, из неё вылезли Адриан Гуль и Вильк Борлик. Они тепло попрощались с министром и сразу полезли в кабину. От Бенъярда не укрылось, что вслед за ними выгрузили сразу три громадных чемодана.

– Прощайте, Гарри, – пожал он руку британскому резиденту. – Не скажу, что общение с Вами было приятным, но познавательным – точно.

– Прощайте, Генри, с Вами было легко работать, – хищно оскалился Блейк. – Кстати, месье Маршан вчера проиграл в абиджанском казино пятьдесят тысяч французских франков. Надеюсь, Вам эта информация Вам пригодится...

Четыре часа спустя Бенъярд приехал в министерство благосостояния на переговоры с представителями фирмой Соваж. Кроме министра на встрече присутствовали ведущие специалисты министерства – Шеклтон, Рам и Леслин. До встречи оставалось несколько минут и у Бенъярд оставалось время, чтобы с ознакомиться предложением экспортного агентства «Соваж». Едва он успел это сделать, как в зал заседаний ввалился племянник президента Жан, депутат Ассамблеи.

– Могу ли я поприсутствовать на переговорах, господа? – нагло произнёс он и не спрашивая разрешения уселся за стол. Дусон нахмурился и промолчал. Сидевший наискосок от Жана Бенъярд стал изучать родственника президента, которого он видел всего несколько раз. Это был дородный мужчина примерно того же возраста, что и он. Одет он был довольно небрежно для депутата: спортивного покрою костюм топорщился на нём, а белые парусиновые туфли имели грязные разводы. Лицо Жана Окойе было круглым и лоснилось от жира, беспокойные глаза бегали из стороны в сторону, а волосы торчали в разные стороны и только кое-где кучерявились. Вероятно, это был результат ухищрений какого-то местного цирюльника, пытавшегося их выпрямить. Сидевший рядом, Жан Рам тоже не производил впечатления: чистый наркоман. Его сухое, измождённое лицо, иссохшие руки и невыразительные глаза заставляли подозревать в нём любителя ката, хотя это был не так. Шеклтон казался улучшенной копией племянника президента: менее толст, лучше одет и причёсан. Более приличное впечатление оставляли сам министр и казначей, одетые, можно сказать, с иголочки. Все присутствующие в зале переговоров молчали, оглядывая друг друга.

– Интересно, что они думают обо мне, – подумал Бенъярд. Тут его размышления оказались прерваны, поскольку дверь отворилась и в зал вошли представители экспортного агентства «Соваж».

Торжественной встречи не получилось, поскольку улыбающийся Марит сразу устремился к Бенъярду и стал хлопать его по плечу и приговаривать:

– Как я рад за тебя, дружище! Уцелеть в такой передрыге! Этот мерзавец Мутото! Как «Мэверик»! Почему ты вчера не зашёл ко мне в номер?!

Бенъярд коротко отговаривался, наблюдая за обстановкой краем глаза. Мишель и Жан Окойе дружно обнимались, Шеклтон натужно улыбался, Дусон хмурился, а Леслин с нескрываемой иронией смотрел на этот бардак. Ледяное спокойствие сохраняли только Рам и Аньела Соваж. Это была стройная негритянка, одетая по последней парижской моде. Высокие каблуки и широкополая шляпа с большими тёмными очками дополняли её наряд, который подчёркивал все достоинства её фигуры и, вероятно, оттеняли её недостатки. Когда она сняла свои тёмные очки, Бенъярд увидел, что её черты представляют собой утончённую копию лица Марита.

– Господа, может перейдём к делу, – произнесла она по-французски. Её произношение было настолько чистым, голос звонким и певучим, что у Генри захватило дух. Он подошёл к ней и предложил сесть на стул.

– Спасибо, месье Бенъярд, – кокетливо произнесла она. – Мой брат много про Вас рассказывал. Надеюсь, мы сможем познакомиться с Вами поближе.

– Конечно, мадам, – промямлил Бенъярд и сел рядом, поскольку его место уже оказалось занятым Маритом.

– Итак, дамы и господа, – начал Дусон, – мы собрались для того, чтобы обсудить предложения фирмы «Соваж» и выработать общую платформу для обоюдовыгодного решения...

– Мне кажется, господа, – прервала министра благосостояния Аньела, – что речь на наших переговорах должна идти только о том, на каких условиях будут приняты наши предложения, а не обсуждать их...

– Вот, вот, – сказал Жан Окойе. – Экономическое положение Зангаро не такое блестящее, чтобы отказываться от помощи...

После этих слов на лица чиновников министерства благосостояния промелькнула целая гамма чувств: возмущение, тревога, разочарование... Бенъярд вдруг понял, что эти переговоры даже не начавшись уже находятся на грани срыва, и перехватил инициативу:

– Дамы и господа! Мой коллега, Дусон, имел ввиду нечто другое. Прежде чем заключать соглашение, обеим сторонам необходимо убедиться, что они правильно понимают друг друга. Ведь все мы для этого собрались, не так ли?

Все присутствующие дружно закивали головами и приступили к обсуждению конкретных вопросов. Многие из них решались по ходу разговора, другие занимали много времени. Основной проблемой стали помещения сахарного завода, который, как оказалось, подлежит денационализации. Кроме того, он был сдан прежним правительством в аренду мистеру Борлику. Договор был настолько мудрён, что в нем было сложно разобраться.

– Господа, я предлагаю вернуться к этому вопросу завтра, – положил конец бесконечным прениям Бенъярд. – К этому времени мы получим экспертизу генерального прокурора и мнение Верховного суда. Возможно, все вопросы можно будет решить взаимовыгодно для всех сторон.

– Имейте ввиду, господин министр, что передача нам в концессию сахарного завода является одним из ключевых условий нашего предложения, – промурлыкала Аньела.

– Конечно, мадам, – галантно ответил Бенъярд.

– Следующий вопрос – выделение земли под теннисные корты, – прочитал вслух Дусон. – Зачем они Вам, господа? В Зангаро нет любителей тенниса и долго не будет.

– Ошибаетесь, господин министр, теннис – спорт будущего! – возбуждённо произнёс Марит. – Я вкладываю в него свои деньги и не жалею об этом!

– Как знаете, – пожал плечами Дусон и уткнулся в бумажку. – Тут написано, что Вы желаете открыть две площадки: одну в Кларенсе, а вторую – в Туреке. Ладно Кларенс – это столица, но Турек! Что там ловить?

– Турек – второй по значимости порт Зангаро, – улыбнулся Марит. – Я не собираюсь прямо сейчас строить корт. Ведь в тех краях пока не всё ещё спокойно! Просто я прошу зарезервировать участок...

– У меня нет принципиальных возражений против просьбы мистера Гомаду, – кивнул головой Дусон. – Есть другие мнения? Нет? Перейдём к следующему вопросу.

Последним в повестке переговоров стоял вопрос уплаты таможенных пошлин.

– Наши грузовики с грузами, – начал Мишель Соваж, – регулярно пересекают северную границу Зангаро, поставляя продукты в бомы Пастер. Рус и Дюма. Там они загружаются фруктами и другой продукцией Страны Кайя и следуют обратно в Уарри. Каждый раз они уплачивают пошлины на пограничном посту.

– Что тут удивительного? Они предусмотрены нашим таможенным кодексом и, по моему, соглашением о приграничной торговле с Гвианией, – недовольно произнёс Шеклтон.

– Верно, господин советник! Только каждый раз мы платим всё больше и больше. В начале августа с нас брали по десять тысяч африканских франков с грузовика, в сентябре – вдвое больше.

– Вообще-то я думал, что пошлину при пересечении границы взимают в зангах, – проворчал Леслин, смотря в упор на Шеклтону. В этот момент вдруг ожил иссушённый жизнью Рам:

– Мсье Соваж, – обратился он к Мишелю. – Вы не могли предоставить данные о ваших платежах на северном посту. Мне необходимо сверить Ваши данные с моими.

– Конечно, господин Рам, я специально их подготовил, – Соваж протянул довольно объёмистую папку казначею. – Здесь данные по каждой машине, пересекавшей границу в третьем квартале: груз, километраж, расход топлива, платежи на границе...

– Вы не боитесь, что эти документы могут быть использованы против Вас, молодой человек, – вдруг поинтересовался Леслин.

– Нет, не боюсь! Наша фирма хочет честно сотрудничать с Вашим правительством.

– Ага! Значит Вы при президенте Кимбе действовали нечестно, – воскликнул Шеклтон. Мишель в ответ только пожал плечами.

– Господа, давайте будем заниматься не моралью, а коммерцией, – неожиданно для всех произнесла Аньела. Она полуобернулась к Бенъярду и произнесла: – А как Вы считаете, господин министр.

Бенъярд что-то промычал в ответ, после чего слово взял Дусон, который подробно перечислил все вопросы, по которым удалось достигнуть консенсуса. По своей старой лекторской привычке он подробно останавливался на каждой позиции, описывая все детали. Его монотонный голос действовал успокаивающе и почти усыпил Генри, который надел свои солнечные очки и прикрыл глаза.

– Вы спите на ходу, министр, – услышал он шёпот Аньелы, дернувшей его за рукав. – Просыпайтесь, уже скоро всё закончится.

– Хотелось бы, – в ответ прошептал Генри, открывая глаза. Лицо мадам Соваж было невероятно близко от него, казалось, что она сейчас коснётся его щеки своими красивыми губами.

– Давайте поужинаем вместе. Надеюсь, что Вы найдёте место для вдовы?

Захваченный врасплох Генри едва кивнул. Он был обескуражен: впервые в жизни его пригласила на ужин женщина.

– Вот и отлично! Буду ждать Вас после шести. Смотрите, господин министр, не опаздывайте. Я – очень капризная дама.

Совещание закончилось буквально через несколько минут и все присутствующие разошлись. В зале заседаний остались только нахмуренный Дусон и Бенъярд.

– Скажите, Генри, что от Вас хотела мадам Соваж? Под конец переговоров, Вы сидели с непроницаемым лицом, а она что-то Вам постоянно шептала.

– О! Она просила меня ускорить процесс переговоров. Её ждут дела в Луисе.

– И что же Вы думаете делать? Мне кажется вопрос с сахарным заводом нельзя быстро решить?

– Я должен посоветоваться с Лорримаром. Ваши люди смогут подготовить для меня досье?

– Конечно. Утром оно будет у Вас в офисе.

– Надеюсь, что ревизию северной таможни Ваши сотрудники смогут провести достаточно оперативно? Может нужна помощь?

– Какая? – Дусон расправил свои плечи и снисходительно посмотрел на собеседника. – Может у Вас есть пара профессиональных счетоводов на примете?

– Их вполне может заменить пара полицейских, – ехидно усмехнулся Бенъярд. В глазах бывшего профессора промелькнула искра неуверенности и страха. Вероятно, где-то в глубине своей души он боялся и ненавидел полицейских:

– Вы думаете, что мои сотрудники воруют?

– Не знаю, не знаю. Я бы на Вашем месте подумал о другом порядке таможенных сборов...

– Учту твои замечания, Генри, – сухо поклонился Дусон и вышел из зала.

На встречу с мадам Соваж Бенъярд едва не опоздал: задержало дело лётчиков с Ажуана, которые, как оказалось, уже неделю назад направили все необходимые бумаги для открытия фирмы. Генри не понимал, почему тормозится столь нужное для Зангаро дело и решил лично поговорить с Сержем Компана. Он взглянул на часы: до встречи оставалось всего полчаса, а ему ещё надо было заглянуть домой и переодеться. Ровно в шесть часов вечера он вбежал в фойе «Индепенденса» с охапкой ярких тропических цветов: их нарвал его вестовой, пока он переодевался.

Аньела, как и полагается, опоздала ровно на пять минут. Она была в доходящей до пола бубе с золотой вышивкой по краям и диковинном головном уборе, напоминавшем индийский тюрбан с павлиньими перьями. Её запястья, шея и пальцы сверкали золотом. Её сопровождал Марит в какой-то невообразимой полувоенной форме.

– Привет, Генри, – приветствовал он Бенъярда. – Очень хорошо, что едешь с нами. Нас пригласил к себе домой Жан, племянник президента. Мишель уже там. Он позвонил и сказал, что президент тоже подъедет на эту вечеринку.

Бенъярд знал, что Жану выделен коттедж, который некогда занимал Энекин Флет, бывший генеральный прокурор страны. Поговаривали, что у этого жилища был весьма своеобразный интерьер. Он протянул букет мадам Соваж и поцеловал ей руку:

– Вы неотразимы, мадам!

– Как приятно видеть истинного мужчину в этой дикой стране, – произнесла Аньела своим приятным голосом и кинула через плечо. – Учись ухаживать за женщинами, брат!

Тотчас к выходу из отеля подали машину: Марит уселся на переднее сиденье, так что Генри опять оказался рядом с самой обворожительной женщиной на свете.

Вечеринка удалась на славу. Жена Жана Мишель оказалась не только прекрасной хозяйкой и очаровательной девушкой с кожей цвета какао.

– Её отец – француз, лётчик. Мне было всего пятнадцать, когда он взял меня замуж, – пояснила Аньела, проследив за взглядом Бенъярда. – Его сначала отправили в Индокитай, потом был Алжир. Я почти всё время жила с братом, а он прилетал ненадолго. Во время восстания муж угнал вертолёт и вывез нас всех из Бразавиля в Заир. Его за это судили, разжаловали.

Голос женщины звучал глуше и глуше: видимо, её захлестнули воспоминания.

– Где-то там, – она кивнула в сторону севера, – он погиб в пустыне.

– Это точно?

– Да, Обломки его «алуэтта» и останки тел нашли недалеко от Абадлы. Это в западной части Алжира. Я там была...

Молодёжь веселилась, более старшее поколение вело светские разговоры, когда на виллу прибыл президент в сопровождении Кати Брегмы. Он всех поприветствовал и через некоторое время присоединился к старшему поколению. Его племянник Жан не отходил от дяди ни на минуту, представляя своих гостей.

– Генри, ты тоже здесь? – удивлённо произнёс доктор Окойе. – Я не знал, что у тебя такие знакомые.

– Марит и его племянник Мишель недавно помогли мне выйти из затруднительного положения, в котором я оказался в Уарри. Я им очень признателен...

– А кто эта очаровательная дама?

– Это – мадам Соваж, мать хозяйки этого дома.

– Вы очаровательно выглядите, мадам...

– Аньела, господин президент.

Доктор Окойе выпрямился и картинно раскинул руки:

– Здесь, в этой домашней обстановке называйте меня Вайант!

Тут откуда-то появилась Кати и уставилась на мадам Соваж подозрительным взглядом:

– Господин президент, я Вас потеряла. Кто эта женщина?

– Не волнуйся, дорогая, – Окойе взял секретаршу под руку и широко улыбнулся. – Это – мадам Соваж, мать Мартины. Моя родственница. Можешь не ревновать её ко мне: у неё сегодня другой объект агрессии – министр Бенъярд.

Генри горел от смущения, Кати смотрела на него с подозрением, а Аньела с лёгкой усмешкой. Один Окойе сохранял невозмутимое выражение на лице:

– Так как идут переговоры, мадам? Дусон Вас не обижает?

– Нет, э-э-э... мистер президент! У меня прекрасный защитник!

– Мой племянник, этот шалопай!

– Он, конечно, помогает мне, своей свекрови, но у меня есть гораздо более сильный защитник!

– Кто? Ваш брат Марит?

– Нет, Вайянт. Ваш министр Бенъярд.

– Генри! Ты работаешь на иностранцев, – шутливо воскликнул Окойе и погрозил ему пальцем. – Не ожидал, не ожидал.

Бенъярд совсем потерялся от такого количества внимания к своей особе: за долгие годы своей службы он постоянно находился в тени и привык к этому. Тем временем, тон президента изменился:

– Так у Вас есть какие-то проблемы, мадам Соваж? Они Вас задерживают?

– Мне обещали, что в ближайшее время они будут урегулированы.

Окойе обернулся к Бенъярду и спросил:

– В чём загвоздка, Генри?

– Бывший сахарный завод.

– Что там?

– Запутанные права собственности, аренда и всякое такое. Завтра мне пришлют полное досье и схожу к Лорримару.

– Правильно. Я его тоже об этом предупрежу.

– Что ещё?

– У меня возникло ощущение, что их машины обирают на северной границе.

– Что делаете?

– Начали ревизию, потом проведём расследование. Я предложил Дусону пересмотреть порядок сборов.

– Хорошо, – кивнул головой президент. – Копию ревизии и результаты расследования – ко мне на стол!

Как твой новый помощник?

– Улетел. Послезавтра жду весточку из Уарри. Хорошо! А теперь – веселись, на тебя запала такая женщина!

Вайянт схватил Брегму, которая о чём-то беседовала с Маритом, за локоть:

– Потанцуем?

Едва Окойе отошёл в сторону Бенъярд оказался в плену чар Аньелы. Она больше ни на шаг не отпускала его от себя и постоянно расспрашивала о беседе с президентом:

– Вы разговаривали о делах? У тебя такой изученный вид, Генри! Тебе надо расслабиться. Круговорот вечеринки захватил Бенъярда, и он потерял счёт времени и вину. Очнулся он в своём коттедже от запаха кофе. Рядом с ним сидела мадам Соваж в сильно помятой бубе. Она была без макияжа: на лице проступали морщины.

– Выпей кофе, Генри, – мягко произнесла она и заодно рассмеялась. – Впервые провела ночь с министром, у которого давно не было женщин...

Бенъярд выпил кофе и посмотрел на часы: они показывали половину десятого. Доклад по сахарному заводу уже должен лежать на столе, Лорримар ждёт его к одиннадцати, а ещё надо просмотреть дело лётчиков!

– Извини, дорогая, – он чмокнул мадам Соваж в щеку, быстро натянул на себя свой военный френч и выбежал из дома. Работа не ждала! Аньела покачала головой ему вслед, потом подошла к зеркалу и с лёгкой грустью стала рассматривать своё лицо. Потом медленно вставила в уши массивные золотые серьги и неторопливо надела кольца, браслеты, бусы... Через час к дому государственного министра подъехала машина из отеля, которая отвезла хозяйку Экспортного агентства «Соваж» в её апартаменты.

Флит-Стрит

В середине сентября Лондон гораздо приятнее, чем в его начале. Не так жарко и нет резких скачков температуры. Сентябрьское солнце, изредка проникающее сквозь узкие щели улиц, ещё согревает своими лучами. Однако, лондонцы спешат по своим делам и не замечают его. Как хорошо, что это не Африка! Нет изнуряющей жары и тёплых дождей, полчищ москитов и муравьёв! Да и новости здесь другие! Алекс бросил газету на потёртую софу и обвел комнату недовольным взглядом. В это время он обычно принимался за уборку. На чайном столике стояла грязная посуда, бутылки, лежали остатки ужина. Рядом, в мастерской жены, о чём-то бубнил радиоприёмник. Марика никак не привыкнет, уходя из дома, выключать проклятый ящик. Он посмотрел на часы: было половина девятого. Куда она пошла в такую рань? Не всё ли равно – может рисовать, а может – трахаться. Кто её знает?

Ровно шесть лет назад, когда Алекс увидел ее впервые, она была застенчивой молодой женщиной. С небольшим чемоданчиком из свиной кожи она стояла в хвосте длинной очереди иностранцев, проходящих паспортный контроль. В тот день он должен был сделать для своей газеты очерк об иммигрантах из стран Восточного Блока. Отслужив в армии пять лет, Александр Рикс тогда работал репортёром «Ивнинг Геральд». В редакции его ценили: он работал быстро и надёжно и к тому же обладал массой военных познаний, а газета не могла держать специального военного обозревателя. Молодая черноволосая женщина показалась Алексу подходящим объектом для интервью: она была хорошо одета, носила скромные украшения и при этом выглядела как раз такой одинокой, потерявшей цель в жизни и почву под ногами, какой и должна выглядеть настоящая эмигрантка в глазах читателей английских газет.

– Вы говорите по-английски? – попробовал он заговорить, и был совершенно обескуражен, когда она без малейшего иностранного акцента ответила вопросом на вопрос:

– Не можете ли Вы принести мне стул?

Алекс подал знак фотографу, торчавшему у дверей:

– Принеси. А потом сфотографируй эту даму. Вы позволите?

– Да. Немного паблисити мне не повредит, – как впоследствии выяснилось, Марика вообще не имела ничего против газетчиков.

Время от времени она пододвигалась в очереди, отвечая на вопросы Алекса, внимательно разглядывая репортера. Он ей понравился. Не очень высокий, светловолосый молодой человек, делающий свое дело с напускной небрежностью.

– Я прочту вам записанное, – перебил ее мысли Кларк. – Итак, Марика Кленотник, двадцати восьми лет, приехала из Праги, художница. Успех на выставках в Берлине и Вене. Незамужняя. Русские разграбили вашу квартиру в Праге. Вам удалось бежать через Швейцарию, и теперь вы хотите начать новую жизнь в Англии.

– Так, – лаконично ответила она и стала рассказывать о событиях пражской весны.

Тогда он сделал отличное интервью. Ему даже удалось разыскать в каталоге одной швейцарской галереи портрет польского писателя Ярослава Ивашкевича, нарисованный Марикой. Газета сопроводила интервью Рикса репродукцией этой картины и фотографией художницы. Уже через четыре недели Марика получила свой первый заказ: Роберт Иннс-Смит, редактор «Таттлера» – отливающего глянцевого бумагой модного иллюстрированного журнала для высшего общества, – заказал свой портрет эмигрантке. Получив аванс в целых пятьдесят фунтов Марика разузнала адрес журналиста и пригласила его в ресторан. Алекс был очень удивлён этим, но из профессионального интереса не смог отказаться от приглашения: можно было сделать отличное продолжение его первого интервью. При второй встрече молодая художница произвела на Алекса такое сильное впечатление, что он даже позабыл о своей профессиональ-

ной любознательности и упустил такую почти незначительную мелочь: спросить ее, откуда она так хорошо говорит по-английски.

– Вы отлично владеете своим ремеслом, мистер Рикс, хотя не принимаете его особенно всерьез, – сказала ему на прощание Марика. – Я уверена, что мы с Вами ещё встретимся.

Второе интервью с Марикой оказалось провальным, потому, что Марика умолчала о том, что раньше уже жила в Англии два года. Узнав об этом из третьих рук, редактор сделал выговор Алексу:

– Похоже, что твой мозг переехал в область ниже пупка...

Так и произошло. Однажды вечером Алекс навестил ее, а через месяц переехал к ней. Вероятно, Марика всё же любила Алекса, хотя и не закрывала глаза на его недостатки. Поначалу ей показалось, что недостатки эти были его самыми привлекательными чертами. В конце года они поженились. Алекс в лице Марики нашел подругу, излучавшую спокойствие. С лёгкой руки Иннс-Смита, художница получала заказы от тщеславных бизнесменов и парламентариев, которые были не прочь увидеть в печати свое имя, упомянутое в связи с новой картиной. Поэтому на первых порах супруги почти не испытывали финансовых затруднений и сняли уютную квартирку на Джад-стрит. Коллеги и друзья, навещавшие их квартиру, завидовали Алексу – какая пригожая и ловкая хозяйка ему досталась. Действительно, гонорары его и Марики позволяли устраивать вечеринки, которые посещали многие люди: знакомые и незнакомые. В какой-то момент Алекс поймал себя на мысли, что потерял желание писать: он стремился поскорее завершить работу и бежать домой. Но однажды наступил день, когда это всё закончилось: он написал большую статью о военных проблемах и остро поставил вопрос о целесообразности содержания Рейнской Армии. Его коллеги из «Таймс» и «Обсервера» целыми неделями высмеивали его: неужели он сомневается в решающей роли Британии в мировых войнах. Кто-то из коллег позволил себе даже задать вопрос, не будет ли, скажем, мистер Рикс рад, если Великобритания, чтобы обезопасить свою империю, заключит договор с русскими и отдаст континент коммунистов? А «Таймс» просто-напросто заявила, что ему не мешало бы проверить состояние своих умственных способностей, прежде чем заниматься военными прогнозами, которые требуют не только широкого кругозора, но и по меньшей мере нескольких курсов военной академии. Затем он написал несколько статей о событиях на Ангилье, что вызвало очередное недовольство истэблишмента. Алекс уже не мог себе позволить отказаться от того или иного задания своей газеты, как это бывало раньше. Хотя он больше не писал военно-политических статей, это вовсе не значило, что журналист не замечал происходящих в мире событий. Наоборот, Алекс пристально следил за ними.

Гонорары падали, он искал подработки, писал фельетоны, да и Марика с уходом Иннс-Смита из «Татлера» оказалась тоже почти позабытой. Ей тоже не везло: мода на её портреты прошла, а остальные картины пылились в галереях в ожидании покупателей. Она пыталась продать кое-какие из своих работ на толкучке в Тотенхэме, но не преуспела в этом. Цвет лица и характер у неё начали портиться, речь огрубела, глаза потускнели и засверкали злым блеском. Их доходы неуклонно и быстро сокращались. С той же быстротой ухудшался характер жены. Как-то раз Марика объявила, что прямома Алекса губит их брак. С тех пор он зарекся вступать в полемику, не имея в своем распоряжении ничего, кроме здравого смысла и умения реально оценивать международное положение. Как-то в мае семидесятого года, дружески расположенный к нему редактор предложил:

– Алекс, ты сейчас не в фаворе и у тебя трудные времена. Я хочу тебе помочь!

– Как, босс! Вы же видите я оказался прав и с Ангильей, и с Аденом, и с Маскатом!

– Знаю, но именно этого тебе не хотят простить наши коллеги! Поэтому предлагаю тебе поехать в Западную Африку. Будешь представлять там несколько газет, включая и нашу. Я уже обо всём договорился. Поработаешь там несколько лет, а потом вернёшься. Ты согласен?

– А у меня есть выбор?

- Пожалуй, что нет!
- Где будет мой корпункт?
- Выбирай сам: Луис, Габерон, Кларенс.
- Что же! В страну тёплых дождей!
- С тех пор прошло почти четыре года...

Алекс закончил приборку комнаты и подошёл к зеркалу. Сорок месяцев, проведенных им в Западной Африке, наложили неизгладимый отпечаток на его внешность: когда-то льняные волосы выцвели, кожа приобрела смуглый оттенок, белки глаз пожелтели от болезни печени. Её он подхватил в гилеях на Бамуанги два года назад. Надо было бриться и идти в редакцию, где его ждала повседневная работа: он редактировал несколько колонок хроники дня. Это было то заслуженное повышение, которое ему пообещал редактор. Надо сказать, что это настоящий джентельмен. Жалко, что он уходит на пенсию. Ровно в десять часов Алекс переступил порог редакции:

– Мистер Рикс! Вам звонил мистер Ф.Ф. Он пригласил на файф о'клок в Американский Бар.

– Спасибо, милая, – бросил Алекс сквозь зубы и чертыхнулся: – Наверняка какая-нибудь презентация, а у меня в карманах хоть шаром покати...

Весь его день был занят работой и поиском денег: первой было сверх меры, вторых – вовсе не было. В половину пятого Алекс завалился к редактору:

– Выручайте, шеф. Меня пригласил Ф.Ф. в Американский Бар, а денег – хоть шаром покати...

– «Савой» – дорогое удовольствие, – сказал редактор, выдвинув ящик стола. Из него он достал тонкую пачку десятифунтовых купюр и отсчитал три. – Держи. Если пропьёшь их без толку – вычту из зарплаты...

– Спасибо, сэр, – схватил деньги Алекс. – Где расписаться?

– У Маргарет. Она выпишет ордер на представительские расходы...

В Американский Бар он едва не опоздал: как обычно, Стрэнд в это время был забит автотранспортом. Ф.Ф. сидел за стойкой бара. Он тянул какой-то коктейль и лениво перебрался словами с Джо Гилмором.

– Привет, Рикс, – он бесцеремонно помахал рукой Алексу, топтавшемуся у входа. – Подходи к нам. Что пьёшь? Я угощаю! Бленхейм или Черчилль?

Удивлённый таким отношением, Алекс подошёл к стойке:

– Пожалуй, бленхейм, Фред. Как дела?

– Отлично, мой друг! Просто отлично! Твой материал настолько интересен, что я прочёл их взахлёб! Кот был отличный парень!

– Да, он мне тоже нравился, – осторожно ответил. – Так ты по этому вопросу, а я думал, что будет презентация новой книги...

– Будет, обязательно, будет, – широко улыбнулся Фред. Его широкое лицо с белозубой улыбкой нависло над Алексом. – Ты просто не представляешь! Это будет бомба!

– А почему ты просто не опубликуешь дневники?

– А... Они никому не будут интересны. Я их использую для своего романа «Как сделать переворот»!

– Ты будешь не первый...

– Как?

– В 1931 году такую книжечку уже написал Курцио Маллатаре...

– Итальяшка, фашист! Я напишу доступным английским языком! Это будет достойная эпитафия Коту!

– Ты – неплохой писатель, Фред. Это у тебя получится, – разочарованно произнёс Алекс и поднялся, чтобы уйти.

– Пстой! Алекс, мне надо с тобой поговорить.

– О чём?

– Как о чём? О Зангаро! Я возьму у тебя консультации, – Ф.Ф. выложил на стол несколько пятифунтовых банкнот и щёлкнул пальцами Гилмору, чтобы тот повторил. – Я очень скрупулёзно изучаю материал перед написанием романа и нуждаюсь в твоей помощи. Меня консультирует Патрик Сил. Ему тоже надо платить...

– Соавтор «Операции Хилтон»? – Алекс вновь уселся на стул и потянулся за вторым коктейлем. – Расскажи, мне это будет интересно.

Фред кивнул головой и стал рассказывать о тех материалах, которые показал ему Сил. Это заняло целых полчаса, и ещё два коктейля.

– А куда делся Маурин Маконвилл? – в конце рассказа спросил Алекс. – Я слышал, он был другом Патрика.

– Второй соавтор? – нахмурился Ф.Ф. – Не знаю, не интересовался.

– Зато я знаю, – ответил репортёр. – Его уволили из редакции «Обсервера» сразу после публикации книги. Он не смог найти работу в газете и уехал в Австралию. Вот так вот...

– Послушай, Алекс! Мне нужна информация о Зангаро. О людях, нравах, событиях. Ты же был там корреспондентом.

– Вообще-то мой корпункт находился в Луисе. В Кларенс я наезжал редко. Просто мне повезло оказаться в нужное время в нужном месте...

– Именно поэтому ты мне просто необходим!

– Одним коктейлем здесь не обойдётся, – Алек после долгой паузы. – И это будет тебе стоить денег.

– Да, конечно, – кивнул головой Фред. – Я готов поделиться с тобой гонораром от новой книги. Или может ты предпочитаешь наличные?

– Наличные, я сейчас сию на мели, – вздохнул Алекс, сгребая деньги в свой карман. – Но этого – недостаточно!

– Я не смогу тебе много платить...

– Что поделаешь, но помогать тебе из благотворительности я не буду, – усмехнулся Алекс. – Ты итак – звезда. Три бестселлера за три года!

– А если я тебе подброшу кое-что для колонки светской хроники твоей газеты. Ты же её тоже редактируешь?

– Гм... Это интересно! Что там у тебя есть?

– В субботу в Темпле состоится официальное обручение мисс Джулии Мэнсон и некоего Мартина Торпа. Точно время я не знаю, но думаю, что это произойдёт в полдень. На всякий случай пошли туда фотографа заранее.

– Откуда ты это знаешь?

– От подружки Джулии, я с ней иногда встречаюсь...

– Спасибо. Мартин Торп – кто это?

– Довольно ловкий малый. Один из топ-менеджеров МэнКона. Одновременно занимается тем, что бизнесмены называют рейдерством.

– И сэр Джеймс согласился на этот брак?

– Да, что для меня вовсе не удивительно. Когда я брал интервью у Мэнсона, у меня сложилось твёрдое убеждение, что это акула большого бизнеса не брезгует ничем...

– Почему ты мне слил эту информацию? Мог бы сам неплохо подзаработать...

– Тут несколько причин, – замаялся Фред. – Всё тебе сказать не смогу...

– Ладно, проехали, – махнул рукой Алекс. – Спасибо за информацию. Он протянул ему руку. Фред её крепко пожал. На следующий день Алекс вернул представительские в кассу редакции, чем сильно удивил своего шефа.

В субботу вечером «Ивнинг Геральд» опубликовала снимки с церемонии обручения Джулии Мэнсон и Мартина Торпа, на которой присутствовали столпы общества. Это вызвало недовольство у сэра Джеймса Мэнсона и нездоровый ажиотаж среди сотрудников МэнКона.

– Откуда газетчики пронюхали про помолвку, мисс Кук, – раздражённо спросил он в понедельник свою секретаршу.

– Я полагаю, сэр, – ответила сухопарая англичанка, – что это произошло случайно. Газетчики всегда опшываются возле значимых персон. Кроме того, нельзя исключить, что эту информацию могла узнать прислуга кого-нибудь из приглашённых и продать её на сторону.

– Вероятно, вы правы, миссис Кук, – внезапно успокоился сэр Джеймс и с улыбкой добавил. – У меня развилась паранойя.

Миссис Кук не поняла шутки и продолжала свои объяснения:

– Я лично рассылала приглашения на помолвку неделю назад. Я могу представить список рассыльных...

– Не надо, – махнул рукой сэр Джеймс. – Пригласите ко мне мистера Торпа сразу, как только он появится у себя в офисе.

– Да, сэр!

– Что-то ещё?

– В приёмной Вас ждёт полковник Роджерс.

– Он один?

– Да, сэр.

– Пригласите его ко мне через десять минут и пришлите мне папку по его делу. Как полковник зайдёт, организуйте нам кофе со сливками.

– Хорошо, сэр – произнесла миссис Кук.

Когда в кабинет зашёл Роджерс, на Мэнсона прямо дыхнуло Африкой.

– Здравствуйте, старина! – раскинул руки сэр Джеймс, выходя из-за стола. Он приобнял полковника и похлопал его по плечу. Тот попытался отстраниться от такого панибратства, но этого не получилось. Мэнсон указал на кофейный столик, который уже сервировала миссис Кук. – Присаживайтесь, рассказывайте! Как там поживает Эндин? Как я понял из ваших докладов, у него какие-то проблемы с законом.

Роджерс чинно уселся на стул:

– Что Вы, сэр. Вовсе нет. Это вариант развития событий был заранее предусмотрен. Накладка произошла из-за того, что кое-кто из местных агентов решил скрысятничать.

– Сколько не плати этим долбаным нигерам – всё равно воровали, воруют и будут воровать! – выругался Мэнсон. – В моё время лучшим средством для их воспитания была палка!

– Сейчас другие времена, сэр! – тактично произнёс Роджерс, пригубив кофе. – Но этот человек уже наказан...

– Как, если не секрет?

– Его больше не существует...

– Надеюсь, это никак не повлияет на успех операции?

– Это её немного задерживает, но...

– Никаких но! Мне нужен контроль над правительством Зангаро!

– Да, сэр Джеймс! В настоящее время всё готово. Осталось дождаться, чтобы президент Окойе официально обратился к новому президенту Гвиании за помощью против повстанцев.

– И как? Он её окажет?

– Его сейчас обрабатывает мистер Гуль. Помощь будет символической, но вместе с нею на территорию страны войдут наши добровольцы. Они станут нашей главной опорой в стране.

– Детали я уже знаю, – кивнул Мэнсон. – Когда это может произойти?

– В течение месяца или двух. Всё зависит от активности красных в Загорье. Пока правительство Окойе контролирует ситуацию и рассчитывает решить проблему своими силами...

- Этого нельзя допустить!
- Я понимаю, сэр. Мы делаем всё, чтобы этого не случилось...
- Надо заставить этого черномазого доктора обратиться за помощью, полковник!
- Когда кимбисты пересекут Хрустальные Горы и двинутся на Кларенс, Окойе и его банда быстро отрезвеют и обратятся в Луис за помощью.
- А как наши позиции в Луисе?
- Во втором туре выборов с небольшим отрывом победил южанин Околонго. За него проголосовали столица и южные округа. Его главный конкурент майор Ниачи набрал чуть меньше голосов, несмотря на поддержку армии.
- Насколько я помню, этот тип возглавлял военное правительство?
- Да. А потом стал временным президентом Гвиании. По своим воззрениям он – левый радикал, но не коммунист...
- А Околонго? Он вменяем?
- Да, это человек старой школы. Он был столичным губернатором ещё при первом президенте страны – Симбе. Консервативен, но не агрессивен, хотя имеет зуб на многих нынешних политиков.
- Есть ли на него какие-то средства давления?
- Конечно, сэр, – Роджерс впервые улыбнулся за время беседы. – Доктор Джеймс Маджаи. Близкие знакомые зовут его Джимом. Именно голоса его сторонников обеспечили победу Околонго. По слухам, он метит на пост вице-президента Гвиании.
- Насколько он управляем?
- Я пришлю Вам его досье, сэр. Вы сами всё поймёте.
- Есть ещё какие-нибудь новости из Кларенса?
- Да, сэр. В Зангаро учреждена частная авиационная компания «Зангарские авиалинии» с капиталом в пятьсот тысяч франков. Половина капитала оплачена...
- Французы, частники?
- Да. Совладельцы – два француза и итальянец. Все служили...
- Прodelки Фоккара.
- Не думаю, сэр. По моим данным, их вытурили с Комор, где они занимались частными перевозками...
- Кто?
- Точно неизвестно, но в этом замешан зять министра финансов Французской Республики. Вы его знаете?
- Встречались пару раз по вопросу одной концессии в Экваториальной Африке, – поморщился от неприятных воспоминаний Мэнсон: ему тогда пришлось уступить французам. – Выясните о них поподробнее.
- Да, сэр! Что делать, если это будут люди Фоккара?
- Постарайтесь от них избавиться, полковник.
- Понимаю, сэр. Идёт война и всякое-такое, – улыбнулся экс-разведчик. – А если нет?
- Тогда пусть пока работают на благо республики Зангаро, – сэр Джеймс изобразил подобие улыбки. – Там видно будет! В любом случае, сообщите мне о результатах Вашего расследования. А теперь: извините, у меня через десять минут начнётся совещание.
- Да, сэр! До свиданья, – Роджерс обиженно поднялся с кресла и, не подав руки боссу, направился к двери.
- До свиданья, полковник, – послышалось ему вслед. – Не забудьте про досье...
- Документы на доктора Маджаи были доставлены в кабинет Мэнсона уже через двадцать минут после ухода Роджерса. Это не была обычная папка с колонками цифр и машинописными отчётами. Помимо нескольких напечатанных листков она содержала газетные вырезки, фотографии и писанные от руки листки бумаги различного формата. Сразу после окончания сове-

щания, сэр Джеймс углубился в изучение материалов о будущем вице-президенте Гвиании. Он так увлёкся, что не заметил, как пролетело время: настолько ему стало интересно. Из пухлого досье следовало, что этот самоуверенный и хитрый политик, сменивший уже несколько раз свои политические убеждения и партийную принадлежность. Дед Йона Маджаи был богат и первым начал сотрудничать с англичанами, продавая пальмовое масло вместо рабов. Его отец гордился тем, что получил наследственный титул вождя в своём клане и установил своё влияние в низовьях Бамуанги, откуда уходили пароходы и караваны на север. Йон кроме титула и денег, дал своему старшему сыну и наследнику хорошее образование в Луиском университете, что принесло его сыну диплом инженера-строителя. Конечно, его папаше Йону пришлось в свое время раскошелиться, чтобы администрация университета закрыла глаза на кое-какие пробелы в знаниях Джеймса, но посвящать свою жизнь возне на строительных площадках молодой Маджаи не собирался. Не хотел этого и его папаша.

– Зачем образованному человеку работать? – искренне удивлялся он. – Ведь даже шофёр не моет машину сам, а нанимает мальчика. В нашей стране, слава богу, еще хватает людей, которые ничего больше не могут, как только работать...

Протекция и дополнительные концессионные привилегии на территории племени открыли молодому инженеру путь на работу в одну из местных фирм, принадлежащую, естественно, англичанам. И тут так удачно начатая карьера вдруг прервалась: как-то молодой Джим решил набить физиономию своему коллеге-англичанину, когда тот насмешливо усомнился в том, каким способом он приобрел свой диплом. Его противник оказался неплохим боксером и смог постоять за себя. К тому же он оказался джентльменом: расквасив нос своему противнику, он протянул ему руку и предложил выпить в знак примирения: все-таки в те времена не каждый из гвианцев осмелился бы поднять руку на европейца, а европейцами считались все светложие, кроме индусов, сирийцев и ливанцев. Они выпили в соседнем баре и расстались друзьями. Однако кто-то из доброжелателей донес в дирекцию об этом инциденте, и папаше Йону рекомендовали на время отправить несдержанного наследника куда-нибудь подальше от Гвиании, хотя бы в Лондон. Так Джим оказался в Ройял Халловее, где учились дети туземных владык из британских колоний и протекторатов. Вождь Йон сделал выводы из случившегося, а, чтобы сынок не бил баклуши, определил его на факультет права. Джим должен был вернуться на родину адвокатом. Эта профессия считалась в Гвиании самой почетной. Ещё во время учёбы в Англии имя Джима Маджаи гремело в кругу гвианийских студентов. Он приехал в Лондон героем и сразу стал одним из лидеров землячества.

Через некоторое время Йону сообщили, что его отпрыск увлекся социалистическими идеями, однако он нисколько не удивился и не возмутился.

– Это, – сказал он в кругу семьи, – очень хорошо. Пусть перебесится там, за морем, а сюда возвращается солидным человеком. Не надо бить посуду в собственном доме.

Так оно и случилось. Джим довольно быстро пришел к выводу, что коммунисты – либо чудаки, либо просто неудачники. А он жаждал удачи, славы! Ему было обидно, что после драки с англичанином не англичанину, а ему пришлось покинуть родные края и отправиться в холодный и мокрый Лондон. Получив диплом бакалавра права, Джим вернулся на родину, где учредил собственное вербовочное бюро, где набирал молодых соплеменников на стройки страны. Не прошло и года после этого, как его папаша по странному стечению обстоятельств прожил недолго. Он оставил сыну титул вождя, три большие фермы, несколько доходных домов в Луисе, а также солидный банковский счет и большой пакет акций, инвестированных в солидные британские компании.

Когда дело шло к получению Гвианией независимости, тридцатилетний адвокат решил вдруг заняться политикой. В стране вдруг появилось превеликое множество различных партий и организаций, объявивших себя врагами колониализма: их состав был самый разнообразный: от племенных вождей и преуспевающих бизнесменов до мелких лавочников и чиновников.

Большинство же населения просто не понимало о чём идёт речь: поиски заработка занимали их повседневную жизнь, а голод и нищета были их постоянными спутниками. Молодой Маджаи примкнул к «Действующей партии», в которую объединились все его соплеменники. Их верховный вождь Колоко отнесся к нему благосклонно: ему нужен был помощник с юридическим дипломом. Уже через три года Джим Маджаи был генеральным секретарем «Действующей партии» и вторым лицом после вождя Колоко. Затем он стал членом парламента и вкусил от власти. Как-то он помог получить лакомый подряд от провинциального правительства на постройку новой дороги, другой раз – добыть на расширение государственных плантаций гевей – дерева-каучуконоса, третий – на... В его власти оказалось такое множество доходных возможностей, что благодарность от облагодетельствованных бизнесменов широкой рекой лилась на его счета. Все это здесь было в порядке вещей. У каждого, кто хоть как-нибудь соприкасался с властью, появлялись фабрики и дома, росли счета в банках, а дети отправлялись учиться за границу. Поэтому никто не удивился, когда генеральный секретарь «Действующей партии» стал совладельцем нескольких фабрик. На одной из них собирали радиоприемники из деталей, поступающих из-за моря. Продукция считалась «местной» и налогами не облагалась. Компаниям Маджаи стал Фредерик Браун, тот самый англичанин, с которым он повздорил много лет назад. Но все же не одни лишь деньги влекли Джима. Никто не был так щедр на праздниках, никто так ловко не наклеивал на потные лбы танцоров, приглашенных, чтобы повеселить собравшихся, новенькие пятифунтовые бумажки – целые состояния, например, для семьи бедняка. Когда об этом доносили вождю Колоко, он только шурился и добродушно говорил в ответ:

– Этот парень далеко пойдет! Вот дайте только нам получить власть...

Все, казалось, шло хорошо, пока «Действующая партия» правила в «своем районе. Когда приближалась официально намеченная дата получения Гвианией независимости, Маджаи понял, что его нынешнему положению приходит конец. Это было связано с конституцией Гвиании, которую подготовили британские власти. Ознакомившись с её проектом, Маджаи понял, что при любом исходе выборов представители северных округов будут иметь в парламенте абсолютное большинство мест. Когда британский флаг уже давно был торжественно спущен на городском стадионе Луиса, а премьер-министр из Северной Партии поселился на вилле рядом с финансовым магнатом, купившим место министра хозяйства, «Действующая партия» перешла в оппозицию. И тут генеральный секретарь «Действующей партии» сообщил полковнику Роджерсу, возглавлявшему службу безопасности доминиона, что оппозиционная «Действующая партия» готовит государственный переворот. Лидер «Действующей партии» Колоко и его ближайшее окружение оказались за решеткой. Главным свидетелем обвинения на процессе, готовящемся против них, должен был выступить Джим Маджаи. Депутаты «Действующей партии», неискушенные в политике, решили расчитаться с ренегатом наипростейшим способом: когда он появился в парламенте, они накинулись на него с кулаками. Потом, уже после суда, надолго упрятавшего вождя Колоко и его сподвижников за решетку, Джима били еще несколько раз – просто прохожие, узнававшие его на улице. Однажды у него даже чуть не сожгли автомашину, но вмешалась полиция. Кое-кто обещал застрелить его при первой возможности. Но тут произошло самое интересное: Маджаи выступил перед коллегами и предложил им объединиться с северянами. Так возникла Объединённая Демократическая Партия Гвиании. У Джеймса появилась привычка скрывать свое местопребывание – он не ночевал в одном и том же своем доме больше двух ночей подряд. Кроме того, он нанял телохранителей и окружил свою виллу в Луисе массивной стеной. Его «Демократическая партия» вступила в коалицию с правящей. И хотя на последних выборах в парламент избиратели дружно проголосовали против него, Джим не пал духом. Премьер-министр назначил его сенатором и вручил ему для начала портфель министра информации.

Новый виток карьеры Маджаи начался после того, как он был направлен в Лондон на переговоры об изменении юридического статуса Гвиании: доминион превратился в республику. Официальным главой делегации был огромный северянин с большим животом, с круглым детским лицом и писклявым голосом. Но уже в первый же день британские дипломаты заметили, что он во всем слушается другого члена делегации, плотного человека с чуть косящими умными глазами и рысьими усиками. Он говорил по-английски с кембриджским акцентом и сыпал юридическими терминами не хуже опытного барристера. Переговоры прошли успешно и вскоре лидер объединённых демократов Симба стал президентом, а вместо стилизованного «Юнион Джека» на сине-белом флаге Гвиании появились две скрещенные панги. Вскоре он возглавил секретариат президента. Смерть престарелого главы государства лишила его влияния в президентском дворце, а дальнейшие интриги северян постепенно отодвигали Маджаи на второй план. Действия его противников были настолько примитивны, что он даже забавлялся этим. После скандального дела Околонго, положение Джима сильно осложнилось: на промежуточных выборах он с трудом сохранил своё место в парламенте. Несмотря на это, Маджаи не расстался с мечтой достичь вершины власти: он постоянно интриговал, подкупал, одаривал. Поэтому не удивительно, что во время военного путча он оказался в рядах заговорщиков.

Восемь лет назад сорокадвухлетний Джим Маджаи стал кем-то вроде политического советника главы Военного правительства генерала Дугласа, ему подчинялись одновременно министерства иностранных и внутренних дел, хозяйства и информации. Он взялся за дело со всей своей энергией. Он носился по городу на военном «джипе», окруженный охраной, выступал по радио, принимал послов. Бывшие министры и видные чиновники свергнутого правительства трепетали при одном его имени – он лично возглавлял и комиссию по расследованию их деятельности, и другую – по подготовке новой конституции. Затем последовал новый военный переворот и всесильному советнику пришлось бежать за границу, поскольку газетчики вскрыли его связь с британской разведкой. Он присоединился к сепаратистам юга и какое-то время даже был советником полковника Бохана, возглавившего мятеж. Когда военное правительство провозгласило политику национального примирения, Джеймс Маджаи вернулся на родину. В переходном правительстве майора Ниачи занимал пост министра информации и считался его верным союзником. Однако, это не помешало ему выдвинуть свою кандидатуру в президенты, подняв знамя «Новой Действующей Партии». Его поддержали многие традиционные вожди Запада и Юга, а также группа интеллигентов Севера. В результате Ниачи и поддерживавшие его радикалы не смогли набрать необходимого большинства в первом туре...

Сразу после обнародования результатов голосования выяснилось, что в парламенте у Маджаи сформировалась довольно внушительная группа сторонников. Когда радикалы попытались отложить выборы президента, они пустили в ход кулаки и собственные кресла. Разыгравшееся сражение удалось прекратить лишь службе безопасности, которая с помощью слезоточивого газа разогнала разбушевавшихся «представителей народа». Спасаясь от дубинок и газа, они стали выпрыгивать прямо из окон, к превеликому удовольствию собравшихся зевак. Всё это широко освещалось в свободной прессе и не добавило авторитета переходному правительству. Самому Джеймсу расквасили нос и посадили под глаз здоровенный синяк. Правительство распустило вновь избранный парламент, а Маджаи призвал своих сторонников голосовать за Околонго во втором туре, чем обеспечил ему небольшой перевес по голосам и победу на президентских выборах.

Раздался гудок селектора: миссис Кук сообщила о появлении его будущего зятя по какому-то неотложному делу. Мэнсон с большим сожалением оторвался от чтения и удовлетворённо пробормотал:

– Наконец-то в поле его зрения появился вменяемый африканец! Ещё и мой тёзка!

– Извините, сэр? – переспросила секретарь. – Я не поняла какой африканец и Ваш тёзка, сэр?

– Это не вам, мисс Кук! Пригласите Мартина... – сэр Джеймс с сожалением закрыл папку и положил её в ящик своего письменного стола и повернул ключ в его замке.

После разговора с Лорримаром Бенъярд посетил аэропорт Кларенса. За два месяца здесь произошли кардинальные изменения, удивившие его настолько, что он на некоторое время лишился слов. Словоохотливый начальник аэропорта Моксан провёл его по вновь отремонтированному зданию, показал пустующую площадку для стоянки самолётов, заправочные танки и диспетчерскую вышку.

– Сегодня ждём очередной рейс «Сабены», – сказал дежурный. Пилот сообщил, что через час будет в пределах видимости нашего радара.

– У вас есть радар, мистер Моксан? – удивился Бенъярд.

– Да, сэр, – с воодушевлением произнёс начальник аэропорта. – Он, правда, слабенький, но в радиусе двадцати пяти километров мы можем засечь приближающийся самолёт.

– Откуда он взялся?

– Остался с прежних времён. Его, конечно, эксплуатировали на износ, но механик его починил.

– Какой механик, Ваш?

– Нет, мистер Бенъярд. – Это компаньон Сержа Компана, итальянец. Разве вы не в курсе?

– А! Они уже приехали.

– Не все, сэр. Только двое. Их самолёт задержали в Лусаке. Что-то не так с документами.

– Что за самолёт?

– Сто четвёртый «Доув». Я уже отправил в Замбию необходимые материалы, так что его сегодня или завтра выпустят, – гордо произнёс Моксан. – Это будет первый частный самолёт нашей страны.

– Прекрасно, продолжайте в том же духе. Где мне найти мистера Компана?

– Он сейчас находится в ближнем ангаре: там проходят профилактику наши «мини-коны». Вас проводить?

– Нет, занимаетесь своими делами, мистер Моксан.

– Да, сэр.

Бенъярд спустился с вышки и побрёл через лётное поле к ангарам. Краем глаза он видел, как начальник аэропорта говорит с диспетчером о чём-то очень важном. Триста метров быстрым шагом по открытому полю под жарким полуденным солнцем немного вымотали Генри. Он очень обрадовался, когда достиг тени, отбрасываемой аркой ангара. Здесь было также душно, но, по крайней мере, не палило солнце. После яркого солнца Генри не сразу смог в полумраке сфокусировать зрение. Когда оно вернулось к нему, прошло только пару минут. В ангаре не было так темно, как ему показалось сначала: горели лампы дневного света. Они освещали силуэты двух шведских самолётиков. Один из них был накрыт чехлом, а вокруг второго копошились несколько человек. Руководил ими чумазый и очень лохматый тип в промасленном комбинезоне – белый, то ли испанец, то ли итальянец. Он первый заметил посетителя и поприветствовал его:

– Буоно джорно, сеньор. Меня зовут Роберто Пецци. Чем обязан?

– Добрый день, Генри Бенъярд. Я ищу Сержа Компана.

– Он проводит теоретические занятия с местными авиалюбителями, – улыбнулся Пецци, – а я – его коллега. Помогаю готовить эту машину к вылету. Желать всё равно нечего – наша голубка застряла в Лусаке. Местные власти утверждают, что она была приобретена с нарушением закона. Я сам подобрал этот хлам на свалке и сделал из него конфетку. Что же тут незаконного?

– От имени правительства Зангаро благодарю за помощь...

– Не надо благодарностей, мы ведь работаем не бесплатно, – беззаботно произнёс итальянец и, увидев озадаченное лицо собеседника, пояснил: – Мистер Моксан платит нам по сто пятьдесят франков в день за то, что мы учим его людей...

– С Моксаном я разберусь потом, – подумал Генри и с иронией в голосе спросил Пецци: – Так где у вас тут курсы начинающих пилотов?

– В дальнем ангаре, сеньор. Мсье Компана проводит тактические занятия.

Серж был настолько увлечён рассказом, что не заметил вошедшего Бенъярда. Зато это сделали оба его ученика – Ранри и Тербел. Увидев президентского конфидента, они вскочили со стульев и вытянулись по стойке смирно.

– Надеюсь, что Вас не отвлекаю, господа, – мягко произнёс Генри.

– Господин майор, мы, как раз, заканчиваем наши теоретические занятия. После обеда будет первый тренировочный полёт.

– Кто из вас сегодня летит, господа? – спросил Бенъярд курсантов.

– Я, – смущённо ответил Ранри.

– Смотри, не повреди самолёт...

– Да, сайя...

– Мсье Компана, у меня к Вам есть предложение.

– Внимательно слушаю, господин министр!

– Наше правительство хочет, чтобы Вы возглавили наши ВВС. Получите временный чин майора, оклад, содержание...

– Но у меня частная фирма...

– Никуда она не денется. Обещаю, что как только Вы обучите наших пилотов, дадим Вам отставку. Всё равно вы с коллегой пока бездельничаете. Кстати, моё предложение касается и его...

– Мне надо подумать.

– Подумайте, мсье Компана. Мы можем предоставить вашей авиакомпании ряд привилегий...

– Каких?

– Знаете, я не сильно разбираюсь в авиационных перевозках, поэтому сформулируйте свои предложения сами. Наше правительство рассмотрит их и на определённых условиях утвердит. Только не перегибайте палку.

– Хорошо, господин министр. Я подумаю и завтра дам ответ...

Следующим вечером президент Республики Зангаро утвердил особый статус чартерной компании «ЗАЛ – Зангарские авиалинии». Серж Компана и Роберт Пецци были мобилизованы и получили временные звания майора и капитана, соответственно. Для проживания им был выделен отдельный коттедж недалеко от аэродрома, куда они перевезли вещи из «Индепенденса».

– Подумать только, – сказал Пецци, отдавая Гомесу ключи от номера, – я – капитан ВВС. Моя мама никогда не поверила бы в это.

– Так напиши, ей!

– Она умерла пятнадцать лет назад!

Первый штурм

Бенъярд прибыл на Акуку только к вечеру тринадцатого сентября. Предыдущие дни он тщательно инспектировал гарнизоны и расспрашивал жителей. В общем, картина вырисовывалась достаточно радужная: и бакайя, и, ибо, и ливанцы поддерживали новый режим. Все их надежды сфокусировались на новом правительстве: они надеялись, что новые хозяева Кларенса обеспечат им сносное проживание без грабежей и погромов. Вместе с тем, многие из них не собирались защищать новый режим. Общее мнение высказал престарелый рыбак из Турека:

– Что у меня можно забрать? Лодку? Я построю новую! Сеть? Я сплету новую! Жизнь? Я ею уже не дорожу!

Более молодые жители прибрежных равнин предпочитали отмалчиваться. Это было понятно: все они помнили о завтрашнем дне...

Объехав южную часть Прибрежной дороги, Бенъярд оказался у моста через Зангаро. Зинга, умудрённый опытом комендант блокгауза, посоветовал:

– Майор, не надо Вам ехать на северную заставу. Пошлите лучше Филха с парой моих бойцов, а то ненароком что-нибудь может случиться.

– А что там может случиться?

– Всякое. Ходят разные слухи...

– Хорошо. Тогда я поеду на перевал.

– Подождите, сэр. Я вызову лейтенанта Кайвоко. Он всё расскажет.

Патрик приехал примерно через час. Вместе с ним в джипе находился сержант Филх. Они тепло поздоровались с Бенъярдом. Он вручил сержанту приказ о его назначении комендантом северной заставы.

– Поезжайте немедленно, сержант! Возьмите с собою двух испытанных бойцов: Вам придётся несладко...

– Я знаю, сэр! Спасибо за доверие, – Филх крепко пожал руку Бенъярду. Он пожелал сержанту успехов и приказал:

– Патрик, едем на перевал пока не стемнело.

– Да, сэр!

По дороге лейтенант рассказал о том, как, организована защита перевала. Она состояла из четырёх линий обороны, состоящих из цепи огневых позиций, заграждений различного вида и укрытий. Самая сильная линия укреплений – первая: она наиболее хорошо укреплена и оборудована с инженерной точки зрения. Чуть повыше – на несколько сот метров вдоль естественного бруствера шла вторая линия обороны. Третья позиция располагалась на лобовой стороне склона. Она представляла собой цепь стрелковых ячеек с двумя выдвинутыми вперед пулемётными гнездами. Они позволяли вести анфиладный огонь по наступающим. За гребнем перевала в стороне, обращенной к морю, располагались последняя позиция. Она состояла из паутины естественных и искусственных баррикад, сложенных из латерита, известняка и песка. Всё это сооружалось лейтенантом Кайвоко на протяжении нескольких недель под общим руководством полковника Шеннона.

Когда Бенъярд прибыл в распоряжение экспедиционного отряда, то обнаружил полный бардак. Как старший по званию он созвал совещание старших офицеров и потребовал доложить обстановку. Он сразу понял, что формальный начальник обороны капитан Мозес Нис ничего не смыслит в военном деле и обороной перевала руководит лейтенант Вижейру, а все его начинания поддерживает Эйнекс. Для того, чтобы лейтенант Кайвоко не мешал, ему дали в подчинение три с половиной десятка добровольцев. Они были приведены капитаном Нисом из Турека и вооружены старыми винтовками. Несмотря на явную обструкцию, Патрик рьяно взялся за дело и приступил к обучению турекцев. Благодаря Дженсену ему удалось вооружить

своих бойцов автоматическим оружием. Дело осложнялось тем, что рекрутов постоянно отвлекали на строительные работы: они рыли дополнительные окопы, дробили камни для завалов или складывали их в нужных местах. Остальные бойцы экспедиционной роты распределялись следующим образом. Десять самых обученных бойцов обслуживали оба шестидесятимиллиметровых миномёта и радиостанцию. Они подчинялись непосредственно лейтенанту Вижейру. Остальные жандармы были разбиты на два взвода по три отделения. В каждом из них было по десять человек. Они имели на вооружении пулемёт, два пистолета-пулемёта и семь маузеровских винтовок. Две из них были оснащены ружейным гранатомётом, а одна – оптикой. Четыре отделения занимали первую линию обороны, одно находилось в резерве, а шестое – перекрывало козью тропу, ведущую в обход седловины с юга. Следить за ней был назначен лейтенант Эйнекс.

Четырнадцатое сентября до полудня ничем не отличалось от предыдущих дней. Утром Генри поднялся на свой наблюдательный пункт и стал рассматривать подходы к перевалу в бинокль. Перед ним лежала совершенно пустынная местность. Кое-где торчали опустевшие шалаши пастухов и хижины брошенных сензалов: ему хотелось думать, что враг не появится и тревога является ложной. Полный надежд, Бенъярд ушёл в штаб позавтракать. После ланча он вместе с капитаном Нисом начал обходить секторы обороны. Инспекция оказалась неожиданной для защитников перевала: многие из них оказались не на месте. Увидев начальство, лейтенант Вижейру засуетился, стал раздавать громкие команды. Минут через десять порядок в окопе был восстановлен: все бойцы заняли свои места. Бразилец отрапортовал на ломанном английском о готовности к бою и предложил сопроводить начальство.

– Проверьте оружие, лейтенант, – снисходительно посоветовал ему Бенъярд. – А мне дайте в качества проводника солдата потолковее. У Вас, надеюсь, такой имеется?

– Да, сайя! Капрал Пипер Вам всё тут покажет.

Первая линия окопов была так хорошо скрыта, что, её можно было обнаружить только оказавшись выше. Такой возможности у противника не было, разве что кто-нибудь из них взобрался бы на высокую пальму на противоположном краю седловины. Несмотря на некоторые недочёты, осмотр позиций вполне удовлетворил Бенъярда. Особенно его впечатлили как и прорубленные в кустарниках и мелколесье секторы обстрела. Затем они перешли на южный фланг. Этот участок из-за открытого и довольно крутого подъема был менее угрожаем, нежели седло перевала или восточное ущелье. Потому этот довольно многочисленный гарнизон был составлен из турекцев. Это вполне отвечало его стремлению изолировать их от жандармов. Южным сектором обороны командовал бывший жандармский сержант Кедег. Это был уставший от службы медлительный человек, которому не под силу было справиться со строптивым и вспыльчивым молодняком.

Вопрос о том, кто же, собственно, командует обороной перевала, так и не был ясен. Это, по мнению Бенъярда, было серьезной ошибкой в общем плане обороны. Мозес Нис, как старший по званию, стремясь и здесь ввести почти школьные порядки, важничал и с первого же дня стал предметом насмешек. К большому сожалению, он не сумел внушить подчинённым уважения. А потому, совершенно естественно, бразды правления перешли в руки самой сильной здесь личности, а именно Карлуша Вижейру. Они вернулись на командный пункт около полудня. Прошло всего несколько минут: им даже не успели сварить кофе, как примчался вестовой: на дороге ведущей от Буюнги к перевалу видны клубы пыли. Они сразу же бросились на энпэ: противник приближался! Много солдат! Целых четыре отряда! Их сопровождало большое облако пыли...

С наблюдательного пункта было хорошо видно, как солдаты противника сворачивают на дорогу, ведущую к перевалу: на их пути находился покинутый сензал. Несмотря на жару, все четыре подразделения мерно шагали, соблюдая дистанцию и сохраняя строй. Каждое из них

насчитывало человек тридцать-сорок. Минут через пять на наблюдательный пункт поднялся Кайвоко с биноклем и стал комментировать обстановку:

– Это регулярные войска, а не партизаны: смотрите как они идут!

– Да, вижу. Их, вероятно, не менее двух пехотных рот...

– Лазутчики сообщили, что у них только лёгкое стрелковое оружие, – деловым тоном сообщил Кайвоко. – В составе колонны – трое или четверо белых, по-видимому, инструкторов, а командует отрядом офицер в чине от майора до полковника.

– С чего вы взяли, лейтенант? – поинтересовался Бенъярд.

– По погонам и шевронам. У старших офицеров они другие, чем у младших...

– Что вы о них думаете? – подал голос Нис.

– Возможно, это обстрелянные бойцы. Посмотрите, как дозорные несут свои винтовки...

– Как?

– На изготовку. Так, чтобы их сразу было можно пустить в ход. Да и лишнего груза на них вроде нет!

Бенъярд стал рассматривать хвост колонны. В сотне метров за ней едва плелась толпа примерно из сотни человек. Появление чуть ли не в трёх сотен человек несомненно указывало на то, что целью колонны является перевал.

– Что планируете предпринять, Мозес?

Несмотря на свои капитанские погоны, бывший рыбак только покачал головой и развёл руками:

– Подпушу поближе и прикажу стрелять!

Услышав столь прямолинейное решение, Кайвоко зашипел от возмущения и отвернулся. Поняв, что Нис не способен руководить боем, Бенъярд принял командование на себя. Ранее шипевший от негодования лейтенант вдруг одобрительно кивнул и стал сверху показывать сектора обстрела. Свой рассказ он сопровождал рисунками, которые чертил прутиком на латеритовой пыли, обильно покрывавшей утёс, на котором располагался наблюдательный пункт. На наблюдательный пункт прибежал взмыленный Вижейру, а за ним неспешно появился Эйнекс. Он был одет будто с иголки: ботинки были до блеска начищены, ремни и портупея подтянуты. В руке он держал стек:

– Они идут! Какие будут распоряжения, господа?

Вижейру попробовал начать давать указания, но Бенъярд его перебил. При молчаливой поддержке Кайвоко он стал объяснять офицерам план боя. Это заняло всего несколько минут. Убедившись, что все поняли свои задачи Бенъярд впервые за этот день отдал приказ:

– Господа, приготовиться к отражению атаки!

Капитан Нис с облегчением вздохнул:

– Майор, я пойду на резервную позицию. Я там нужнее.

– Идите, куда хотите, – перераспределять бойцов и назначать командиров заново Бенъярд не решился: в канун решающего боя это вызвало бы путаницу и лишние осложнения.

Тем временем, противник сделал небольшой привал. Командиры – человек семь-восемь – расположились на холме и стали рассматривать дорогу. К счастью, солнце уже склонялось к северо-западу, и оптика не играла бликами, выдавая расположение. Ровно в два часа колонна уверенно двинулась на северо-запад к подножью перевала. Вероятно, их вели опытные проводники. Впоследствии выяснилось, что это были бойцы, сбежавшие из засады, устроенной Рольтом. Когда колонна достигла подъема, командир выслал вперёд разведку: в бинокль Генри было отлично видно как солдаты осторожно прошли поворот в том месте, где была устроена засада, а затем прочесали все окрестные склоны. За ними начинался косогор. Выйдя на него, противник рассыпался в две цепочки, которые медленно поползли вперёд. Даже не столь искушённому в военном деле Бенъярду стало ясно, что противник пытается захватить перевал с ходу. Майор подал сигнал Вижейру: он уже поднял жандармов по тревоге и стал раздавать

четкие указания. Было видно, что многие действия бойцов уже были тщательно отрепетированы: они без спешки выдвигались на позиции, занимая заранее подготовленные места. Бенъяд перешёл на передовую линию обороны, где уже находись Патрик и Раффи. Они ещё раз обошли позиции, проверяя пулемёты. По пути они давали последние указания:

– Враг не подозревает, что мы здесь окопались. Необходимо подпустить его на полсотни шагов. Без приказа огня не открывать! Всем следить за мной и командиром. Когда будете нажимать спуск, старайтесь не дышать. Ни одного выстрела мимо! Целиться только в туловище. Берегите патроны, если они закончатся, то мы погибли. Даже если бой будет длиться трое суток, все равно патронов больше никто не получит...

Бенъяд отправил Вижейру на вторую линию обороны: там должны были находиться турецкие рекруты и оба миномёта. Два стрелковых отделения разместились на третьей линии, заняв оба пулемётных гнезда. Одним из них командовал Тебен Эйнекс, а другим Мозес Нис. Впервые со времён Биафры сердце Бенъярда застучало так громко, что он некоторое время не мог взять себя в руки. Это было не волнение, охватывающее бойца перед боем, скорее, это было сознание обречённости. Оно длилось несколько минут, показавшихся часами. Он попытался совладать с собой, подавив эмоции, так, чтобы никто ничего не заметил. Когда дозорные сообщили о подходе кимбистов, нервное напряжение мгновенно исчезло. Жандармов вдруг охватило непонятное веселье, – очевидно, это было то возбуждение, какое появляется у человека во время большой опасности. Их гримасы и ужимки неожиданно рассмешили Бенъярда. Он уже не боялся битвы, а жаждал её. Шаги вражеских солдат слышались все ближе, треск ломаемых веток и стук камней звучал все громче, ибо наш противник не ведал об опасности. Уставшие после длительного подъема кимбисты еле двигались вверх по склону, не соблюдая строя. Мало-помалу они заполнили ложбину, находившуюся прямо перед седловиной перевала. Они не скрывались: вероятно, командир отряда, его советники и офицеры были глубоко убеждены, что им предстоит чисто полицейская операция, а никак не боевая. В противном случае инструкторы непременно настояли на мерах предосторожности, предписанные тактическим уставом: выслать головной и боковые дозоры и выставить охранение. Болтая, смеясь, закуривая, кимбисты толпились в ложбине, отдыхая после долгого подъема. Было около трёх часов пополудни. На наблюдательный пункт прибежал Вижейру. Шипящим шепотом, сопровождаемым оживленной жестикуляцией, он пытался убедить Бенъярда атаковать – надо, мол, окружить кимбистов, отрезать им пути отхода и перебить. С искаженным лицом Генри зажал советнику рот и оттолкнул его. Вижейру отпрянул и удивлённо посмотрел на майора, у которого после этой стычки возбуждение перед боем сменилось ледяным спокойствием. Он притянул бразильца за рукав и притянул к себе.

– Не время, – прошептал Бенъяд. – Подожди.

– Понял, – кивнул советник и так же быстро ретировался на миномётную позицию.

В этот момент командир колонны снял свою панаму и стал вытирать пот со лба. Младшие командиры толпились рядом. Разглядывая небольшую карту, они довольно беспорядочно спорили и перекликались, пытаясь определить местонахождение противника. В бинокль было хорошо видно, как к полковнику в вразвалочку подошёл один из инструкторов и стал что-то втолковывать. Он энергично размахивал руками, а его солнечные очки в тонкой металлической оправе съехали с переносицы и блестели в лучах солнца. Спор вокруг карты поутих. Вероятно, советник требовал провести рекогносцировку местности и пустить вперёд разведку, а командир колонны возражал. Не без чувства некоторой симпатии Бенъяд изучал покрытое загаром лицо инструктора: широкое, смуглое, вроде бы доброжелательное. В конце концов он махнул рукой, отдавая какой-то сигнал. Завидев его, солдаты противника вновь развернулись в две линии и стали медленно подниматься вверх, одна в затылок другой. Пройдя косогор, кимбисты вышли на плоскую террасу, опоясывавшую гору и выстроились на ней, будто на казарменном плацу: младшие командиры выскочили вперед и рапортовали трём старшим: полковнику

и двум белым инструкторам. Но вот и он достал ракетницу и высоким негромким голосом скомандовал, безбожно коверкая савинду:

– Примкнуть штыки! Приготовится к бою!

Волна разнообразных звуков прокатилась по шеренгам: стук, лязг, скрип. Полковник дождался, когда всё стихнет. Подняв ракетницу над головой, он выстрелил из неё красной ракетой в направлении седла перевала:

– Вторая и третья роты, врассыпную, за мной!

Стоявший рядом с ним другой инструктор, совсем мальчишка, выстрелил зелёной ракетой в направлении обходной тропы и отозвался эхом:

– Первая и особая роты, вперёд! Врассыпную!

Беньярд оглядел окопы: их глубина доходила многим бойцам до груди. Бруствер, за которым прятались его пулемётчики и стрелки, был кое-как замаскирован. Ничего не подозревавшие кимбисты рассыпались широким фронтом и медленно поднимались все выше и выше. Шаг за шагом, очень медленно враг продирался через мелкий кустарник, разросшийся перед окопами. Один из командиров взводов, закурил вторую сигарету и неожиданно остановился, заметив свежевыброшенную землю впереди. Когда Беньярд поднял руку, все взоры устремились на него. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал – вражеский окоп! Эта мысль показалась ему столь невероятной, что прошло еще несколько секунд, прежде чем он крикнул:

– Ложись! Ложись!

Но было уже поздно. Первый выстрел грянул ещё до того, как командир опустил руку. Следом за ним застрочили оба пулемёта. Пожелтевшие от засухи листья, осколки придорожных валунов, комья латерита и щепки летели вихрем. Горное эхо перебрасывало лай пулемётов со скалы на скалу; он отскакивал от отвесных скал, шарахался с размаху на дно ущелий, падал, подымался, звучал то глухо, то нарастал до оглушительного треска. Эхо и автоматные очереди многократно приумножали и раскрашивали его. Затем автоматическому оружию стали вторить выстрелы из винтовок. Они били реже, отрывистее и жёстче. С треском рванули несколько гранат, подняв облако пыли. Жандармы стреляли так, будто находились в тире: спокойно и уверенно. Выстрелы следовали один за другим, бойцы перезаряжали своё оружие без спешки и суеты: у них было время выбрать цель. А так как их жертвы находились в полнейшей растерянности всего в нескольких десятке шагов, ни один выстрел не пропадал даром, ни одна пуля не пролетала мимо.

Вокруг повстанцев свистели пули и щебень, но они всё ещё находились в полном оцепенении. Наблюдательный вражеский командир скомандовал еще раз:

– Ложись! Ложись! – Вдруг, с удивлением посмотрев на небо, он осел на землю. Его солнечные очки соскользнули с носа, он повалился на бок. словно по команде, с повстанцев слетело оцепенение: издавая дикие крики, они бросились вниз по склону, оставляя убитых и раненых, включая своего командира. Более поспешное бегство противника Генри видел только раз в жизни: во время атаки Оничи в Биафрийскую войну. Убедившись в отступлении противника, Раффи отдал вместо Беньярда новый приказ:

– Всем разойтись по местам! Капралам доложить о потерях и наличии патронов!

Доклады были короткие: потерь нет, патронов – достаточно. Это было даже удивительно: перед боем стрелкам первой линии раздали по дюжине обойм. Выходило, что винтовки первой линии сделали всего по двадцать выстрелов!

Раффи ходил по ходам сообщения и покрикивал на жандармов:

– Не стрелять! Хорошо укрыться! Ждать, когда подойдут поближе! Берегите патроны! Наша задача: заманить и уничтожить врага. Соблюдение полнейшей тишины и надежная маскировка – неременное условие успеха!

Беньярд подключился к командованию: он тут же отправил на фланги вестовых. Их стрелки, не принявшие участие в бою, рвались в атаку. Его приказ гласил:

– Тот, кто посмеет хотя бы высунуть голову или выстрелить без приказа, – предатель!

Некоторое время спустя кимбисты смогли организовать оборону. Они заняли подлесок и установили в нём пулемёты. Минут через десять после первой атаки по позициям жандармерии был открыт сосредоточенный огонь. Пули били по верхнему краю бруствера, поднимая густые облака пыли. Белый попугай, испуганный выстрелами, с криком взлетел на скрюченную солнцем пальму, но сорвался и тяжело ударился о землю: его разорвала пуля. Полковник и оба инструктора пинками и прикладами тщетно пытались поднять своих людей в атаку. Их подчинённые потеряли боевой запал: они изредка постреливали в сторону седловины.

Тем временем, два взвода, посланные в обход, поднимались все выше и выше. Растянувшись в линию, они стали искать прикрытия даже в самых неподходящих местах – в редком сосняке, за каменными завалами, в сухом кустарнике. В нём они установили свои пулемёты и открыли оттуда бешеную пальбу. Впрочем, она не причинила оборонявшимся ни малейшего вреда: только изредка пули пролетали рикошетом над головами жандармов, которые, повинувшись строгому приказу, лежали словно вымершие. Целый час пулемёты противника расточительно расходовали боеприпасы, после чего полковник Буасса решил повторить атаку. Теперь его бойцы атаковали четырьмя группами: две продвигались вперёд, две – держали позиции противника под непрерывным огнём. Однако, жандармы после первого штурма обрели в себе уверенность: они подпустили атакующих совсем близко и вновь устроили им кровавую баню пуще первой. В этой мясорубке приняли участие оба миномёта: они открыли заградительный огонь по рубежу атаки, внезапно накрыв последнюю волну атакующих. Опушка была разворочена настолько, что трудно было отличить части тел и обломки оружия. После такой бойни, командиры и инструкторы противника были не в состоянии удержать своих солдат, обратившихся в отчаянное бегство. Жандармы бросились было из окопов вдогонку, но тут же раздался голос Раффм:

– Без приказа ни шагу, а то пристрелю!

Не прошло и нескольких минут, как ложбина перед окопами оказалась пуста, будто ее вымели. Из подлеска слышались стоны раненых. Когда огонь окончательно стих, солнце вновь засверкало над головой. Тишина плыла над горами. Воздух был напоит запах листьев и корней. Снова стало слышно, как ручей шумит на дне пропасти. Амфитеатр гор, залитых солнцем, был выжжен зимним солнцем и угрюм, но Бенъярд улыбался. В этом бою он сделал всего пару выстрелов из своего «Кольта». Когда враг отошёл, его охватило ощущение необычайной легкости, какого-то воспарения. Все реальное вокруг обрело нереальность, как это и происходит с реальностью в ее предельном сгущении. Генри вдруг почувствовал себя так, будто только что завоевал право на жизнь, на обладание всем миром. Это был его бой и в нём он одержал победу!

Вдруг между деревьями показались солдаты противника: они были без оружия, несли с собой носилки и размахивали флагом с красным крестом. Понимая к чему, они клонят, Бенъярд выслал им навстречу Раффи в сопровождении бойца. Разгорячённый боем, вахмистр смахивал на черта, каким его изображают старинные Библии. Его глаза были налиты кровью, седые усы топорщились, из горла рвался хрип. Порой он останавливался, прижимал к обветренным губам мундштук трубы и извлекал из нее прерывистые, визгливые звуки; и эта чудовищная музыка не преминула оказать свое действие как на врага, так и на своих. Подав знак приблизиться, он крикнул кимбистам:

– Убитых и раненых забирайте. Оружие, боеприпасы, ранцы, патронташи, продовольствие, мундиры и ботинки – оставить!

Под угрозой оружия кимбисты сами раздели своих убитых и раненых, оставив их в нижнем белье, а все вещи сложили в кучу. И только после того, как последний солдат противника скрылся (это продолжалось довольно долго, они еще несколько раз возвращались), жандармы, не исключая и вахмистра, стали высказывать различные предположения. Многие из них счи-

тали, что атака полностью отбита, и противник больше в наступление не пойдёт. Бенъярд же так не думал, поэтому приказал выставить вниз по склону несколько дозоров. Четырёх жандармов во главе с Бомоко, хорошо знавшего эту местность, он послал следить за врагом. После этого Генри вызвал турецких ополченцев и приказал как можно быстрее собрать с поля боя винтовки, ранцы, магазины, мундиры и отнести все это за линию окопов. Незадолго до того, как был закончен сбор трофеев, прибежал посыльный от Ниса и сообщил, что группа солдат противника пытается войти на перевал по обходной тропе.

– Они взбираются на гору гораздо южнее, там, где наших не было и нет, – сказал посыльный. – Я вам всё покажу, масса...

Передав командование лейтенанту Вижейру, Бенъярд в сопровождении посыльного покинул окопы. С собой он взял ещё четырёх человек, уроженцев гор. Очень скоро его маленькая группа оказалась к югу от скальных баррикад. Здесь они встретили трёх жандармов во главе с капралом Пипером. Он уже несколько недель дежурил на перевале и знал здесь каждый выступ, каждый грот и каждый куст. Подобное знание местности давало Бенъярду и его людям неоценимое преимущество перед врагом, как бы силен он был. В ожидании врага, девять жандармов выбирали позиции среди расселин и выступов, установив визуальную связь друг с другом. Бенъярд расположился несколько позади них...

Но кимбисты были уже научены горьким опытом. Свои главные силы они перебросили по противоположному склону к седловине. Достигнув лесной опушки, они поспешили установить на ней пулемёты, которые сразу открыли беспорядочный огонь по передовой линии жандармов. На сей раз они не причинили никакого вреда. Тем временем, перед позицией Бенъярда появились четыре вражеских разведчика. Двигались они с чрезвычайной осторожностью и довольно неуверенно – сразу же можно было определить, что это жители гилеев, мало знакомые с горами. Они неуклюже пробирались от укрытия к укрытию, каждый раз долго выбирая, куда ступить. Видимо, их командир предположил, что уже находится в тылу у противника. Одного из своих людей он оставил у расщелины, велел подать сигнал главным силам. Несколько мгновений сигнальщик стоял и несколько бестолково махал своим кепи. Прошло довольно много времени, прежде чем появились остальные, – солдаты двигались, боязливо ступая по камням. Со стороны складывалось впечатление, что они идут не по земле, а по кипятку. Бенъярд стал рассматривать противника в бинокль и увидел знакомого советника. Подгоняемые своими командирами, кимбисты наконец достигли того места, где их поджидал передовой дозор. Они даже не успели рассредоточиться, как сразу же попали под перекрестный огонь. Выстрелы обрушились на них из пустоты: даже самые храбрые растерялись и не знали, как и от кого им обороняться. Дикий рев, стоны, крики... Поднялся великий переполох, но тут по жандармам ударил пулемёт. Ему вторили разрывы ручных гранат. Вновь зазвучала какофония боя.

– Как они успели его установить! – удивился Бенъярд, меняя обойму в своём «Кольте». Он крикнул своим людям, очень надеясь, что его услышат: – Всем стрелять по пулеметчику!

Бенъярд хорошо видел ноги пулеметчика – очень худые и кривые, в грязных обмотках и очень старался попасть по ним. Однако, характеристики его «Кольта» никак не позволяли взять правильный прицел. В отчаянии он выпустил две или три обоймы в направлении ненавистных обмоток. Вдруг вражеский пулемет затих. Генри увидел, как его противник привстал, упал на бок и покатился по крутому склону, точно зеленый мешок. Он докатился до куста опунций и застрял в нем. Несколько секунд он дёргался, но потом затих. Теперь стреляли только винтовки и «шмайсеры» жандармов. Складывалось впечатление, что кимбисты забыли, что вооружены. Спасаясь от пуль, они бестолково суетились среди каменных глыб, беспомощно прижимались к скалам, цеплялись за колючий кустарник, толпились над обрывистой кручей: некоторые из них сорвались вниз и падали с диким криком, кувыркаясь и подсакивая, словно мячи. Пока добивали отставших, основная группа кимбистов пыталась кратчайшим путем выбраться из смертельного лабиринта скал. Вражеские солдаты по приказу инструктора скатывались с кручи, не

разбирая дороги и стремительно разворачивались в цепь, отвечая жандармам редкими выстрелами из винтовок. Стрельба у баррикады послужила для солдат противника, затаившихся на противоположном склоне у опушки, сигналом для перехода к фронтальной атаке. Под прикрытием пулемётного огня повстанцы выскакивали из чащи, палили в куда-то пустоту из винтовок и автоматов, падали, стреляли, вскакивали, бежали вперед и снова бросались на землю. В это самое время к ним присоединилась группа, вырвавшаяся из скал. Инструктор в солнечных очках остановил группу бегущих и попытался вновь погнать их в атаку. Солдаты послушались, залегли и сразу же открыли огонь. Увидев, что противник пытается развернуть фронт со стороны скальной баррикады, Бенъярд связался по уоки-токи с Вижейру и приказал выдвинуть человек пять на фланг противника. Они прибежали через несколько минут и обрушили град пуль на кимбистов, не думая ни об укрытии, ни о боеприпасах. Таким образом, прорвавшееся подразделение противника попало в огненный мешок и быстро откатывалось на исходные позиции. Будь Бенъярд немного опытней, сохрани хладнокровие, кимбисты были бы полностью уничтожены. Ну а так – им удалось уйти, прикрывшись пулемётным огнём. Хотя пять бойцов закрывали им путь и долгое время вели прицельный огонь вслед, основной части вражеской колонны во главе с инструктором в солнечных очках удалось уйти к подножью перевала. Там они встретили полковника Буассу с уцелевшими бойцами второй и третьей рот.

В какой-то момент боя Бенъярд вновь утратил контроль над собой: им овладел трепет неведомого упоения, он слушал безумные ритмы своего сердца. Из его горла рвались гортанные звуки какого-то дикого, забытого языка: будь он в трезвом уме, они привели бы его в ужас. В этот момент весь окружающий мир во сто крат стал невесомее зёрнышка, слабее колебания гитарной струны. Это была бешенная пляска в кроваво-красных отблесках автоматных выстрелов, не причинявшая боли только ему, одновременно танцмейстеру и плясуну.

– Это джу-джу, – сурово произнёс капрал Пипер. Он наклонился над извивающимся в истерике майором. Прижав его одной рукой к земле, он попытался раскрыть ему веко и посмотреть в глаз. – Сильное джу-джу. Но это его джу-джу!

– Ва-ва-ва, – закричали вокруг. Жандармы признали в Генри носителя Непознанного. Его боялись, ему поклонялись, ему верили даже христиане...

Как это ни странно, но это странное действие вернуло Бенъярда к действительности. С этой минуты, он стал следить за ходом боя уже как командующий, а не сторонний зритель. Он не только видел, но и чувствовал каждого из своих бойцов, каждого из своих врагов. Он входил в контакт с ними и внушал одним веру в себя, другим – её отсутствие...

Семь носильщиков, девять солдат и один сержант были взяты в плен. Жандармы хладнокровно, как будто это само собой разумелось, дали почувствовать им, что такое месть. Двух пленных так и не удалось спасти, но остальных пленных лейтенанты Вижейру и Кайвоко прикрыли своими телами, в то время как Нис, Эйнекс и большинство жандармов с недоумением смотрели на столь незаслуженное милосердие. Ещё долго Бенъярд и остальные офицеры убеждали разгорячённых боем бойцов в разумности и справедливости своего поступка. Все радовались этому успеху и особенно тому, что его достигли малыми жертвами. После этого на собрании офицеров наметили порядок дежурств на ночь, а всем участникам боя предоставили сутки отдыха: на позициях их заменили бойцы второй линии. Легкораненых сразу же отправили в Ханипу, но пленных повстанцев и носильщиков оставили на перевале: их решили задействовать на восстановительных и строительных работах. Рано утром в Ханипу приехал грузовичок с севера. За его рулём сидел лейтенант Слит. Бенъярд подсел к нему в кабину. В кузов погрузили раненых, пленного лейтенанта и двух охранников. По углам распилили трофеи, и автомашина отправилась в Кларенс. В десять часов утра президенту доложили, что с перевала в Кларенс прибыл грузовик. Он привез хорошие новости: кимбисты атаковали позиции жандармерии, но были отбиты с большими для них потерями. Взято много трофеев и пленных.

– Бенъярда немедленно ко мне! Я хочу знать подробности! – потребовал президент у Куомы.

– Это невозможно, сэр, – ответил мажордом. – Министр свалился как убитый. Он просил дать ему передохнуть хотя бы пару часов. Вчера весь день шёл бой, затем всю ночь подсчитывали потери и трофеи, а утром майор выехал в Кларенс на автомобиле вместе с ранеными. Когда он их доставил в госпиталь, доктор Хааг насильно уложил спать. В полдень он будет как новенький. Хорошо, Кати, свяжи меня с Хейде!

– Да, сэр!

После короткого разговора со старшим инструктором президент решил провести совещание в бывших полицейских казармах и пригласить на него министра Пренка и комиссара Хороса. Затем он вызвал по селектору Кати:

– Мисс Брегма, разыщите мне лейтенанта Слита.

– Он находится в приёмной, господин президент!

– Тогда пригласите его ко мне.

– Одну секунду, сэр.

Дверь открылась и на пороге показался Слит в запylённом офицерском мундире.

– Здравствуй, Гебе, – произнёс президент тихим голосом. – У меня к тебе только один вопрос!

– Да, сэр!

– Ты хочешь стать моим адъютантом?

Кадык рослого негра зашевелился, он вперился удивлённым взглядом в босса и не раздумывая произнёс:

– Да, сэр!

– Тогда скажи мне, пожалуйста, куда делись пошлины за проезд?

Через полчаса президент вновь вызвал по селектору мисс Брегму и приказал:

– Сообщите мистеру Раму, что расследование по уплате пошлин можно не проводить и попросите Фортуса Кана доставить пять тысяч гвианийских фунтов в наше казначейство.

Ещё через полчаса лейтенант Слит стал адъютантом.

Полуденное солнце палило немилосердно, даже морской бриз приутих. Воздух был неподвижен, небо было ясно-голубое, без единого облачка. Если долго смотреть вслед медленно парящему в небе белому альбатросу, начинало резать в глазах. Несмотря на рабочий день Кларенс казался словно вымершим в этой влажной полуденной жаре, наводившей сонную одурь как на людей, так и на животных. Но у широко раскинувшихся полицейских казарм на окраине города неумолчно гудели грузовики, тарахтели мотоциклы. На стрельбище лаляли пулеметы. На невыносимом солнцепеке маршировали кадеты; они отрабатывали штыковую атаку и бросали деревянные ручные гранаты. Наблюдавшие за занятиями инструкторы покрикивали на них, покуривая сладковато пахнущие сигареты местного производства. Звучали команды, блестели стальные каски, где-то вдали возвращавшаяся с учений команда горланила нелепую солдатскую песню про маленького зуава по имени Филибер. Вдруг какая-то волна прокатилась по гарнизону: внимание всех было обращено на блестяще-белый «мерседес», который на большой скорости проехавший через главные ворота и теперь мчавшийся к недавно построенным баракам на северной оконечности военного городка. Его сопровождали два мотоциклиста. Этот автомобиль был единственным в Кларенсе и принадлежал президенту Республики. Проехав въездные ворота, над которыми висел большой деревянный щит с ничего не говорящей надписью: «Жандармерия. Часть № 182», Окойе приказал Фортусу Кану сбросить скорость и с любопытством выглянул из окна, осматривая строения. За всё время своего пребывания у власти он ни разу не посетил главную базу жандармерии. Сначала здесь не на что было смотреть, а потом просто не было времени. Это было его первое за последний месяц посещение штаб-квартиры жандармерии.

Новоиспечённый адъютант сидел на переднем сиденье и с огромным любопытством рассматривал новостройки. Сидевший рядом с президентом Джойд Куома без умолку рассказывал о том, как строительные рабочие и заключённые с необыкновенной быстротой поставили эти низкие здания из досок и бамбука, застеклили их, проложили между ними дорожки, а потом обнесли забором. Легковая автомашина остановилась. Водитель поспешно открыл дверцу, и президент подчеркнуто браво вышел из машины. На нём был полувоенный мундир с майорскими погонами, на котором красовалась его единственная боевая награда – красно-зелёная ленточка медали Биафры. Вслед за ним вылез щеголеватый майордом. Он ещё не освоился со своей новой ролью и вёл себя несколько скованно. Приложив ладонь к козырьку фуражки цвета хаки, перед ним тотчас вырос как из-под земли капитан Хейде. Это был подтянутый сухощавый мулат среднего роста с бушменским разрезом глаз:

– Господин президент. Майор Бенъярд доставлен из госпиталя и ожидает Вас внутри.

Президент равнодушно принял рапорт. Он уже привык выслушивать своих коллег и подчиненных, отдавать распоряжения и приказы. Его военная карьера была короткой, опыт – кровавым. Два года в скрученной голодом и болезнями африканской стране привили у него предубеждение к милитаристам, представителем каковых был Хейде.

– Министр Пренк уже на месте?

– Так точно, сэр! С ним комиссар Хорос. Сейчас вызову офицерский состав. Через десять минут всё будет готово, чтобы провести совещание.

– Пригласите только офицеров, – приказал Окойе сопровождавшему его капитану. – Я хочу выслушать их мнение, а потом дам дальнейшие указания.

В указанное время все приглашённые собрались в штабном помещении. Их было немного: президент, оба министра, капитан полиции, майордом дворца, квартирмейстер, лейтенанты Слит, Тецами, Моксан, Урому и Мосаса, а также двое белых – новоиспечённый майор Серж Компана и доктор Арендт Хааг. В ожидании офицеров президент успел перекинуться парой слов с Бенъярдом, Пренком и Хоросом. Когда все собрались, Окойе ограничился кратким выступлением. Это никого не удивило: все привыкли, что он говорит точно и лаконично. Доктор Окойе вполне ясно сказал, о чем идет речь:

– До окончания сезона дождей мы должны очистить Страну Винду от повстанцев. Для нашей республики – это единственный источник доходов. Лес, каучук, кофе – все, что нужно нашему правительству, дабы уцелеть. Какие будут предложения?

– Предлагаю выслушать доклад майора Бенъярда, который участвовал в бою за перевал. Вероятно, его сведения будут нам полезны, – предложил Хейде.

– Да, пожалуй, это не будет лишним, – согласился с главным инструктором Окойе. – начинайте, господин майор. Мы вас внимательно слушаем.

Доклад государственного министра изобилует деталями и мелкими подробностями, которые заняли более часа. Не имея специального военного образования, Бенъярд даже не попытался чётко изложить ход боя и предался своим воспоминаниям. Никто из присутствующих даже не пытался его прервать.

– Вы красиво рассказываете, Генри, Вам бы романы писать, – сказал Пренк, когда Бенъярд закончил своё повествование. – Вы не могли бы дать больше конкретики? Потери, трофеи и так далее...

– Конечно, сэр, – спохватился Эйнекс. – Мы захватили сорок три маузеровские винтовки, четыре автомата ППШ, два «дегтярёва», большое количество патронов, штыков, около полусотни комплектов обмундирования, ботинки...

– А сколько человек потерял противник?

– Всего мы насчитали восемнадцать тел. Некоторые из них ещё дышали. По приказу капитана Ниса их всех добились!

– Вы расправились с беспомощными ранеными? – возмутился президент. – Это противоречит нашим принципам.

– Позвольте возразить Вам, сэр! Если бы я и мои люди попали бы к ним в лапы, то были бы немедленно перебиты, не взирая на степень наших ран, – возразил Хейде. – При этом я не уверен, что наши пленные не подверглись бы пыткам...

– Поддерживаю решение капитана, – вмешался в разговор доктор Хааг. – Тяжелораненых в тех горах всё равно нельзя было спасти, а их транспортировка ослабила бы гарнизон перевала. Скажите капитану у Вас много раненых?

– Шесть раненых, среди них ни одного тяжелого. Я их перевёл в блокгауз Виндубрюкке. Там они отдыхают и лечатся.

– Правильное решение, – кивнул головой доктор. – Это всё, что Вы нам хотели доложить?

– Да, господа! – выпрямился Бенъярд. – Я по дороге расспросил пленного офицера. Он сказал, что вслед за ними движется ещё один батальон. У него на вооружении есть базуки и миномёты...

– Вы внимательно выслушали, майора Бенъярда, господа? – прервал речь министра президент. – Я хочу выслушать ваши предложения.

Первым слово взял Пренк, некогда служивший в оперативном отделе одной из биафрийских бригад. Несмотря на то, что его положение, как правой руки президента было поколеблено, министр решил первым высказать своё мнение:

– Совершенно очевидно, что нам требуется провести мобилизацию всех наших сил! Потребуется провести набор добровольцев, мобилизовать полицейских...

– У меня осталось в распоряжении только девятнадцать человек, включая двух тюремных надзирателей, а необходимо иметь вдвое больше, – проворчал комиссар Хорос. – Остальных выгребли при формировании экспедиционной роты...

– Полегче, Керк, – осадил его шеф. – Мы вполне контролируем ситуацию.

– Только в городе и его окрестностях, – огрызнулся комиссар. – Для обеспечения порядка я бы хотел иметь штат в сорок человек, а не двадцать три...

– Это невозможно, в первую очередь, по финансовым соображениям, – прервал комиссара полиции президент. – Дженсен, что мы имеем в арсенале.

– С учётом трофеев, доставленных майором Бенъярдом, мы можем вооружить около сотни человек. Как я уже неоднократно докладывал, только две трети из них будут пригодны в бою.

– Понятно! Есть ли какие-нибудь соображения, господа?

– Да, господин президент, – вдруг произнёс Ханс Хейде. – Я предлагаю начать формирование подразделений прямо в гарнизонах, отказавшись от централизованной подготовки. Для этого у нас есть все возможности, сэр.

– Вот как?

Хейде подошёл к висевшей на стене карте Зангаро и стал тыкать в неё указкой:

– Посмотрите, господа! Наши гарнизоны весьма компактно расположены вдоль Равнинной Дороги от Кларенса до Турека. Я предлагаю в каждом из них развернуть взвод в составе тридцати человек. Унтер-офицерами в них будут жандармы, уже состоящие на нашей службе. При этом готовить мы будем не жандармов, а пехотинцев – это будет проще и эффективнее. Называться это будет резервом жандармерии, хотя на самом деле эти подразделения станут регулярной армией.

– Содержание и обучений чисто армейских подразделений дешевле, чем жандармских, – поделился своей информацией Джойд Куома. – Мне специально подготовили справку из казначейства. Хотите ознакомиться?

Небольшая папка пошла по кругу: офицеры её быстро просматривали, иногда пропуская страницы...

– И времени формирование пехоты займёт меньше, – не сдержал своих эмоций Бенъярд.
– Главная задача привлечь в наши ряды ибо, – поддержал его Хейде. – Где они рассеяны, господа? А?

– Здесь в Кларенсе, поясе плантаций... – раздались разрозненные голоса.

– Верно! – улыбнулся старший инструктор. – Поэтому я предлагаю назначить начальниками гарнизонов лейтенантов Кайвоко, Мосасу и Мэрайю, а капитана Ниса отозвать с перевала в Турек. Взвод в Кларенсе возглавит лейтенант Вижейру.

– Кто же будет командовать на перевале? – озадаченно спросил Окойе.

– Мне кажется, что лейтенанты Кайвоко и Эйнекс отлично справятся с обороной перевала, – бодро заявил Хейде. Бенъярд судорожно сглотнул:

– Мне кажется, что отзывать Ниса с перевала нет никакой необходимости. Его люди уже там, а тренирует их Кайвоко. Пришлите им только оружие: пулемёты, автоматы, базуки...

– Спасибо, майор, за важное уточнение, – вальяжно произнёс Хейде. – Я учту ваши замечания.

– Конечно, Патрик лучше справиться с обучением. У него большой опыт, – поддержал Бенъярда Пренк. – Мне нравится предложение старшего советника. Оно даёт нам призрачную надежду...

– Вероятно у нас нет выбора, – после долгой паузы согласился президент. – С созданием резерва жандармерии у Республики появится перспектива.

Все присутствующие немедленно согласились с президентом. Затем речь пошла о деталях.

– Я полагаю, что надо усилить оборону перевала тяжёлым оружием, – добавил Пренк.

– Что мы можем немедленно отправить на перевал, Дженсен?

– Пару базук, один трёхдюймовый миномёт и безоткатное орудие. Это всё, что у меня есть.

– Но пушка охраняет вход в порт!

– Я заменю её «эрликоном», ещё два я предлагаю поставить у аэропорта.

– А что с четвёртым?

– Я не смог его починить и разобрал на запасные части. Если понадобится могу сделать одну спарку.

– Это было бы неплохо, – произнёс молчавший доселе Моксан. – Аэродрому нужно прикрытие с воздуха.

– Нам тоже было нужно прикрытие с воздуха, – передразнил его Бенъярд. – Его не было. Серж Компана вступился за своего коллегу:

– Будет Вам поддержка! «Миниконов» смогут поддержать оборону перевала с воздуха, если их вызовут заранее и будет лётная погода.

– Когда вы сможете совершить свой первый боевой вылет, Серж? – иронически поинтересовался Бенъярд.

– Хоть через полчаса, майор! Если на это будет приказ господина президента! – с вызовом ответил француз.

– Не ссорьтесь, господа, – примирительно произнёс Окойе. – Капитан Хейде расскажите более подробно, что вы задумали.

– Господа, вы все прекрасно понимаете, что в случае возвращения кимбистов, первыми пострадают ибо. При помощи доктора Хаага и его персонала, я провёл предварительный опрос их настроений и выяснил, что многие из них вступят в ряды армии, если правительство даст им гражданство и землю. Господин президент, я предлагаю сделать это немедленно: и мы сразу получим несколько сотен добровольцев...

– Но подобный закон уже был принят! – возразил Бенъярд.

– К сожалению, он не действует: добровольцам закон только обещает землю и гражданство. Они их смогут получить только через шесть месяцев службы. Я же предлагаю делать это при подписании контракта: мы же ничем не рискуем в случае дезертирства – землю можно отобрать...

– Неплохо, Хейде, совсем неплохо. Даже очень хорошо. Я впечатлён, – процедил сквозь зубы Хорос, недолюбливавший рехоботера.

– Итак сколько подразделений мы сможем сформировать, капитан?

– На первом этапе это будет пять взводов: всего полторы-две сотни человек, а на втором этапе – втрое больше, но для этого нам понадобится стрелковое оружие.

– Вы можете представить списки всего необходимого, капитан, – спросил Дженсен.

– В этом нет нужды лейтенант, – ответил старший инструктор. – Пехота имеет более приспособленную для ведения боя структуру, чем жандармерия, поэтому может обходиться меньшим количеством автоматического оружия.

– И всё же, – настаивал интендант.

– Для начала на каждый взвод выдадим по четыре-шесть единиц, остальное – винтовки. Снаряжение и обмундирование на тридцать-сорок человек. Всё будет зависеть от притока добровольцев. Учитывая, что командные должности во взводе займут состоящие на службе жандармы, для полного оснащения потребуется примерно полторы сотни единиц стрелкового оружия, может чуть меньше.

– Таким количеством я, пожалуй, смогу обеспечить, – кивнул головой Дженсен и посмотрел на Бенъярда. – Однако, лучше бы было, если бы к нам доставили обещанный груз из Луиса.

– Мы работаем над этим, – произнёс майор.

– Как долго это займёт? – задал вопрос Пренк.

– Подразделения будут ограниченно боеспособны через две недели – примерно в конце сентября, а вся программа подготовки сможет быть запущена примерно через месяц, если, конечно, мы получим необходимое снаряжение.

– Что это означает «ограниченно боеспособны», – поинтересовался Бенъярд. Он впервые слышал такой термин.

– Это значит, что они смогут оборонять объект от противника равного ему по силе, – пояснил за Хейде Пренк. – Полной боеспособности они смогут достичь примерно через месяц...

– Я Вас понял, – произнёс президент, поднимаясь с места. – Завтра подготовим необходимые декреты, а вы приступайте к реализации Вашего проекта немедленно. Нам необходимо продержаться до сезона дождей! У остальных есть вопросы?

Все присутствующие на совещании последовали примеру президента и встали.

– Итак, господа! Наше заседание закончено, – обреченно произнёс Окойе. – Прошу приступить к исполнению своих обязанностей. Поедешь со мной, Генри...

Доктор, его министр, адъютант и майором проследовали к выходу. Все присутствующие вытянулись по стойке «смирно» и отдали честь. Переступая порог зала совещаний президент вяло козырнул. Он быстро прошёл к своей машине, за ним проследовала его свита.

– Набились, как сельди в бочке, – недовольно прошипел сухощавый президент, подпираемый с обеих боков министром и адъютантом.

Взревел мотор «мерседеса». В сопровождении двух мотоциклистов он быстро проскочил двор военного городка и выехал на прибрежное шоссе. Участники совещания высыпали вслед за своим боссом на крыльцо. Они стояли, приложив руки к своим головным уборам, до тех пор, пока президентский эскорт не миновал за ворота. Затем заработали мотор полицейского автомобиля, на котором прибыли Пренк и Хорос, следом за ним машина из госпиталя... Последней площадку покинул джип с эмблемами ВВС. Дженсен проводил отъехавшие автомобили взглядом, смачно сплюнул на песок и проворчал:

– Вот начальства-то развелось!

Услышавший эту реплику лейтенант Мосаса засмеялся и хлопнул его по плечу:

– Не расстраивайся! Дальше их будет ещё больше! Я уже привык к этому...

– Закон Паркинсона, – процедил сквозь зубы Урому, закуривая сигарету.

– Что за тип? Почему не знаю? – пошутил Тецами.

– Один англичанин. Он сказал, что если есть какая-нибудь проблема, то её будут решать так долго, сколько есть времени в запасе, и потратят столько денег, сколько имеется в наличии.

– Это точно про грёбаную армию! – чертыхнулся Мосаса. – Жаль, что я ничего другого делать не умею.

– Это точно, Барти. Мы с тобой можем только воевать, а вот Урому и Дженсен разбираются в моторах и всякой другой механике!

– Учитесь, ребята! – засмеялся вдруг Дженсен. – У вас ещё вся жизнь впереди!

– Лучше тянуть офицерскую лямку, чем корячиться на дядю, верно, Тимоти?

– Да, Барти, чертовски верно. Пошли, однако. Нас зовёт Хейде. Сейчас получим новые назначения и поедem. Пока, ребята!

– И Вам не хворать, – откликнулись Дженсен и Урому. Они ещё постояли на крыльце штаба, покурили, о чём-то поговорили без всякой субординации и пошли по своим делам. Тимоти получил назначение в селение Рус, а Барти – Пастер. Они должны были на вербовать второй и третий пехотные взводы. Четвёртый должен был набрать Джинджи в боме Дюма...

Луис

Прибыв в столицу Гвиании по срочному делу, Адриан Гуль рьяно приступил к его исполнению. Он сразу же поехал в британское посольство, чтобы проконсультироваться с послом. В отличие от Зангаро, Боганы, Экваториальной Гвинеи и ещё полудюжины мелких стран, в которых не имелось постоянного дипломатического представительства, в Гвиании оно было. При этом его руководитель традиционно имел статус Чрезвычайного и Полномочного Посла. По видимому, это была дань тому времени, когда эта страна входила в Британское Содружество. Даже сейчас после двух военных переворотов и мятежа сепаратистов английские позиции были весьма сильны, хотя и поколеблены. К удивлению, Гуля посол оказался сильно занят: ему сообщили, что рассчитывать на встречу он сможет только в понедельник. Кроме того, в представительстве не оказалось свободных комнат, и он был вынужден поселиться в отеле «Американа». Хотя он был тоже полностью забит приезжими, британскому дипломату выделили приличный номер. После полудня он стал спускаться на террасу, чтобы пообедать, и в одном из коридоров к своему немалому удивлению заметил одного из ближайших сотрудников Мэнсона.

– Мистер Эндин, – окликнул он. – Как хорошо, что я Вас встретил!

Человек, которого он позвал, затравленно оглянулся по сторонам. Увидев, что в помещении нет посторонних он подошёл к нему почти вплотную.

– Здравствуйте, Гуль, – прошипел Саймон. – Не называйте меня так: я здесь под другим именем.

– Извините, мистер...э-э-э...

– Харрис. Уолтер Харрис.

– Харрис. Рад Вас снова встретить! Что Вы здесь делаете...

– Собираюсь поплавать в бассейне. А Вы?

– Иду обедать. В посольстве не оказалось свободных мест!

– Что же, приятного аппетита!

– Спасибо. Может выпьем что-нибудь в баре перед ужином.

– Можем. Заодно расскажем про дела в Кларенсе.

– Обязательно. Тогда, в семь вечера в баре?

– Лучше в половине восьмого. У меня в шесть встреча: она может затянуться.

–О'Кей!

Упругой походкой Эндин направился по коридору в направлении бассейна, а Гуль поплёлся в ресторан. Обедал он в полном одиночестве, наблюдая как у стойки бара резвятся американцы. Было всего пять часов пополудни, когда Гуль вернулся в номер. До встречи было полно времени, и он решил сходить в бассейн. Накинув махровый халат с гербом отеля и перекинув через плечо полотенце, он медленно поплёлся по коридорам отеля, следуя указаниям, написанным на табличках. К его удивлению, в солярии, примыкающем к бассейну, было малолюдно. На оранжевых шезлонгах развалились несколько европейцев, ещё двое или трое плавали в прозрачной воде. Благодаря плитке и подсветке освещению, она казалась бледно-голубой. Он положил полотенце и солнечные очки на ближайший шезлонг, скинул халат и подошёл к краю бассейна. Несколько мгновений он стоял на бортике, не решаясь прыгнуть: на жарком солнце вода показалась обжигающе холодной. Он вдруг покрылся пупырышками и закрыл глаза.

– Эй! Ну что там? Всю жизнь стоять будешь? – вдруг услышал он женский голос откуда-то сбоку. Адриан посмотрел в ту сторону. Черноволосая женщина лет тридцати пяти с усмешкой смотрела на него. Она стояла на мелководье, у противоположного края бассейна, по пояс в воде. Её кожа отливала бронзой, мокрые волосы, стянутые в конский хвост, блестели в лучах солнца, а глаза вызывающе смотрели на англичанина. По-английски она говорила со смешным

акцентом, напоминавшим греческое «цоканье». Адриан посмотрел на воду: недалеко плескался какой-то толстяк.

– Что медлишь? Воды боишься? – насмешливо крикнула брюнетка и улыбнулась, обнажив ряд мелких белых зубов, делавших её похожей на куницу. Толстяк обернулся на звук и тоже засмеялся.

Адриан слегка подпрыгнул, вытянул вперед руки, согнулся в поясе и закрыл глаза: через секунду он уже был в воде. В воду он вошел, ударившись своим брюшком так, что перехватило дыхание. Вода обожгла его кожу, а хлор разъел нос. Когда он вынырнул, жадно хватая ртом воздух, то почувствовал облегчение. Грязь и пот, накопленные во время переезда, были смыты. Он сделал несколько гребков к дальнему концу бассейна, а потом лёг на спину и поплыл обратно. Блаженство... Вдруг кто-то сильно толкнул его плечо: это была брюнетка. Мощно гребая руками воду, она на большой скорости пересекала бассейн. Столкнувшись с ним, она потеряла темп и остановилась.

– Извините, я Вас не заметила. Увлеклась, – цокая произнесла она. Гулю её произношение показалось забавным: он улыбнулся.

– Хорошо, что Вы не сердитесь, – сказала она и поплыла дальше.

Минут двадцать Адриан просидел в бассейне выпуская весь жар, скопившийся в нём за время пребывания на экваторе. С момента прибытия в Кларенс он только дважды принимал ванну и пару раз купался в океане: остальное время приходилось довольствоваться душем.

– Хорошо, что китайцы в своём посольстве построили бассейн, – подумал он, оценивая преимущества искусственного водоёма.

Когда дипломат выбрался к шезлонгу, солнце уже спустилось на линию пальм: оставалось минут пятнадцать до начала сумерек. Он надел солнечные очки и стал оглядываться. Шезлонг брюнетки оказался на противоположной стороне бассейна. Она находилась в компании трёх крепких, уверенных в себе парней. Все они были коротко пострижены, белокожи; нетрудно было догадаться, что под тропическим солнцем они всего несколько часов, плечи, спины и грудь у них покраснели. У старшего из них на теле темнели рубцы и шрамы. Этот держался более сдержанно, можно сказать, предупредительно. Мужчины о чём-то громко говорили, спорили и смеялись. Женщина вытянулась на шезлонге и отвечала им короткими репликами. У Гуля сложилось впечатление, что это её подчинённые или телохранители. Она была склонна к полноте, но шикарный купальный костюм и дорогая широкополая шляпа скрывали эти недостатки.

– Вероятно, это какая-нибудь эксцентричная миллионерша, – решил он и подозвал официанта. – Виски с содовой!

– Да, сэр.

Допив свой коктейль, Гуль накинул халат и пошёл в номер. Он спустился в бар минут за пятнадцать до встречи с Эндиным.

Бар был пропитан запахом табака: он был настолько прокурен, что оба вентилятора и мощный кондиционер не могли разогнать дым. Адриан даже закашлялся при входе в помещение:

– Вы не курите, – раздалось знакомое цоканье у его уха.

– Нет, мадам. Только сигары по вечерам, – чопорно ответил британец. – Позвольте представиться, Адриан Гуль...

– Да, да, знаю. Вы – дипломат. А меня зовут – Джульет Аграт. Я здесь по делам.

– Разве Африка место для деловых женщин, мадам? – Гуль бросил на стойку бара пятифунтовую купюру и крикнул бармену. – Розовый джин, пожалуйста. Что Вы будете, мадам?

– Я? – удивилась Джульет. – Пожалуй, шампанского со льдом...

Гуль кивнул бармену, подтверждая свой заказ.

– У нас есть только «Дом Периньон», сэр.

– Хорошо! Так каким ветром сюда занесло деловую женщину? – поинтересовался Адриан из вежливости.

– Для людей бизнеса место всюду, где можно заработать деньги, мистер Гуль, – засмеялась Джульет. – Мой недотёпа муж уже умудрился потерять несколько миллионов в этих местах. У меня есть желание их заполучить обратно...

– О-о-о! Африка – непредсказуемый континент. Это будет очень сложно сделать, особенно женщине, – многозначительно произнёс Адриан.

– Вовсе нет, мистер Гуль. Вы мне в этом даже поможет!

– Вот как? Почему Вы так решили, мадам Аграт?

– Потому, что Вы – британский дипломатический представитель в Зангаро, а я направляюсь именно туда. Мне понадобится Ваша помощь, а Вам – моя, – женщина облизнула губы и хищно улыбнулась, обнажив ряд мелких белых зубов. Её миловидное лицо неожиданно приобрело хищное выражение: она напонила Гулю хорька.

Не успела Джульет закончить свою фразу, как в зале появился Эндин. Он хмуро оглядывал завсегдатаев бара и, заметив Гуля в окружении женщины, неодобрительно покачал головой. Затем он заказал пиво и сел неподалёку. Адриан вдруг захотел отделаться от Джульет, тем более, что она была не в его вкусе. Через некоторое время он посмотрел на часы и вежливо попрощался:

– К сожалению, мне пора идти. Мне предстоит важная встреча...

– А я думала, что мы проведём вечер, – удивлённо произнесла мадам Аграт. По-видимому, она не привыкла, что её вниманием и расположением манкируют.

– Увы, мадам, может завтра, – занудил Гуль.

– Может завтра, – эхом повторила женщина. Её губы растянулись в улыбке: мгновение спустя она переросла в звериный оскал. Эта метаморфоза вызвала у Адриана страх и отвращение. Не дождавшись сдачи, он пошёл к выходу. Краем глаза он заметил, что Эндин следует за ним.

После прокуренного бара воздух на террасе приятно освежил дипломата. Он глубоко вдыхал ночной бриз и вдруг обратил внимание на небо: оно было полно ярких звёзд.

– Вы знаете с кем только что говорили, Адриан, – раздался за его спиной голос. Дипломат обернулся: это был Эндин.

– Мадам Джульет Аграт, чокнутая миллионерша...

– Это ещё не всё. Она – самая богатая женщина в Зангаро.

– Вот как. Но в досье указано, что кланом Агратов руководит Габриэль Аграт.

– Это её муж. Полная тряпка. Живёт в Ницце и курит травку. По нашим данным всеми его делами заправляет жена и её секретарь по фамилии Гонзага.

– Какая-то доисторическая фамилия. По-моему, я про неё читал в колледже...

– Не знаю. Фамилия, как фамилия. Но с Агратами, их влиянием и связями, надо будет считаться. Они заключили сделку с Окойе и будут её выполнять.

– Это как-то мешает планам сэра Джеймса, мистер Эндин?

– Харрис, Адриан, – взорвался Саймон. – Запомните! Уолтер Харрис! В Гвиании я пользуюсь только этим именем.

– Хорошо, ... Уолтер. Ты не ответил на мой вопрос.

– Насчёт Агратов? Да! Их обязательства усиливают позиции Окойе и мешают укреплению нашего влияния.

– Так может с ними проще договориться и объединить усилия?

– Мы пробовали, не получилось. Они играют свою игру.

– А если предложить им большую сумму?

– Это будет слишком дорого!

– Что Вы собираетесь предпринять?

– Буду тормозить сделку всеми возможными способами. А Вы как здесь оказались, Адриан?

Гуль рассказал Эндину причины, по которым он срочно прибыл в Луис.

– Да, вот незадача! – почесал голову Эндин. – Сейчас в Гвиании такое творится! Вы в курсе?

– Нет. Я хотел проконсультироваться с послом, но он оказался занят, – озабоченно вздохнул Гуль. – Он примет меня только в понедельник. Не понимаю, почему такая задержка...

– А Вы не догадываетесь? – заулыбался Эндин.

– Нет, – простодушно ответил Гуль.

– А газеты Вы читаете? Ну, да, «Таймс», «Обсервер», иногда «Фигаро» и «Вашингтон Пост» ...

– А местные?

– Подборку материалов по новостным газетам ежедневно делает мой помощник, а африканские газеты мало содержательны. Оба зангарских листка вычитывает мой секретарь, а остальные... – Гуль неопределённо махнул рукой.

– Понятно, – многозначительно произнёс Эндин. – Но о победе Околонго на выборах вы, конечно, знаете...

– Ну, да. А какое это имеет значение?

– Интересно, как вас, дипломатов, готовят к службе? – ехидно спросил Эндин. – Нынешние события в Гвиании – ключ к ситуации в Зангаро! Вы что, это не понимаете?

– Нет! Каким образом? В недавней своей инаугурационной речи президент Околонго заявил о политике невмешательства во внутренние дела соседей и нерушимости границ!

– Вот, вот! А что заявил вице-президент Боганы? Об объединении! Вы понимаете к чему я клоню?

– Не совсем. Гвиания – это не моя епархия. Именно поэтому я и приехал в Луис за консультациями.

– Ладно, – безнадёжно махнул рукой Эндин. – Идём ужинать. Я знаю здесь неплохое местечко: тихо, уютно, мало посторонних. И не забудьте называть меня Уолтер Харрис.

– Хорошо... мистер Харрис, – кивнул головой Гуль. – Хороший ужин мне не помешает, а то обед в отеле был ужасен.

– Что Вы хотите: наплыв иностранных гостей. Околонго провозгласил политику открытых дверей: вот все и засуетились.

– А что военные?

– Военные сейчас молчат: идёт большая чистка. В ней принимают участие Ваши коллеги по линии военного министерства...

– Так вот почему наш посол так занят! – догадался Гуль.

Ужин был превосходным, пиво – отличным, а информация Эндина – разнообразной. Удовлетворённый прежде всего самим собой, дипломат вернулся в отель и лёг спать. Мистер Уолтер Харрис решил ещё побродить по городу. На одном из приморских бульваров он наткнулся капитана Эверара и перекинулся парой слов.

– Как идут дела?

– Нормально, мистер Харрис. Подозрения от Вас отведены. Ру высылают во Францию, а Шевалье объявлен в розыск. Ему предъявлено обвинение в организации взрыва «Гвенко». Мистер Блейк роет носом вокруг этого дела, но Прайс ему перекрыл доступ к материалам. Он собирается лично доложить о результатах расследования президенту: всё-таки это экстраординарный случай.

– А что с Блейком?

– Вероятно, в скором времени его вышлют из Гвиании. Хотя у него есть сильный покровитель – вождь Джеймс Маджаи. Он номинирован на пост вице-президента. Его кандидатуру в понедельник должны утвердить на совместном заседании обеих палат парламента.

– Спасибо за информацию, капитан. Это Вам на текущие расходы – произнёс Эндин, протягивая Эверару конверт. – Как поживает твой шеф?

Разведчик положил деньги в карман и кивнул головой:

– Старик держится крепко: на пенсию не собирается.

– А комиссар?

– Прайс довольно часто использует наших людей для проведения следственных действий. Говорит, что нынешняя полиция не умеет работать.

– Это хорошо. А что ещё собирается дальше делать? Ведь Шевалье в розыске, остальные – не удел.

– Пойдёт по следу Мутото. Комиссар привлёк пару специалистов по финансам, чтобы проштудировать его кассовые книги. Надеюсь, там нет Ваших следов?

– Естественно нет. Вы же сами знаете! Все официальные платежи шли через Амбопу.

– Ясно. Ещё по пиву?

– Нет, сэр. Мне пора.

Эверар незаметно выскользнул из паба и растворился в темноте. Эндин пожалел, что забыл спросить его про Ядвигу. Он хотел окликнуть капитана, но было уже поздно. Так и не заказав второе пиво, Саймон побрёл в отель: надо было сообщить сэру Джеймсу обо всём.

Гуль дотащился до отеля и завалился спать. Ночью его мучили кошмары. Ему снились джунгли, танцующие негры, какие-то толстые голые мулатки призывно махали ему руками, бездонный бассейн со взявшейся из ниоткуда акулой. Несколько раз он просыпался, вскакивая в постели и размахивая руками. В какой-то момент он случайно сбил противомоскитную сетку: её пришлось снова натягивать. Провозившись с ней четверть часа, Адриан окончательно потерял душевное равновесие и пошёл к холодильнику. Из него он достал джин, тоник, смешал их наугад и выпил. После этого Гуль завалился в кровать и забылся тяжёлым сном. Проснулся он поздно, голова болела, в животе бурлило, хотелось пить и есть. Заказав завтрак по телефону, Гуль решил принять душ. Когда он закончил водные процедуры, столик был сервирован, а в кресле напротив него развалился Крейг Смелли:

– Извините за непрошенное вторжение, мистер Гуль, – произнёс он. – Я ещё вчера узнал, что Вы приехали и ищите встречи с послом и весь вечер пытался дозвониться, но не смог. Поэтому я приехал сюда с утра пораньше.

Увидев красные от бессонницы глаза Адриана, он добавил:

– Вам плохо спалось?

– Да. Всю ночь мучили кошмары. Чем обязан, мистер Смелли?

– Ваша встреча с послом состоится только в начале следующей недели, поэтому я хочу пригласить на уик-энд.

– Вот как? Я – такая популярная персона в Луисе? Интересно, кто меня хочет видеть на этот раз?

– Торговая фирма «Соваж» устраивает пикник на берегу океана. Её хозяйка узнала, что Вы прибыли в Луис и захотела познакомиться с Вами, мистер Гуль.

– Это уже вторая миллионерша, которая подбивает ко мне клинья, – возмущенная произнёс Адриан. – Позвольте поинтересоваться от кого она узнала?

– От меня. На пикник приглашён сам Джеймс Маджаи. Слышал о таком? – Адриан вяло кивнул, не понимая к чему клонит собеседник. Ему было всё равно, что твориться в Гвиании. Тем временем, собеседник продолжал: – Его прочат на должность вице-президента. Голосование по его кандидатуре состоится в понедельник, и он хорошо настроен к британцам.

– Знаю, знаю. Уже слышал об этом. А кто ещё будет?

– Дирекция фирмы, глава местного отделения «Шелл», пара-тройка европейцев, ну и, естественно, я и Гарри Блейк...

Гуль недовольно поморщился: общество будет незнакомым, но хоть какое развлечение. Вдруг он увидел, что его завтрак совсем остыл. Он присел к столу и начал судорожно намазывать тост джемом. Смелли какое-то время наблюдал за собеседником с интересом, но потом ему это надоело.

– Так Вы поедете? – прервал он занятие дипломата.

– А у меня есть выбор? – язвительно спросил Адриан.

– Конечно. Вы можете остаться в отеле до понедельника. Плавать в бассейне днём и ходить в бар вечером в надежде подцепить какую-нибудь смазливую шлюшку.

– Я же женатый человек, мистер Смелли!

– Обещаю, скучать не будете. Лучше пить джин на берегу океана, чем потеть в этом грёбаном отеле. Пусть даже он самый лучший в Луисе...

– Хорошо, но как к этому отнесётся посол?

– Я проинформировал его об этом. Он настоятельно рекомендует Вам согласиться с моим предложением, – с напором сказал разведчик. Это – в интересах Империи!

Дед Адриана начинал простым каменотёсом. В Великую Войну ему очень повезло: он был призван в мостостроительную часть и всю свою воинскую службу просидел в тылу, ремонтируя укрепления Адена. В самом конце войны ему пришлось немного пострелять: их подразделение атаквали то ли арабские разбойники, то ли турецкие дезертиры. Получив нашивку за ранение и медаль, он вернулся домой на побывку домой и сразу женился на дочери своего довоенного босса: дефицит мужчин после Соммы и Ипра был настолько велик, что его тесть согласился на брак. После свадьбы деда отправили на Ближний Восток: строить мосты через канавы, которые там называют реками. Вместе с генералом Алленби он дошёл до Дамаска и получил медаль Победы. После возвращения на родину он стал помогать своему тестю. Послевоенный бум позволил расширить дело и построить кирпичный завод. Вскоре на свет появился дядя Адриана, а затем его отец и тётка. Дед дал своим детям образование: дядя получил диплом инженера-строителя, тётка – учителя, а отец – финансиста. Во время Великой Депрессии тесть потерял почти все свои сбережения: его хватил удар, и он умер: так дед Адриана стал хозяином каменоломни Салли, расположенной неподалеку от Кингсбриджского аббатства. Его соседство позволило пережить тяжёлые годы: монахам постоянно требовался камень и другие строительные материалы. В 1938 году дядя получил диплом инженера, и дед передал управление своим бизнесом сыну, а сам до конца своих дней работал десятником в собственном карьере:

– Это я умею лучше всего, – поговаривал он, отвечая на вопросы внуков. В самом конце войны его убила бомба. Немецкие бомбардировки надолго обеспечили семью Гулей работой: как и продовольствие, строительные материалы были дефицитным товаром для британцев до середины пятидесятых. Накануне войны дядя добавил к своему производству бетонный завод и получил подряд на реконструкцию военного аэродрома.

Мать Адриана была итальянкой. Отец привёз её на остров после того, как английские войска освободили Абиссинию. Одинокая белая женщина в чужой стране была практически беззащитна от озверевших от одиночества мужчин в британских военной форме и дикарей – эфиопов и афаров. Молодой клерк казначейского департамента взял её под свою опеку и, она ответила взаимностью. Так на свет появился Адриан: местом его рождения был Асэб. Работа в оккупационной администрации позволила отцу наладить нужные связи. После войны он помог брату приобрести списанную технику и нанять рабочих-иммигрантов. В послевоенные годы строительный бизнес процветал, к тому же отец стал крупным страховым агентом. Средства позволили определить маленького Адриана в закрытый колледж в Стортфорде. Этот городок располагался недалеко от военного аэродрома, который обслуживала строительная компания «Гуль и Гуль». Его начальник, полковник Стенли, был настолько любезен, что дал рекоменда-

цию юному Адриану. Отсюда ему открылась дорога в Кембридж. Частная закрытая школа воспитала у Адриана твёрдость характера и умение находить компромисс. Затем их отшлифовал Тринити-колледж и ЛСИ. Год службы во флоте Её Величества придали определённый лоск его внешнему виду, включая короткую причёску, бритую шею и непроницаемый взгляд римского официанта с суровым взглядом янтарно-жёлтых глаз. В начале шестидесятых его приняли на дипломатическую службу и отправили в Дурбан в качестве экономиста-аналитика. После года практики его отозвали на дополнительное обучение. Этому он был обязан своему шефу, который характеризовал его как «блестящего, напористого и динамичного молодого человека» ...

Адриан усмехнулся, вспомнив старого консула, который только и делал, что дрых на задней террасе, попивая розовый джин со льдом и листая местные газеты.

– Вы, молодой человек, вечно торопитесь со своими экономическими обзорами, – каждый раз говорил, когда его подчинённый приносил очередной документ. – Скоро у Вас совсем не будет работы. Когда информация закончится, Вас отправят в какую-нибудь дыру типа Виндхука или Блантайр-сити. Попомните мои слова...

Так в точности и произошло: Адриан оказался вице-консулом на Пембе, а потом – вторым секретарём на Занзибаре. Во время восстания он проявил выдержку и благоразумие, в результате чего спас группу британских подданных из рук разъяренных повстанцев. За это верховный комиссар Тимоти Кроствэйт представил его к награде. С апреля 1964 года Адриан Гуль некоторое время был политическим советником свергнутого султана Сеида Джамшида, который вместе с семьёй получил убежище в Великобритании. Два года спустя его перевели в департамент Западной Африки, где он стал заниматься анализом экономической информации. Здесь он познакомился с сэром Джеймсом Мэнсоном. С тех пор их связали довольно крепкие партнёрские отношения: глава МэнКона получал эксклюзивную информацию по интересующим его вопросам, а дипломат пристроил свою молодую жену на должность аудитора в одну из многочисленных британских «внучек» концерна. Работа была не пыльная, но хорошо оплачиваемая. Кроме того, старший Гуль периодически страховал сотрудников и некоторые контракты МэнКона на крупные суммы, а фирма «Гуль и Гуль» получала подряды.

– Ты у меня, упрямая обезьянка, – каждый раз говорил отец, после каждого такого случая. Он всегда отсылал часть полученных денег по почте сыну, хотя мог этого не делать. Так что интересы Британской Империи в лице сэра Джемса Мэнсона и лично Адриана Гуля в данном случае полностью совпали...

– Сдаюсь, – Адриан картинно поднял руки. – Когда ехать?

– Минивэн компании «Шелл» заедет за Вами ровно в полдень. Вы узнаете его по эмблеме

– На сколько мы уезжаем?

– До понедельника. Вернёмся часов в десять и сразу поедem в посольство. Думаю, посол Вас немедленно примет. Так что собирайте вещи, – Смелли посмотрел на часы. – У Вас осталось всего полтора часа на сборы. Пока Вы укладываетесь, я отъеду по делам. Встретимся уже на месте.

Минивэн опоздал на пять минут. Он подлетел к парадному входу отеля, и растрёпанный шофёр-мулат засуетился, помогая носильщикам грузить багаж. Одет он был в выгоревший на солнце зелёный комбинезон, на рукаве которого красовалась красная раковина – эмблема концерна «Шелл». Гуль налегке прошёл в салон и обнаружил там трёх загорелых европейцев в белых полотняных костюмах. Они чопорно поздоровались с ним и представились. Когда Адриан назвал себя, в их глазах мелькнула искра удивления, но и только. В салоне повисла тишина: играло только радио водителя, который с прилежанием, свойственным только полукровкам, расставлял кофры дипломата. Гуль лениво следил за ним. Через несколько минут всё было аккуратно уложено, и машина двинулась на запад. Полвека назад вокруг Луиса, столицы Гвиании, располагались обширные болота. Они тянулись от устья Бамуанги до западной границы на несколько десятков километров. Часть этой никому не нужной территории получила

«Шелл» в концессию сроком на 30 лет. Это произошло ещё при доминионе: с тех пор она была полновластной хозяйкой. За десять лет инженеры «Шелл» осушили болота и вырыли прямые мелиоративные каналы, свели мангры и через них проложили широкую бетонную дорогу от столицы к устью Бамуанги. Она была перегорожена шлагбаумами, которые охраняли африканцы в оранжевых касках и такого же цвета резиновых плащах. Они были вооруженные старыми британскими винтовками, оставшимися со времен второй мировой войны. Чтобы проехать сквозь эти кордоны, надо было получить специальный пропуск у представителя компании в Луисе. Это всё выложили Адриану его попутчики. Один из них по имени Чарли, занимался пропускным режимом, другой был главным финансистом отделения, а третий – начальником службы персонала. Все они работали и жили в Луисе, а теперь были приглашены на пикник.

– Мы сейчас едем в нашу штаб-квартиру, отсюда вертолёт нас доставит на остров «Эрэр», где собственно и состоится вечеринка. Вечером в воскресенье мы поплывём через лагуну на пароходике компании, – в общих чертах описал программу Чарли.

– А что такое «Эрэр»? – поинтересовался Адриан.

– Вы никогда не слышали про «Эрэр», мистер Гуль? – удивлённо спросил кадровик.

– Нет, – откровенно признался дипломат.

– Позвольте пояснить. «Эрэр» – означает «Отдых и релаксация». Это – посёлок отдыха для нашего персонала. Он построен по аналогии с подобными заведениями в Юго-Восточной Азии, созданными для американских солдат. На искусственном острове построены пятнадцать бунгало, к каждому из которых приписана девушка и бой. Они выполняют все прихоти жильца...

– Что, и даже сексуальные?

– А вы как думаете? – ухмыльнулся Чарли. – Все! За это им платят немалые деньги.

– Тринадцать американских долларов в сутки, – зачем-то уточнил бухгалтер. – Шесть – бою, пять – девушке, два – врачу...

– Зачем это нужно компании?

– Руководство хочет, чтобы наши нефтяники и остальной персонал из Европы могли безопасно развлечься и расслабиться. Они снимают, так сказать, своё напряжение пять дней в месяц. Девушек, конечно, им меняют...

– Так, что мы едем в публичный дом?

– Нет, что Вы, мистер Гуль! Туземцы рассматривают секс как естественное продолжение их основных обязанностей по домашнему хозяйству, – засмеялся кадровик. – Девушкам никаких премиальных за это не полагается и даже не думайте давать им чаевые – это только их развращает...

– Наверное содержание этого острова обходится компании в копейку? – Адриан перевёл разговор на другую тему.

– Мы предпочитаем называть его зоной, – мягко поправил Гуля Чарли.

– Нет. Что вы! – залился соловьём финансист. – Наши европейские сотрудники довольно часто отдыхают в «Эрэр»: они чаще предпочитают истратить здесь шестьдесят пять баксов, чем лететь в Европу или сидеть в кабаках Луиса. Довольно часто нашу зону снимают и для таких мероприятий как наша. На этот уик-энд он арендован компанией Соваж. Её хозяйка арендовала «Эрэр» на три дня и заплатила за это девять тысяч!

– А я раздобыл меню, – вдруг похвастался кадровик и вытащил какой-то список. – В него включено сто восемь блюд.

– Да, мадам Соваж, превзошла саму себя.

– ...сегодня к обеду подадут по четыре холодных и горячих блюда, все вегетарианские, и восемь видов фруктов.

– Фи, – произнёс Чарли. – Я люблю мясо.

– Мясо будет на ужин. Он состоит из тридцати двух блюд. Из них овощных только восемь.

- Это уже лучше, а что будет завтра?
- Обед из двенадцати блюд, холодных и горячих, – углубился в чтение кадровик, – и четыре вида фруктов. Ужин – восемнадцать блюд и те же фрукты...
- А в воскресенье?
- обеда не будет, – деловито произнёс кадровик. – Только ужин на пароходе – двадцать четыре холодных блюда: птица, свинина, овощи...
- А какая кухня? Местная?
- Нет. Она выписала из Гонконга целую бригаду поваров. Они будут специально нам готовить...
- Разве в Гвиании китайская кухня в диковинку? – поинтересовался Гуль.
- В Луисе почти нет китайцев. Есть арабы, греки, даже индийцы и вьетнамцы, но настоящих китайцев нет.
- Интересно. Почему?
- А я почём знаю? – пожал плечами Чарли. – Вероятно сбежали во время последних гражданских беспорядков.
- Колониальная администрация предпочитала завозить индийцев, в основном, мусульман – пояснил кадровик. – Они не дали конкурентам развернуться.
- Угу! Гвиания – самая настоящая мусульманская страна! Почти как Нигерия!
- Ну это ты преувеличиваешь, Чарли! Здесь мусульман от силы процентов двадцать...
- Зато лезут во все дыры и своих родственничков тащат!
- Это точно!

Вялотекущую беседу прерывали частые остановки минивэна у многочисленных шлагбаумов, перегородивших бетонку. Наконец он преодолел последний блокпост на пути к штаб-квартире «Шелл». Это было длинное белое здание, одиноко стоявшее на плоской равнине, где когда-то были бесконечные болота, тянувшиеся до самого океана. Рядом с ней находилась бетонная полоса аэродрома с небольшой диспетчерской будкой и длинным пакгаузом. Рядом с ним одиноко стоял самолёт, возле которого сустились люди. Они тянули к нему шланги от большого оранжевого бензовоза, стоявшего неподалеку.

- Мы летим на этом самолёте? – поинтересовался Гуль у собеседников.
- Нет, что вы, – ответил за всех Чарли и махнул рукой в сторону. – За нами прилетит вертолёт, а остальные поедут на прогулочном катере.

Гуль посмотрел в том направлении, куда указывал менеджер. Милях в трех от взлётной полосы на солнце серебрились огромные шары и высокие цилиндры нефтеочистительного завода. Дорога огибала его по дуге и уходила к посёлку, где жили рабочие. Прямо за ним располагалась «джетти» – узкий пирс, выходящий далеко в зеленые волны Атлантики. Параллельно ей туда тянулись трубы от нефтеочистительного завода: полдюжины блестящих металлических змей. Издалека было видно, что у пирса стоял танкер с красной раковиной на борту. Минивэн скользнул за металлическую сетку, ограждавшую штаб-квартиру и остановился. Чарли вышел из салона и вошёл в здание. Буквально через пару минут он высочил из него и быстро вернулся. Он сел рядом с водителем и кинул через плечо:

- Вертолёт нас уже ждёт, летим!

Минивэн тихо покатылся по двору штаб-квартиры и обогнул здание: за ним находилась вертолётная площадка, на которой стоял «Белл-206», на борту которого красовалась ракушка «Шелл». Его пилот, суровый малый лет двадцати пяти, меланхолично жевал резинку и никак не отреагировал на прибытие пассажиров. Даже на оклик Чарли, он почти не отреагировал: только переключил какие-то рычажки. За то время, пока вещи и пассажиры были перенесены в салон вертолёта, его винт стал набирать обороты, издавая «вуп-вуп-вуп».

- А Гарри с нами летит? – вдруг спросил лётчик у Чарли.

– Мистер Блейк? Нет, он будет позже вместе Маджай, – ответил начальник безопасности. – Мы летим вчетвером...

– Это хорошо, – сказал пилот, двигая челюстями. – Места будет больше.

Адриан рассмотрел пилота повнимательнее. Несмотря на желтоватую кожу, у него была совершенно европейская внешность и открытое, располагающим к себе лицо. Он изящно управлял летательным аппаратом, который сделал круг над заводом и устремился на юго-восток. Гуль стал смотреть по сторонам: на севере извивалась лента Бамуанга, за ней угадывались джунгли. На западе было видно, как на берег обрушиваются бело-зелёные волны Атлантики, но самое интересное было внизу: вся территория болот была разделена на прямоугольники мелиоративными канавами и покрыта сетью узких дорог и труб, соединявших между собой нефтяные вышки. Здесь производилось главное богатство Гвиании – нефть. Вертолёт быстро рассекал пространство: в некоторых местах квадраты сменились зелёными зарослями болот, лента реки выросла в размерах и повернула к югу. Вертолёт сделал круг и стал снижаться: внизу показался сад, среди которого была разбросана дюжина белых домиков, соединённых бетонными дорожками. Чуть дальше располагались два здания покрупнее, а за ними – вертолётная площадка.

– Прилетели, – удовлетворённо произнёс Чарли. Смотрите, нас уже ждут...

Адриан посмотрел в окно и увидел десяток негров, толпившихся у площадки. Рядом с ними стояли четыре небольших кара для гольфа. После того, как вертолёт сел, его пассажиров и багаж погрузили на них и развезли по бунгалю.

Уикэнд на берегу океана

Адриана встретила в дверях его бунгало горничная приятной наружности, одетая по полной форме. Она деловито разложила вещи гостя и на неплохом английском языке ответила на его вопросы. На журнальном столике Адриан обнаружил письмо от организатора пикника – фирмы Соваж, в котором описывалась программа праздника. К нему было приложено приглашение посетить обед, даваемый в честь двадцатилетнего юбилей фирмы. Адриан посмотрел на часы: у него оставалось примерно полтора часа. Облачившись в охотничий костюм, он решил изучить «Эрэр». При обходе территории его сопровождал бой-дюжий негр лет двадцати пяти, вооружённый дубинкой из какого-то тёмного дерева. Он был бос, из одежды на нём были белые шорты, кепи и футболка, на которых была вышита красная раковина. Он оказался хорошим гидом: благодаря его многословным рассказам Адриан узнал всё про «Эрэр». Где находится речной причал, гараж, теннисные корты, бассейн, поле для крикета и многое другое. Они вышли на пляж, было время прилива. Адриан смотрел на зелёные валы океана, накатывающиеся на берег и думал о том, куда и как его занесла судьба.

– Вы опоздаете на ужин, масса, – вежливо напомнил провожатый. Гуль посмотрел на часы: оставалось всего полчаса до начала банкета. Он с сожалением вздохнул и поплёлся в сторону своего бунгало.

Обед удался на славу. Несмотря на то, что он был вегетарианским, все гости наелись до отвала. За время смены блюд они все перезнакомились. Помимо трёх знакомых Гулю сотрудников «Шелл» и Смелли здесь присутствовали ещё несколько менеджеров нефтяной компании и организаторы праздника – дирекция Экспортного агентства Соваж в составе трёх человек, во главе с её хозяйкой, эффектной негритянкой по имени Аньела. Кроме них за столом находились её брат подполковник в отставке Марис Гомаду и британский бизнесмен Фредерик Браун с сыном Майком. Гуль присмотрелся и узнал в нём пилота, который вёл их вертолёт. Никто не говорил о делах: травили анекдоты, рассказывали различные забавные случаи, шутили. Как оказалось, мистер Браун обладал непревзойдённым талантом рассказчика: его охотничьи истории захватывали внимание всех присутствующих. Так за лёгкой беседой время пролетело быстро. Довольные гости разошлись по своим бунгало, чтобы отдохнуть и сменить одежду. После этого Гуль решил прогуляться и, к своему удивлению, обнаружил многих из гостей на спортивной площадке: Гомаду и пара шелловских менеджеров играли в сквош, Майк Браун играл в теннис со Смелли, а его отец – в крикет с сотрудниками Соважа. На площадке отсутствовала только их хозяйка.

– Присоединяйтесь к нам, мистер Гуль. Нам как раз не хватает четвёртого игрока! Вы же играете в крикет?

– Все англичане играют, – отшутился Адриан, разводя руками. Игра не клеилась, но мастерство Брауна позволило им победить в командном зачёте. За это время Адриан познакомился с этим суровым человеком поближе: его практичность, сила и природный напор оказали на него неизгладимое впечатление. По дороге в бунгало его нагнал Смелли:

– Как Вам здесь нравится, мистер Гуль? Вы хорошо устроились?

– Отлично, мистер Смелли. Я очень Вам признателен за это.

– Сегодня на ужине будет присутствовать очень важный гость, сэр.

– Кто, если не секрет?

– Джеймс Маджаи, будущий вице-президент.

– Какой сюрприз! Как удалось его сюда вытащить?

– Это – исключительная заслуга Гарри Блейка, сэр. Они прибудут вместе прямо с банкета, который организовал мексиканский консул в честь дня независимости своей страны...

С появлением Маджаи сразу стало тесно и шумно, казалось, он заполнил собой всю территорию зоны, и даже тёртый Фредерик Браун вроде бы стушевался. Чувствовалось, что он таит в глубине души робость перед этим напористым и энергичным политическим деятелем, рвущимся к вершине власти. Маджаи сразу повёл себя по-хозяйски: двигал кресла, рассаживая присутствующих, словно расставляя фигуры на шахматной доске. Миниатюрного Гарри Блейка он дружески похлопал по плечу и посадил напротив менеджеров «Шелл», подполковника Гомаду – рядом с младшим Брауном. Фред оказался зажат между менеджерами Соважа и Смелли, а Гуля с двух сторон окружили две единственные дамы – изысканная Аньела Соваж и мадам Маджаи, невысокая, хрупкая мулатка в строгом сером костюме. Рассадив по своему усмотрению всех присутствующих, политик тяжело плюхнулся на стул во главе стола, как бы собираясь руководить происходящим действием. Пока китайские повара разносили блюда, он встал, держа в руке бокал виски:

– Дорогие эксплуататоры и компрадоры! Глотнем империалистического виски, чтобы дожить до полной экономической независимости Гвиании! – провозгласил он. Адриан вежливо улыбнулся и оглянулся на остальных гостей, пребывавших в некотором замешательстве. Тем временем, будущий вице-президент захохотал, довольный произведённым эффектом. Остаток вечера пролетел быстро: фуршет, игра в бридж, танцы на берегу океана и, естественно, ночное купание.

В самом конце вечера Маджаи сам подошёл к Гулю и предложил выкурить сигару. Они уединились в беседке, расположенной рядом с берегом океана. Политик был в отличном расположении духа и немного разоткровенничался:

– Я капиталист, – отреагировал он на замечание Гуля о неуместности шутки, – и ваш конкурент. Я достиг всего сам. Теперь у меня собственные фабрики, дома и плантации сахарного тростника. На них работают и кормятся сотни людей, и они благодарны мне, потому что я даю им работу в стране, где царит безработица. Скажите моим рабочим, что меня надо выгнать, и они убьют вас. Они знают, что если будут хорошо работать, то смогут пробиться, как пробился я...

– И много их уже пробилось? – насмешливо спросил Гуль.

Маджаи пожал плечами.

– Мадам Соваж, например. Выживают сильнейшие...

– А остальные мрут от голода и болезней. Мы что должны их кормить и лечить за свой счёт?

– Но вы же сделали Гвианию своей колонией и полвека эксплуатировали наши ресурсы!

– Но Британия принесла прогресс на эту землю, развивайтесь дальше сами!

– Такова жизнь, – философски ответил Джим. – Бремя белого человека нынче выглядит совсем не так, как два десятка лет раньше.

Политик некоторое время молчал, наблюдая за белыми гребешками волн, набегаящими на берег. Гуль тянул сигару и ждал.

– Впрочем, у нас в Африке с голоду умереть невозможно, не то что в Европе или Америке, – вновь заговорил Маджаи. – У племён банту существует «закон семьи»: если человеку не повезло, его содержит семья, родственники, вся деревня. Потом его устраивают на работу: в родне всегда есть человек, который пробился. Он обязан помогать остальным, потому что остальные помогали или помогут в свое время ему.

– Ну, знаете, как это называется...

– Ну и что? Что плохого в nepoтизме? – политик искренне удивился. – Что плохого в том, что человек помогает своему родственнику? Разве любовь к отцу и матери, брату и сестре – это плохо? Это же естественно. И помогать брату получить хорошую работу тоже естественно, и помочь сестре получить государственную стипендию – тоже.

– Значит, используя собственное положение, можно отдать стипендию своей сестре – пусть она будет совершенно не способна к учебе – и не дать эту стипендию другому, достойному человеку, который мог бы потом принести пользу стране?

– Ха! Если такой человек и пробьется, то, в свою очередь, он будет раздавать стипендии своим сестрам и братьям, а не моим. И не посмотрит, что, может быть, моя сестра будет способнее его брата. Он отдаст стипендию брату. Какая разница?

Маджаи доверительно наклонился и положил толстую руку на колено собеседнику:

– Слушайте... мистер Гуль... Заходите как-нибудь ко мне в гости. Я познакомлю с высшим обществом Луиса... Вероятно, Вам некоторые из них не понравятся – компрадоры, стяжатели и взяточники, но все равно познакомлю. Интересные люди! Это не то, что наш новый президент. Неграмотный фанатик, тупой феодал...

– Вы такого низкого мнения о мистере Околонго? Вы же сами его поддержали...

– Эта кукла всё же лучше, чем большевик Ниачи! Моя страна заслуживает, чтобы ею управляли просвещенные люди умеренных взглядов...

Гуль долго молчал, обдумывая слова вице-президента. Всё это время он ловил его испытывающий взгляд. После долгой паузы он произнёс:

– Вероятно, я воспользуюсь Вашим предложением, господин Маджаи.

– Не надо так официально, зовите меня просто Джим... – политик протянул свою чёрную как смоль руку Гулю. Дипломат несколько замешкался и пожал её:

– Тогда ... зовите... меня просто Адриан, Джим!

– Хорошо, Адриан! Мы с Вами обязательно увидимся, – политик резво встал и вышел из беседки, а Гуль остался докуривать свою сигару.

Едва Маджаи исчез в темноте, Адриан вдруг почувствовал ничтожность всех своих усилий по сравнению с размахом событий, происходящих вокруг. От тоски ему захотелось ещё выпить и немного побыть одному. Пытаясь осмыслить события последнего дня, Гуль совершенно не понимал в какой игре он принимает участие. Его размышления прервали тихие, крадущиеся шаги: кто-то шёл по тропинке в сторону беседки.

– Эй, кто там? – крикнул в темноту Адриан.

– А, это Вы Гуль? – раздался тонкий голосок Блейка. – Я как раз Вас ищу. Ну что, познакомились с Маджаи?

– Да. Мы почти час говорили с ним на разные темы.

– Ну и как он Вам? Не правда ли, хорош?

– Язык у него подвешен, но говорит ли он то, что думает?

– Я не знаю, что там у него в голове, – захихикал Блейк, – но что в кармане нам известно. Поверьте, он занимает активную прозападную позицию и наша задача, чтобы он стал хорошим другом Британии.

– Но почему он говорил со мной? Вы же и так всё знаете!

– Я – лицо неофициальное, впрочем, как и Смелли. Наше слово не может громко звучать в кабинетах Форин Офиса. Мнение наше выслушают, но и только. А Вы сможете сказать своё веское слово, когда Маджаи займёт президентское кресло. Вот он и старается...

– А разве Околонго собирается в отставку?

– На этом свете бываете всё, – уклонился от прямого ответа Блейк. – Представим на минуту, что всенародно избранный президент отрешён от должности...

– Как?

– Импичмент, заболел, умер или ушёл в отставку, пускай даже временную. Кто тогда займёт его место?

– Вице-президент.

– Правильно! А кто им будет завтра? Маджаи! Вот он и пытается заручиться британской поддержкой: наши инвестиции, наши инструкторы, наше оружие...

– Так вот почему он сюда приехал! – догадался Адриан. – Представители инвестора и ...
– Будущий британский посол в Зангаро, – закончил за дипломата Блейк. – Он всецело в наших руках!

– По-видимому, Вы правы, Блейк! Ему будет нужна любая поддержка, если он захочет занять пост президента.

– Поэтому он выётся вокруг нас как лисий хвост. Другого выбора у него просто нет: французам он не интересен, американцы далеко, а русские поддерживают Ниачи...

– За ним стоит армия!

– Вот тут Вы не правы. Мы уже успели очистить президентскую гвардию и оба кадровых батальона от радикалов. Третий батальон укомплектован уроженцами побережья и несёт охранные функции: я уверен, что его офицеры будут придерживаться Конституции. Основную проблему составит северная бригада – она по численности превышает все остальные формирования раза в полтора.

– Как это?

– Никто точно не знает сколько на севере собрано солдат и милиционеров. Там же сосредоточена почти вся современная авиация, но она совершенно не опасна...

– Я где-то читал, что гвианийские «Миражи» обслуживаются и пилотируются саудовцами?

– Их всего четыре, Гуль! Всего четыре! Запчастей не хватает, ещё арабы предпочитают летать в светлое время суток. Так что авиация в случае военного мятежа окажется ненужной. Разве что несколько старых поршневых самолётов, оставшихся с прошлых времён.

– А они ещё летают?

– Представьте себе! Обслуживают внутренние линии: возят почту, чиновников, врачей. Установите на них пулемёт и бомбосбрасыватель и получите готовый штурмовик. Пять-шесть из них легко остановят наступление Северной бригады...

– Зачем Вы мне всё это рассказываете, Блейк?

– Вы же хотите пристроиться послом в Зангаро, не так ли?

– Ну, в общем, да! В Форин офисе утвердили мою кандидатуру...

– Но Вы же понимаете, что ваша синекюра будет моментально прикрыта, если Кларенс возьмут красные?

Гуль сглотнул: он не думал о таком варианте развития событий. На последней встрече Мэнсон твёрдо обещал, что Зангаро останется в рядах демократического мира:

– А разве существует такая опасность? – спросил он после долгой паузы.

– Как будто Вы не знаете, что правительство Боганы взяло курс на объединение территорий!

– Да, я читал что-то в политическом обзоре, но не придавал значения. Как Вы полагаете, Блейк, насколько это может быть опасно?

– Красные опасны всегда. Сейчас за Хрустальными Горами прячутся недобитые сторонники Кимбы. Их довольно много, они организованы и угрожают перевалу...

– Но я ничего не знаю об этом. Местные мне не докладывают, а своими осведомителями мы пока не обзавелись.

– Надо работать, мой друг, надо работать, – наставительно произнёс Блейк. – В том числе и над сбором информации. Никто другой за Вас этого делать не будет...

– Но мой дипломатический статус не подразумевает ничего подобного!

– Не стройте лишних иллюзий насчёт своей работы, Адриан, – произнёс разведчик покровительственным тоном. – Вы, я, Крейг здесь не прохлаждаемся, а работаем на благо Британии. Постарайтесь подружиться с Маджаи и его женой!

– Я приму во внимание Ваш совет, мистер Блейк! – надулся Адриан.

– Это не совет или просьба, а приказ, мистер Гуль! – вдруг голос его собеседника сорвался на визг...

Блейк нырнул в темноту ночи, и Адриан остался один. Ему вдруг жутко захотелось побыть одному и поразмышлять. Он решительно не понимал в какую игру с ним играют...

Наутро для развлечения гостей была устроена «охота на крокодила». Когда Гулю объяснили её правила: он забеспокоился:

– Разве это не опасно?

– Что Вы! Эти люди прекрасно натренированы: Вы будете смотреть на это с безопасного расстояния, – заверил его Чарли и панибратски похлопал его по плечу. Гуль поморщился: от собеседника за милю разлило алкоголем. Он не хотел ехать, но всё же дал себя уговорить. На рассвете в субботу прошёл небольшой дождь, чудом занесённый откуда-то ночным бризом. Казалось, поездка будет отменена, но через полчаса выглянуло веселое солнце, и вся компания поехала развлекаться. Полчаса езды на джипе по узкой дамбе, и охотников привезли к небольшой заводи. Здесь их встретил молодой парень атлетического сложения, нечто среднее между человеком и греческим богом.

– Охота? – спросил он с певучим акцентом.

– Йе, – коротко произнёс Чарли.

– Гуд, – негр безбоязненно вошёл в воду.

– Что за черт, ведь в заводи полно крокодилов! – удивлённо спросила мадам Соваж.

– Тем лучше, – пробурчал Чарли и поднял руку. Взявшийся из ниоткуда бой расставил кресла вдоль берега, подал порцию льда, сифон газированной воды и бутылку джина. Сигареты лежали тут же на столике, под рукой. Несколькими резкими и сильными гребками охотник пересёк заводь и стремительно выбежал на мелководье в туче брызг и пены. Вот он на песке, целый и невредимый. Минуту он тяжело дышал, а потом стал раздеваться донага.

– Почему он снимает свои бриджи? – игриво поинтересовалась мадам Соваж.

– Чтобы быть совершенно свободным, – тоном знатока произнёс Браун. – Все зависит от совершеннейшей точности движений.

– Что зависит?

– Его жизнь и смерть. Вам в какой пропорции смешивать, мадам?

– Один к четырём. И льда побольше...

Кусты и деревья, опоясавшие заводь, были покрыты тонкими и гибкими лианами. Охотник сорвал несколько из них и быстро свил жгут ярда в два длиной, перекинул его на шею и снова полез в воду. На этот раз он действовал очень осторожно. На берегу спали крокодилы, похожие на ряд толстых брёвен. Все они лежали в одном направлении: носом к лесу, хвостами в воде. Они дремали с раскрытыми ртами: меж рядов страшных зубов бегали птички и выбирали застрявшие куски мяса. Охотник медленно шёл по направлению к рептилиям и будил их лёгкими ударами в ладоши: они просыпались и нехотя, по очереди, пятились в воду.

– Что он делает? – поинтересовался Гуль.

– Выбирает жертву, – лениво зевнул Чарли.

Негр остановился у небольшого молодого крокодила – бронированного ящера длиной футов в семь и поднял руку вверх.

– Выбрал подходящего, – удовлетворённо произнёс кадровик и махнул в ответ: – Давай!

Шедший до сих пор размеренно и осторожно охотник вдруг оживился. Он сделал несколько быстрых шагов, подбежал к чудовищу и громко вскрикнул у самой его пасти. Гулю было видно, как крокодил вздрогнул, испуганно открыл глаза и инстинктивно сделал движение назад, в воду. Рептилия хотела бы удрать, но человек присел у его носа, кричал и махал руками, едва не касаясь пальцами пасти, откуда уже выпорхнули птички. Тогда, по закону джунглей, крокодил принял вызов на смертный бой. Он громко захрипел, секунду мялся на месте, а затем начал медленно выплывать из воды. Охотник попятился и вывел чудовище на

полосу сырого песка. Потом он вдруг вскрикнул и остановился на корточках, прижав локти к бокам и выставив вперед сложенные вместе ладони, которые изображали челюсти. Теперь человек по росту и по длине «пасти» соответствовал крокодилу и в этом понимании, вероятно, являлся противником с равными возможностями для борьбы. Крик и остановка означают, что напавшая, сторона выбрала позицию, и крокодил до этого момента медленно, как загипнотизированный, шедший за человеком, тоже остановился. Гуль заворуженно смотрел на это невероятное зрелище: обнаженный красавец и отвратительное чудовище! Между бойцами осталось около трех метров. Вдруг крокодил шумно вздохнул, приоткрыл пасть и, тяжело ворочая когтистыми лапами, сделал шаг вперед. Негр также шумно вздохнул, приоткрыл ладони и сделал такой же шаг на подогнутых ногах. Челюсти рептилии были раскрыты до предела.

Все на мгновение замерли. Подполковник Гомаду вскочил на ноги и перегнулся через парапет с потухшей сигаретой в руках, Маджаи застыл с трубкой в зубах, замер даже бой – он опрокинул стакан на поднос, и вода капала на палубу, и этот звук в звенящей тишине казался ударами молота. Адриан посмотрел на мадам Соваж – она часто-часто задышала, её глаза расширились, кто-то за её спиной шептал все одно и то же нелепое слово:

– Амен... Амен... Амен...

– Теперь все дело в расстоянии: крокодил нападет с расстояния, которое он инстинктивно определяет сам, – деловито произнёс Чарли, отхлебнув джин из своего стакана.

– Оно равно последнему шагу плюс наклону вперед всего туловища, – поддержал его Браун. – Поймет ли этот негр, какой шаг чудовища предпоследний? Уловит ли медленное движение, за которым последует молниеносный рывок?

Гуль пропустил их слова мимо ушей: маленькое движение... Еще одно маленькое движение... Еще один едва заметный шаг... Еще... Вдруг охотник молниеносно поднялся, сделал один длинный шаг и одновременно выбросил вперед руки на всю их, недоступную для пресмыкающегося длину. Он легко ударил по страшным челюстям рептилии своими ладонями, – верхнюю вниз, нижнюю вверх.

– Крак!! – Это в тиши заводи гулко щелкнула за хлопнувшаяся пасть рептилии: Гулю показалось, что упала крышка тяжелого кованого сундука с приданным его бабки. В то же мгновение охотник бросился грудью к крокодилу, быстро обхватил его уродливую морду и обвил ее жгутом в том месте, где челюсти сужаются и сверху напоминают гитару. В следующее мгновение человек мощным толчком перевернул соперника на спину. Сделал несколько быстрых движений по животу от горла к хвосту – и крокодил замер. Он лежал на спине, растопырив в воздухе лапы. Длинный бронированный хвост, легко перебивающий спинной хребет лошади, вытянулся стрелой и слегка дрожал. Над ним стоял обнаженный черный юноша, подняв обе руки в знак торжества и победы. Живой и прекрасный африканский бог, голыми руками победивший опасного хищника!

Минуту гости молчали, совершенно обессилев от напряжения. По лицам у всех присутствующих струился пот. Адриан кое-как стер его со лба и присоединился к буре аплодисментов и приветственных криков: большинство присутствующих кричали во все горло и неистово махали руками. Долго над рекой неся гром оваций, потом все постепенно стихло, и мистер Браун потребовал себе виски, добавил кусочек льда и газированную воду.

– Почему так легко захлопнулись челюсти крокодила? – спросил Гай.

– Потому, что он раскрыл их до физиологического предела и затем мышцы-раскрыватели выключились, а мышцы-закрыватели приготовились к действию, – ответил плантатор. – Один легкий толчок – и пасть захлопнулась!

– А что с ним будет потом?

– С кем? Охотник получит пять или десять баксов за представление...

– Нет. С крокодилом?

– Не знаю, – пожал плечами Браун. – Мадам Соваж пошлёт себе сумочку и сапоги. Впрочем, спросите лучше у Чарли...

– Он пьян!

– Да, ну? Мне так не кажется...

После «охоты» гости вернулись в зону, где их ждал обед. За столом было много разговоров, намёков, полунамёков. Гуль никак не мог врубиться, что от него все хотят. За ужином стало многое понятно: все разговоры так или иначе вертелись вокруг Зангаро, страной которая в силу своей бедности казалась этим хищникам беззащитной добычей. После успешных переговоров по реституции британской собственности, все присутствующие вдруг посчитали Адриана весьма влиятельной персоной и, что удивительно, Гарри Блейк их не разубеждал в этом. Соваж и её приятели захотели выступить под британским флагом и получить бонусы для своей торговой сети, шелловцы желали добыть концессию на континентальный шельф, Мажаи интересовался катом. Не был исключением Фредерик Браун, который консультировался с Гулем о переводе части своих активов из Луанды в Кларенс.

– Португальцы после смерти доктора Салазара уже не те, – пояснил он. – Через два, три, может пять или десять лет они уйдут из колоний. Мне надо заранее побеспокоиться о своих капиталах.

– Вы совершенно правы, мистер Браун. О капиталах надо заботиться, – беззаботно ответил Адриан.

– Я это без Вас знаю, молодой человек, – нахмурился Фредерик. – Я о португальцах...

– Пока страна входит в Североатлантический альянс, Вам не о чем беспокоиться, сэр, – с апломбом заявил дипломат. – Красные туда не придут. Скорее там будет кенийский или заирский вариант...

– Не знаю, не знаю, – процедил Браун. – Что-то мне в это не верится. Вы играете в покер?

– ?

– Мы с нефтяниками решили составить партию. Присоединитесь к нам после ужина?

– Увы, мой дорогой друг. Меня пригласили на туземные танцы...

– А! Это кривляние! Цивилизованному европейцу на них нечего делать. Хотя Вам, это в новинку, не правда ли?

– Я кое-что видел на Занзибаре...

– Э! Это не то. Здесь они более дикие и без наших комплексов. Так что идите, в первый раз Вам это понравится...

После того, как ужин завершился гостей, отвели к вытоптанной босыми ногами площадке. При свете полной луны она блестела: позади нее расположились хор и оркестр, оснащённый примитивными инструментами. Вокруг теснились пальмы, среди них просматривались звёзды. Вокруг горели факелы. Каждому из гостей принесли по охапке мягкой зелени, расположив их прямо напротив оркестра.

– Теперь Вы увидите, господа, уголок настоящего старинной Гвиании, – важно произнесла мадам Маджаи. Танцоры, хористы и музыканты в полумраке казались нагими. Впрочем, так оно и было на самом деле. Гулю сначала показалось, что хозяйка и её сопровождающие тоже обнажены, но затем он увидел на них чёрные трико. Сначала было много шумного озорства, возни. Но затем начались танцы всерьёз. Гулю они очень понравились: тихий рокот оркестр, приглушенная мелодия хора, мерцающий свет факелов, расставленных вокруг площадки...

– Ну как Вам наши танцы, Адриан? – спросил его Маджаи.

– Это был удивительный рисунок, Джим. Он похож на те, что оставили мои предки на стенах своих пещер: зарисовки с натуры, поражающие изумительной точностью и вместе с тем глубиной художественного преображения...

– Негритянские пляски нельзя смотреть людям, лишенным воображения. Если культурный человек видит на сцене театра не жизнь, а игру размалеванных артистов среди картон-

ных и холщовых кулис, то и в наших танцах он увидит только кривлянье. Если очам зрителя дано увидеть мир именно так, то ему не стоит войти на эту поляну, лечь на душистые листья и широко открыть глаза. Поэтому ребята из «Шелла», оба Брауна и Блейк остались у себя в бунгало...

– Надо быть немного ребенком и видеть не то, что есть, а то, что можно угадать за условными знаками, – поддержал Маджаи подполковник Гомаду, весь одетый в чёрное. – Я, Вы вступаете в мир фантазии, когда узенькая ленточка красной материи, привязанной к бедрам и волочащаяся сзади по земле, – огненный хвост злого бога, а полосы белой глины на коже – скелет! Если очам зрителя дано увидеть мир именно так, то ему стоит войти на поляну, лечь на душистые листья и широко открыть глаза.

– Нам сегодня представят ещё две хореографические композиции, – бодро сообщила мадам Маджаи.

Минут через пять началось таинство, древнее и волнующее. На площадку вышли две женщины, лет сорока и пятнадцати. Если судить по их светло-шоколадной коже это были жительницы гилеев.

– Это магический танец жертвоприношения богине судьбы, – шёпотом пояснил Гомаду и глупо захихикал. – Мне он больше нравится.

Оркестр и хор совместно вели нервную, вздрагивающую мелодию, то умирающую, то рождающуюся вновь. Статная высокая женщина остановилась в центре площади и пристально смотрела на п девушку, которая Она описывала вокруг нее широкие круги – смешной танец резвящегося зайчика, не ведающего об опасности.

– Это жрица и посвящаемая, палач и жертва, – вновь шепнул на ухо Гулю Гомаду. Его дыхание было горячим, а запах – противным. Гуль поморщился и немного отодвинулся от отставного полковника. Девушка по-детски скакала и хлопала лапками, не понимая, что ей грозит опасность. Женщина-удав плавно извивалась на месте. Это был танец силы, власти без жалости и сомнения: её голова и правое плечо были вскинута, стройное покачивающееся тело, готовое к молниеносному прыжку, из-под полуопущенных ресниц за жертвой следят безмерно холодные, жестокие и спокойные глаза, и только язычок быстро-быстро бежит между её длинными белыми зубами!

– Тр-р-рах! – вдруг взорвался оркестр.

– Вааах! Уааа! – вторил ему хор. Это был стон страха и отвращения. Девушка вздрогнула и стала озиаться: зайчик заметил удава. Медленно-медленно женщина поднимает руку и пальцем указывает девушке место у своих ног. Оркестр и хор начали надрывно плакать: с каждой секундой всё сильнее и громче. Девушка упиралась, она руками отталкивала прочь страшную угрозу, она отказываясь подойти ближе. Но неотвратимо, неумолимо, с беспредельной холодной жестокостью поднимается властная рука.

– Тр-р-р-рах! – низко и повелительно прозвучали оркестр.

– Вааах! Уааа! – вторил ему хор: страшный палец опять указывает девушке роковое место. Зайчик, не отводя зачарованных глаз, подступает на шаг ближе и снова танцует, но уже по-другому, более близкому кругу. После полудюжины шагов мелодия изменилась. Это уже не испуг и отвращение, теперь это мольба: девушка то просит о пощаде и трепещет в приступе страха, то пытается вызвать жалость к себе слезами и заламыванием рук, то хочет купить отпущение предложением себя, своей молодой красоты: она берет в руки свои маленькие груди и тянет их к палачу с немим воплем «возьми!», но беспощадная рука поднимается опять, низкое и властное «нет!», и страшное движение пальца. Через несколько шагов мелодия снова меняется: теперь девушка издаёт крик отчаяния. Зайчик бьется всем телом: только оторваться от взгляда, только порвать роковую связь, порвать – и сбежать! Ведь лес рядом: там – свобода и жизнь! Но рука поднимается и вдруг хватает за волосы свою жертву!

– А-а-а, – слабо всхлипнул зайчик и следом за ним хор. Оркестр переходит на визг. Ещё движение – и девушка у ног жрицы: наступает тишина. Нет уже удава и зайчика, есть всевластная и жестокая жрица и девушка, которая должна принести жертву богине женственности. Закинув руки назад, женщина хватает нож, бросает девушку на спину, наклоняется и...

Гуль зажмурил глаза в ожидании чего-то страшного, но ничего не произошло. Толпа статистов, выбежавших из леса под звук тамтамов, на мгновение закрыла танцоров. Когда они расступились, танцовщиц уже не было, а на земле лежал измазанный кровью нож...

– Надеюсь её не убили? – наивно спросил Адриан.

– Нет, что Вы, мистер Гуль! Только лишили девственности, – хихикнул Гомаду. – Кстати, эта девушка выйдет замуж за моего племянника...

– Красивая, – цокнул языком Гуль. – А не жалко выставять её на всеобщее обозрение в таком виде?

– Традиция, – покачал головой отставной полковник. – Чем очевиднее это происходит, тем больше почёта!

– Смысл этого танца: предопределение, – пояснила мадам Маджай.

– Да, от судьбы не уйдёшь, – фыркнул Гомаду.

– Люди моего племени оказали Вам и мадам Соваж большую честь, полковник, – надменно произнесла мадам Маджай и демонстративно повернулась к Гулю:

– А сейчас нам предстоит посмотреть танец Земли и Солнца.

Вдруг факелы вспыхнули очень ярко. Они горели так, что их пламя загораживало хор и оркестр от глаз зрителей: видна была только площадка для танцев. На сцену вновь медленно вышла знакомая девушка. Она была, как и прежде обнажена. Её волосы на этот раз были распущены и колыхались в такт её движениям. В руках она несла небольшой кузовок, из которого сыпала какие-то блестящие предметы на землю.

– Теперь она изображает Землю, нашу кормилицу: разве вы не видите зеленую ветку в ее зубах? – начала комментировать постановку мадам Соваж. – Земля плавно шествует по полям, щедро разбрасывая зерна, залог будущего урожая, залог жизни...

Оркестр и хор ускорили ритм, звуки росли, и вместе с ними росли посевы:

– Грациозно склоняясь, Земля растит и холит всходы, выдергивает сорняки и поливает растения, которые становятся все выше и выше, все радостнее и радостнее. Появились статисты: они были плотно обмотаны различными лианами. Сначала они ползли по земле, потом присели на корточки, вытянув вверх руки.

– Они изображают растения, – подсказала мадам Маджай, но Гуль догадался и сам. Когда люди встали и раскрыли ладони, в них оказались цветы. Мадам продолжала комментировать на прекрасном английском языке:

– Рост окончен: теперь растения начинают цвести, и Земля обнимает их. – На площадке образовался счастливый хоровод, девушка изображала, что кормит статистов грудью. – Это чтобы ее дети полнели и наливались соками. Посмотрите, мистер Гуль, вот она вкладывает свой сосок в венчик цветка...

Гуль и без реплик ясно видел их обоих – мать-Землю и ее детей – растений. Торжествуя, они вместе изгибались от тяжести плодов торжествуют

– А теперь наступит жатва, – вдруг произнесла мадам Соваж. Гуль посмотрел на неё – её глаза горели странным блеском, казалось, она предвкушает какое-то новое действие. Через мгновение хор и оркестр задали танцовщице огненный ритм, он был подхвачен всеми присутствующими: хористами, музыкантами, гостями. Это было торжество вознагражденного труда, радость уверенного в себе и сытого человека, апофеоз победы Жизни над Смертью. Тут из леса осторожно вышла тёмная зловещая фигура: эбеново-чёрный юноша с огненным хвостом и с большим алым цветком в зубах.

– Это – Солнце, – воскликнула возбуждённая действием Аньела. – Для нашей земли это – смерть! Видите, Гуль, череп и кости на его теле?

Гуль внимательно пригляделся к танцу. Медленно, будто леопард вокруг антилопы, кружил Солнце вокруг торжествующей Земли и её спутников: всё ближе, ближе... Вдруг он бешено ворвался в круг танцоров и схватил девушку за волосы, вырвал зеленую ветвь. Круг танцующих распался: началась бешеная пляска – борьба Солнца и Земли. Не прошло и пяти минут, как статисты покинули площадку. В круге факелов остались только двое танцоров: грубый и сильный Солнце держал Землю за руку, а она вновь и вновь пыталась начать танец посева. Её усилия были напрасны: с каждой попыткой её силы угасали! Вдруг хор и оркестр замедлили ритм. Раздался дикий, протяжный вопль: Солнце поймало вторую руку Земли! Девушка забилась в жестоких объятиях Солнца и как-бы сгорала в них: с каждым ударом тамтама она становилась всё ниже, но еще вяло отбивалась от усилий Солнца пригнуть ее к своим ногам. Все более вяло, все более бессильно истомленная Земля облизывала губы от жажды и вытирала пот с лица. Вот последний глоток влаги и Земля валится к ногам Солнца, на измятую зеленую ветвь. Солнце торжествует победу! Оркестр гремит, рокочут тамтамы, им подвизгивают тамбурины. Хор издает горестный вопль: начинается сухое время года, время жажды и голода. Земля томится у ног своего победителя, огненный хвост его вьется в воздухе и высоко вверх подброшен алый цветок: это – иступленное торжество Смерти над Жизнью!

Тут Гуль увидел, что происходит нечто невообразимое: Солнце насилует Землю прямо на глазах у публики, хора и оркестра. Он в панике бросил взгляд на окружающих, но те будто не замечали его: все смотрели на действие. Как только акт кончился, на площадку будто упал незримый занавес и наступила тишина. Даже факелы, казалось, едва тлеют...

– Это был Ваш племянник? – спросил Гуль Гомаду.

– Нет, что Вы, я не знаю этого человека, а он не знает ни меня, ни её... И не будет знать...

– Вот как, – удивлённо покачал головой Гуль.

– Наши пляски – это великолепный и наивный детский театр, в котором участники и зрители – дети. Но дети не простые – дети Африки, – раздался громкий голос мадам Маджаи. – Людям из другого мира вход туда запрещен! Но для Вас, мистер Гуль, мы сделали исключение.

– Это было очень интересно, мадам, – вежливо ответил Гуль. – Благодарю Вас...

Он так был взбудоражен танцами, что долго не мог заснуть. Утром прислуга бунгало смотрела на него очень странно...

В самом конце пикника произошло странное происшествие, которое скорее обеспокоило Гуля, чем укрепило его желание помогать всем этим людям. Назад в столицу вся развесёлая компания за исключением Брауна-младшего и пары Маджаи возвращалась на колёсном пароходике, носивший имя «Капитан Бойс». В годы своей молодости он, вероятно, возил ещё лорда Лугарда в бытность его генерал-губернатором. Судно было свежеекрашено, его салон отделан драгоценными породами местного дерева, экипаж и стюарды вышколены, но его паровой двигатель был слаб. Поэтому «Капитан Бойс» едва тащился вверх по одному из русел Бамуанги. За бортом медленно струилась прозрачно-коричневая вода, создавая впечатление будто судно стоит среди громадной чайно-молочной лужи. Навстречу медленно плыли многочисленные островки плавучих цветов, гниющие ветви, стволы, корневища, что-то скользкое и мерзкое, вероятно, это были трупы животных. От воды исходил тёплый сладковатый смрад, удушливый и назойливый. Сквозь жиденькую пелену испарений виднелись низкие берега – черный мангровый лес, а за ним зубчатая стена пальм, кое-где прикрытая низко стелящимися беловатыми разводами тумана. Бессильно откинув голову и закрыв глаза, Адриан слушал равномерный плеск воды по плитам колёс и однообразный стук паровой машины. Из-под опущенных ресниц он видел, как пассажиры столпились на носу и обеспокоенно следили за медленным продвижением судна. Вдруг откуда-то задул ветер: стало легче дышать. Стоявшие на палубе люди оживились, послышался негромкий говор и смех.

Рядом проплыла пирога с туземцами, которые что-то кричали, размахивая руками. Капитан что-то рыкнул в допотопный рупор, но они не отставали.

– Чего они хотят? – поинтересовался Адриан у стоявшего поблизости Чарли.

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Наверное, что-нибудь продать или выменять...

– Ничего, скоро от них отделаемся. В миле отсюда мы пойдём по протоке в лагуну, – громче обычного произнёс стоявший рядом кадровик. – Там течения совсем слабое...

– Господа, хотите посмотреть ещё одно представление, – вдруг громко спросил Браун.

– Да, конечно, естественно... – раздался гул голосов.

Браун подошёл к буфету и взял бутылку местного бренди. Затем он подошёл к перилам, свесился вниз и что-то заорал людям в лодке. Издаваемые плантатором гортанные звуки и жесты никак не вязались ни с его внешним видом.

– Что он им кричит? – спросил Адриан, обращаясь к Чарли.

– Предлагает выпить, – ответила за начальника мадам Соваж. Она подошла так тихо, а голос её прозвучал так неожиданно, что Гуль чуть вздрогнул. Она это заметила, улыбнулась и начала переводить:

– Эй, вы там! Смотрите – вот бутылка! Кто хочет ее выпить? А? Это будет хороший ужин! Гребцы в лодке подняли головы.

– Ну, кто хочет выпить?

Плантатор протянул руку с бутылкой. Лодка заходила ходуном: вскочили все её пассажиры.

– Сбавьте ход у своей калоши! – приказал Браун капитану, – и подгребите к ним. Капитан оглянулся на пассажиров, которые заинтригованно молчали. Потом, поймав одобрительный взгляд Чарли, он что-то скомандовал в машинное отделение. После десяти минут неуклюжих манёвров пароход и лодка сблизилась на расстояние метра. Полдюжины черных рук потянулось за бутылкой, но Браун вдруг размахнулся и бросил бутылку подальше в воду. Она исчезла в коричневых водах Бамуанги, но потом вынырнула и медленно поплыла вниз по течению.

Гребцы в лодке вздрогнули от неожиданности, загудели. Пассажиры «Капитана Бойса» бросились к правому борту, пожирая глазами медленно плывущую бутылку. Вдруг один из гребцов встал на борт, перекрестился и бросился в воду. Сейчас же в коричневой мути неясно метнулось другое, длинное, мощное и удивительно проворное тело – крокодил.

– Представление началось! – громко прокомментировал Браун и довольно засмеялся

Негр быстро подплыл к бутылке и схватил ее за горлышко. Потом развернулся и поплыл назад. Крокодил сделал широкий круг и занял исходные позиции для атаки: с верхней палубы парохода его движения были ясно видны. Смельчак плыл равномерно, стараясь сохранять взятую скорость. То же сделало и животное: оно так же равномерно плыло наперерез, и уже можно было точно угадывать место, где он встретится со своей добычей. С палубы раздался крик:

– Крокодил! Смотри влево! Он плывет наперерез! – это закричали палубные матросы. Браун недовольно оглянулся и прикрикнул на них. Звуки стихли. Гуль вдруг решил, что пловец уже оценил ситуацию и готов к встрече. Капли пота выступили на его лбу. Неожиданно негр заметно ускорил движение. Это же сделало и рептилия. Место перекреста их путей осталось то же. С бьющимися от волнения сердцами пассажиры смотрели в эту странную точку. Аньела непроизвольно схватила Адриана за руку: вероятно это было даже для неё в новинку.

Пловец, еле двигая рукой с драгоценной бутылкой, вдруг бешено заработал ногами. Полоски пены потянулись за его плечами. Без всякого напряжения крокодил тоже прибавил скорость, и на поверхности речной воды четко обозначилась пенная линия, как над боевой торпедой. Точка встречи оставалась неизменной. Десять ярдов! У Адриана перехватило дыхание. Пять! Три! Один!!! Он прикрыл в ужасе глаза, ожидая увидеть смерть, но этого не произошло. В двух футах от точки встречи пловец вдруг затормозил, делая отчаянные движения руками назад. Рептилия с широко раскрытой пастью, как боевая торпеда, запущенная со сле-

пой силой, промчалась мимо, только боком и лапами задев человека. Мгновение спустя хищник сделал отчаянный поворот: брызги полетели вверх во все стороны, но было уже поздно! Лодка летела навстречу товарищу, гребцы что-то орали, пытаясь напугать чудовище: через несколько секунд десять крепких рук уже подхватили его вместе с драгоценной ношей. Рептилия пронеслась рядом с лодкой буквально через пару секунд: она закачалась, но устояла. Новый фонтан брызг, победные крики и бурные аплодисменты на палубе вызвали у Адриана взрыв истерического смеха.

– Что с Вами, мистер Гуль? Всё прошло просто чудесно! – подошёл к дипломату плантатор.

– Вам не кажется, что это несколько жестоко, мистер Браун? – взял себя в руки Адриан.

– Мда, – нахмурил лоб плантатор. – Вероятно. Но это – Африка! Здесь всё не так, как в Европе!

– Я к такому не привык!

– Так, привыкайте! – энергично поддержала плантатора мадам Соваж, только сейчас отпустившая руку дипломата. На её лице появилось выражение безразличия, но мистер Гуль этого не заметил...

Посол Когхил

Резиденция британского посла в Луисе выходила прямо на океан. Почти сто лет назад здесь для первого английского губернатора была построена вилла «в колониальном стиле» – с колоннами, верандами, галереями и обязательными чугунными пушками у ворот. Рядом располагались арсенал, батареи, пакгаузы и казармы. Со временем строения пришли в ветхость и их снесли, а форт перестроили в тюрьму. В начале века здесь разбили ботанический сад. Сейчас он был запущен и превратился в густой, отдающий сыростью старый парк. К зелёному массиву примыкал район бывшего европейского сеттльмента, носивший туземное название Дикойя. В отличие от остальных районов Луиса в нём не строили новых жилых кварталов. За послевоенные годы многие из villas Дикойи меняли своих владельцев: многие британские чиновники и бизнесмены перебрались на родину, уступив место местным бюрократам и ливанцам, составивших костяк местных коммерсантов. Британское посольство сохранило только несколько зданий, которые раньше занимала колониальная администрация, и это были лучшие. Остальные постройки новая власть передала посольствам других стран или продала. Власти столицы объявили район Дикойи «бесшумной зоной». Об этом сообщали надписи и рисунки на дорожных столбах, строго-настрого запрещающие пользоваться клаксонами, без чего гвианцы вообще себе езды не представляли. Об этом Гулю зачем-то рассказал шофёр, доставивший в резиденцию. Видимо, он хотел рассказать о предупредительном отношении властей, на что Адриан лишь безразлично пожал плечами. Он большую часть своей жизни прожил в промышленном городе и давно не обращал внимания на такие мелочи, как автомобильные сигналы. Новому британскому послу в Гвиании от давно ушедшего в отставку предшественника сэра Хью осталось большое хозяйство: местные политики и военные были искушены в интригах, каждый из них рвался к власти любой ценой. Форин Офис требовал от сэра Хью обеспечения стабильности: Гвиания обладала нефтью, и энергичные американские нефтяники уже ковырялись в её недрах. Правда, «Шелл» уже обошла соперников. Затем умер первый президент Симба, после двух военных переворотов в стране установился военный режим. Вслед за ним восстали сеционисты Южной провинции. Старый сэр Хью был не в состоянии уладить дела с новым военным диктатором майором Ниачи. Он попал под влияние красных и подозревал англичан в поддержке сепаратистов. Бедный сэр Хью не был готов к таким пердрягам и подал в отставку. Расхлёбывать эту кашу пришлось новому послу Бакифэлу Когхилу, баронету. Надо сказать, что с честью справился с ситуацией и даже убедил военного диктатора передать власть демократически избранному правительству. Избрание президентом Околонго, обошедшего радикалов во втором туре, было всецело заслугой сэра Бакифэла. По крайней мере, он так считал...

По мнению близких знакомых, карьера сэра Бакифэла Когхила, Чрезвычайного и Полномочного Посла Его Величества в Гвиании, человека исключительного обаяния и обширного кругозора, не удалась не из-за его бездарности, сколько нерадивости. В юности он подавал большие надежды: чисто писал и отличался завидной усидчивостью. Учился он в Тринити-колледже лучше, чем многие его сверстники, в частности, его однокашник Виктор Ротшильд. Благодаря родне и своему длинному генеалогическому древу ещё до своего зачатия он заимел связи, и немалые. Во многом благодаря этому он сразу получил хорошее место в министерстве иностранных дел. Однако с самого начала стало ясно, что возложенных на него надежд сэр Когхил не оправдывает. Поехав в Сиам третьим секретарем посольства, он с увлечением принялся организовывать кошачьи выставки, забросив остальные дела. Затем, будучи переведённым в Христианию, он неожиданно увлекся велосипедным спортом и постоянно где-то пропадал. На службе он часто появлялся грязный, но совершенно счастливый оттого, что побил какой-нибудь рекорд скорости или расстояния. Вызванный этим увлечением абсентизм достиг

своей кульминации, когда имя сэра Когхила обнаружилось в списке участников международных соревнований по велосипедным гонкам на длинные дистанции, устроенный на деньги мафии. В результате этого скандала сэра Бакифэла отозвали домой и срочно женили на дочке видного консерватора, в надежде, что он образумится. Перед самой войной родственники и знакомые надавили на Форин Офис, где нашли ему место в одной из прибалтийских республик. Здесь был нанесён решающий удар по его карьере. Присутствующие на званых обедах лица как-то обратили внимание на то, что дипломат не принимает участия в беседе, если она ведется на иностранных языках. Теперь же вдруг открылась страшная правда: оказалось, что даже по-французски он не в состоянии связать и двух слов! В отличие от дипломатов старой школы, которые, забыв иностранное слово, умели повернуть разговор в нужное им русло, сэр Когхил импровизировал или сбивался на “пиджин-инглиш”. Надо отдать должное его родственникам и приятелям – воспользовавшись началом войны, они поддержали его и тут: отозвали в Лондон и устроили работать в министерство иностранных дел. Здесь он в течение многих лет заведовал секретным дипломатическим архивом и страшно гордился этим. Эта работа привела его в совершеннейший восторг; сэр Когхил был бы искренне удивлен, если бы узнал, что в высших кругах считался неудачником и за глаза звался «немошным». Однако после войны многое забылось и простилось. Когда сэру Когхилу стукнуло шестьдесят, а его дочери – тринадцать, он был возведен в звание кавалера ордена Святого Михаила и Святого Георгия, а с приходом к власти Хита направлен послом в Луис.

Вернувшись в отель, Адриан Гуль обнаружил приглашение посетить посла после захода у себя в номере. Это означало: ровно четверть восьмого. Такси петляло по аллеям огромного парка. То справа, то слева мелькали огоньки. Пахло диковинными тропическими цветами. Здесь было прохладнее, чем в городе, свежее.

– Мы на острове, – пояснял не в меру разговорчивый таксист. – Чуете ветер с океана? Все время продувает. В парке, брат, микроклимат свой, особенный. Раньше ночью здесь не имел права появиться ни один Гвианец, здесь был сэттльмент. Только для белых...

Машина Гуля подъехала к резиденции почти одновременно с Блейком. Заприметив такси, разведчик нажал на акселератор своего «мерседеса» и первым подъехал на своем «мерседесе» к решетке ворот. Охранник у ворот козырнул и поспешно раскрыл створки. Просторный и тихий двор был вымощен каменными плитами, между которыми пробивались зеленые полосы жесткой травы. Блейк медленно подъехал к главному входу и остановился под самым его козырьком. К машине немедленно подбежал слуга и услужливо открыл дверь, помогая Блейку выбраться. Затем он сел в нее и повел «мерседес» назадний двор, в гараж. У подъезда Блейк закурил, поджидая Адриана. Его такси, сопровождаемая полицейским, медленно подъехало к крыльцу.

– Хелло, мистер Гуль! – весело окликнул он дипломата. – Как самочувствие?

– Хелло, Гарри! Прекрасное, – чуть поморщился дипломат, вспоминая последнее приключение. Блейк сделал вид, что не заметил гримасы: ему было и наплевать на ужимки этого «погорельца» – так он про себя именовал дипломата после его поездки на уикенд. С его точки зрения Зангаро не представляло особого интереса для Британии, разве что шельф...

В глазах Блейка Адриан прочел вдруг вызов и удивленно остановился:

– Вы... что-то хотите мне сказать, Гарри?

– Вот именно, – ответил разведчик, загораживая дорогу. Дипломат слегка отступил и стараясь сохранить выдержку вежливо осведомился:

– Если речь идет о чем-то серьезном, то не здесь и не сейчас...

– Вы, – тихо, но очень твердо отчеканил Блейк, приблизив к Гулю свое крысиное лицо. – должны были слушать моих африканских друзей, а не надувать щёки и разглагольствовать о правах человека. Здесь Вам не Европа! Боюсь, что Вы оказали на них плохое впечатление...

– Да как вы смеете! – Голос Гуля сорвался от ярости до свистящего шепота. – Вы... Вы...

– Хотите сделать карьеру в Форин Офисе? – Блейк говорил холодным и жестким тоном. – Поверьте мне, здесь, в Африке, гуманизм никогда не приводил к добру. Потешите свое самолюбие, но повредите делу империи... то есть...

Адриан злорадно ухватился за оговорку.

– Империи? Это вы все еще служите прошлому, сэр. Я же смотрю в будущее...

Он не договорил: Блейк уже не слушал его, серые глаза разведчика были пустыми, он отвернулся и вошел в дом. Гуль на минуту задержался, собираясь с мыслями: несмотря на вечерний ча его прошиб пот. Для этого ему потребовалось время: эта наглая шпионская крыса угадала то, что Адриан тщательно скрывал даже от самого себя: он ненавидел и презирал Африку. Дипломат вздохнул и стал подниматься по лестнице. Когда он вошел в просторный холл, он был совершенно спокоен. Там, как ни в чем не бывало семенил на своих коротких ногах Блейк. В руках он держал бокал martini.

– Угощайтесь, мистер Гуль, – подмигнул он дипломату, как ни в чём не бывало.

В холле было прохладно – неслышно работали скрытые кондиционеры. Гуль подошёл к столу, где услужливый туземец в ослепительно белом кителе и такого же цвета бриджах, смешал ему вермут с тоником и бросил туда кубик льда.

– Льда, пожалуйста, побольше, – распорядился Гуль и стал осматриваться.

Холл посольской виллы напоминал музей. У двери стояли два огромных барабана – один с женскими признаками, другой – с мужскими. Таблички под ними гласили, что они были привезены из Ганы. По стенам на деревянных стеллажах были расставлены деревянные скульптуры. Здесь были фетиши различных племён – непонятные существа, в которых были смешаны черты людей, зверей, птиц, змей и ящериц. За ними в позах безмятежности и вечного покоя застыли фигуры «предков», украшенные бусами, наряженные в яркие тряпочки. По поверьям, в них жили души давно умерших. На некоторых куклах виднелись бурые потеки – следы жертвенной крови птиц, зверей и, возможно, людей. Подумав об этом, Адриан зябко повёл плечами. Прохладный воздух полностью высушил пот, а коктейль смягчил горло и несколько расслабил мозг. На стенах между стеллажами висели маски – огромные, страшные, окаймленные рафией, напоминавшую крашеную солому.

– Это настоящие обрядовые маски, а не подделки, – вдруг резко произнёс Блейк, бесшумно подкраившийся сзади. Его голос раздался так внезапно, что Гуль вздрогнул. – Каждый раз, когда я бываю здесь нахожу все новые и новые экземпляры. Прежнего посла увлекала африканская скульптура. Это и неудивительно. Редко кто из европейцев, живших в Гвиании, удерживается от коллекционирования.

– Почему сэр Хью не взял свои приобретения с собой?

– Не смог. По закону пробитому нашим соотечественником-энтузиастом подобные сокровища запрещается вывозить из страны.

– Вот как?

– И кто же был этот гуманист?

– Некий мистер Гайяр. Его отец сколотил состояние, торгуя каучуком по всему западному побережью, а сын

сорок лет посвятил собиранию и сохранению знаменитой Гвианской скульптуры. Он основал частный музей, а в последние годы был советником военного правительства по культуре. К нашему большому сожалению его случайно застрелили сепаратисты...

– Вот видите, мистер Блейк, – наставительно произнёс Адриан. – Не все наши соотечественники алчны...

– Конечно! Легко стать благотворителем, заработав десяток миллионов фунтов на каучуке. Правда, сынок ухлопал часть своего состояния на музей. Однако, по сравнению с теми сокровищами, которые его папаша заработал в Гвиании, это – сущий пустяк.

Не желая поддерживать разговор, Гуль отошёл к другой стене холла. Какое ему дело до каких-то там скульптур. Эта часть зала была целиком посвящена под оружие. Здесь было всё – от старинных португальских аркебуз и канъянгуло – современных самодельных самопалов – до вилкообразных ножей бамелеке, прямых туарегских мечей, кривых хаусанских кинжалов, абордажных сабель и зулусских ассегаев. Центр композиции составлял овальный щит из буйволово́й кожи, два перекрещенных копья и лук с отравленными стрелами.

Предшественник сэра Бакифэла Хью взял себе за правило – давать посетителям побыть несколько минут наедине с его коллекцией. Ему очень льстило внимание знатоков к его хобби: последние годы Европа просто сходила с ума по

«примитивному искусству» Африки. Новый посол решил не менять этой традиции. Он дал своим гостям четверть часа побыть в этом музее. Ровно в восемь часов он легко и изящно спустился по лестнице, слегка касаясь баллюстрады, – загорелый, сухощавый, в голубом костюме яхтсмена. По неписанным правилам, его одежда означала, что беседа будет неофициальной. И Блейк, и Гуль знали условности: они именно так это и поняли.

– Хэлло, джентльмены! – весело бросил посол с ходу и обменялся рукопожатиями. Затем он сделал приглашающий жест и, не дожидаясь ответа, легким шагом прошел к раздвижной стеклянной двери.

– Предлагаю всем перейти на веранду...

Веранда была большая и просторная, она выходила прямо к темной ночной воде бухты Луиса. С океана тянул свежий бриз, пахнувший солью. Благодаря ему веранде было прохладно. Ветерок шелестел в кронах пальм, нависших над верандой, невидных в темноте. Напротив блестела цепочка огней порта. Маленький огонек полз туда по черной воде – какой-то лодочник пересекал лагуну по своим делам. Было удивительно тихо. Трое европейцев уселись в плетеные кресла. Слуга в белоснежном кителе пододвинул каждому по маленькому, так называемому столику, аккуратно положил на столики небольшие салфетки из рафии. Другой слуга принес напитки.

– Что предпочитаете пить, джентльмены? – осведомился сэр Бакифэл. – В эту пору я предпочитаю розовый джин с тоником со льдом.

Он кивнул молчаливому слуге, который немедленно наполнил тяжёлый хрустальный бокал бледно-розовым напитком.

– Виски-сода, пожалуйста, – моментально отреагировал Блейк. – И побольше льда.

– А мне – мартини-водка, – после некоторого раздумья произнёс Гуль. – И лёд, конечно...

– О, Вы следуете советам старины Флеминга, – усмехнулся посол. – Поверьте, это неудачный выбор в такую жару.

– Мистер Гуль – новичок в этих местах, – усмехнулся Блейк.

– Подражание супермену книжки – не самый лучший способ выжить, – пошутил сэр Бакифэл и, увидев, краску, выступившую на щеках Гуля, добавил. – Ну, ну, молодой человек. Не тушуйтесь! Я Вам рекомендую мартини с содовой и со льдом. Водка в наших условиях – лишнее...

Пока посол развлекался, Блейк, злорадно улыбаясь, сверлил злобным взглядом начинающего дипломата.

– Да, сэр, – еле-еле выговорил Гуль, задыхаясь от смущения и ярости.

В кажущемся беспорядке на веранде были расставлены глиняные горшки разных размеров – белые, синие, красные, в них росли причудливые тропические растения. Они закрывали

её от посторонних любопытных взоров, создавая иллюзию сплошной зелёной завесы. Посол внимательно оглядел присутствующих и звонко произнёс:

– Ваше здоровье!

Он поднял тяжелый хрустальный бокал с розовым джином. Гуль и Блейк последовали его примеру. Сделав по глотку, все на некоторое мгновение замолчали. Странная пауза затянулась.

– Тихо, – решил нарушить тревожную тишину Гуль.

– Очень тихо, – подтвердил посол, поднося бокал к тонким губам. – Но не всюду. Особенно на южной границе.

Он имел в виду Зангаро, где прошли демократические выборы. В африканской прессе до сих пор бушевали страсти. Левые радикалы утверждали, что результаты выборов сфальсифицированы, а список социалисты вообще исключены из избирательных списков. Гуль вежливо промолчал, понимая, что в случае неудачи все свалят на него. За него вступился Блейк:

– Эти чёрные болваны не знают меры. Даже организовать выборы как следует не могли. Вот вам и результат...

– Но вы-то должны были понимать, на что пойдут красные! Ведь они развязали настоящую гражданскую войну. По данным местной разведки большая часть страны занята ими!

– Сэр, они занимают только районы Загорья. Это гилеи: там нет ресурсов, продовольствия даже дорог!

– Тем не менее это две трети территории и половина населения страны. Что будет после их поглощения Боганой! Мы с такими усилиями стабилизировали положение здесь, в Гвиании. А теперь коммунистическая инфильтрация возможно вдоль всей юго-восточной границы. Что Вы молчите, Гуль?

– А что я могу сказать? У меня штат – два человека! Я как раз и приехал к Вам, чтобы спросить, что мне делать, сэр.

– А разве Вы не знаете?

– Нет. Не могу же просить прислать британский эсминец для защиты британских подданных в Зангаро!

– Наши граждане уже увезли семьи из Кларенса, – меланхолично заметил Блейк. – А эсминец не пришлют без просьбы правительства суверенной страны.

– А Окойе молчит. На что он рассчитывает? Не понимаю...

Лицо сэра Бакифэла несмотря на загар потемнело. Его раздражал и этот самоуверенный юнец, и этот коротышка-разведчик.

– Я представляю правительство Её Величества в Гвиании. Какое мне дело до Зангаро? – нараспев сказал он.

– А что скажет Форин Офис, если Богана и Зангаро объединятся наподобие Танганьики и Занзибара?

– Ну, это ещё когда будет! У них нет никаких предпосылок для этого: ни экономических, ни этнических, ни культурных...

– Зато есть политические! – с апломбом заявил Блейк. – Неужели правительство Гвиании будет сидеть сложа руки в ожидании укрепления большого коммунистического государства на своей южной границе?

– Этот вопрос – риторический, – отпарировал посол. – Вам лучше знать об этом Гарри.

– Да. Я знаю. Знаю о том, что Гвиания напрямую неспособна лезть в эту кашу.

– Почему? – спросил Гуль. – Ведь армия Гвиании втрое больше боганской. Что стоит побряцать оружием на границе?

– Послушайте, Гуль, – оборвал его Блейк. – Не лезьте в не своё дело! Вы же не разбираетесь в военном деле, так!

– Послушайте, Гарри, не давите на нашего гостя, а лучше обрисуйте нам поподробнее ситуацию, – вступился за коллегу посол. Он сразу почувствовал к сэру Бакифэлу что-то вроде благодарности и простил ему шутку насчёт коктейля. Блейк с недовольным видом стал подробно рассказывать о ситуации. Из его слов следовало, что местная армия была неплохо вооружена, но была расколота на три фракции.

– Начинания нового правительства полностью поддерживает только малочисленная вторая бригада. Оба её пехотных батальона численностью примерно в тысячу человек расквартированы на юге. Президентская гвардия и третий отдельный батальон размещены на западе. Эти части, численностью в семь-восемь сотен бойцов возглавляют конституционалисты. Они будут следовать букве закона и вполне надёжны в случае угрозы путча, но и только. К сожалению, на них в случае проведения наступательной операции рассчитывать не придётся. Все без исключения офицеры первой бригады, расквартированной на севере, являются сторонниками военного режима и боготворят своего командира – бригадира Ниачи...

– Извините, мистер Блейк, – прервал разведчика Гуль. – Это тот самый офицер, который до недавнего времени был главой военного правительства Гвиании, а потом временным президентом?

– Был, – вдруг кивнул головой посол. – После того, как я лично уговорил его уйти в отставку и назначить всеобщие выборы, он вернулся на военную службу и получил чин бригадира...

– А его друг, начальник Главного Штаба полковник Даджума, назначил его на пост командира первой бригады, – ядовито добавил Блейк. – В её составе находятся примерно половина всех боевых подразделений Гвиании, включая вертолёт, артиллерию и бронетехнику. Мой осведомитель в министерстве обороны утверждает, что на севере находится три тысячи солдат.

– Вы в этом точно уверены, Гарри, – насторожился сэр Бакифэл.

– Севером занимается один из наших лучших агентов, – возразил Блейк.

– Черный? – скривил губы посол.

– Европейец. Человек с опытом и хорошо знающий те края. Он и сейчас где-то там.

– И вы ему верите? Трудно представить себе, чтобы порядочный человек... – посол не окончил фразу и с презрением пожал плечами.

– У меня есть средство заставить его работать, – жестко отрезал Блейк.

Сэр Бакифэл с сомнением покачал головой.

– Получается, что сторонники военного правительства, контролируют большую часть армии? – вмешался в разговор Адриан. Блейк согласно мотнул головой и продолжил:

– Это так, но в районе столицы формируется батальон лёгкой пехоты, на вооружение которого поступило самое современное вооружение: вертолёты и танки.

– Это моя заслуга, – тщеславно произнёс посол. – Мне удалось убедить наше правительство продать бронетранспортёры «Спартан», танки «Скорпион», вертолёты «Уэссекс» и две сотни штурмовых винтовок для вооружения батальона.

– Только нам до сих пор неизвестно их настрояние, – ядовито заметил Блейк. – Если майор Ффлипс поддержат Ниачи, то Луис удержать будет трудно...

– Но чем могут быть недовольны эти офицеры? Ведь это я их сделал тем, кто они есть! Или их снова подстрекают?

– Чтобы быть недовольными, – вмешался в разговор Блейк, – ничьи советы не нужны. Если нам известно обо всех здешних безобразиях, то думаете, туземцы ничего не знают? Знают!

В голосе Блейка была нескрываемая ирония:

– Вы знаете, например, очередной анекдот о министре финансов?

– Какой? – дипломатично уточнил сэр Бакифэл. – Их много...

– У министра есть список всех компаний – и местных, и иностранных. В нём проставлено – сколько с кого. Хапнул – отметил крестиком. Так вот, на днях приходит представитель европейской компании, на прощание дарит министру золотой «Ролекс». Тот взял. А потом вызывает секретаря – это его троюродный племянник – и говорит: «Предупреди этих белых болванов, чтоб больше часов не носили! У меня их уже целый ящик имеется. Скажи, пусть несут наличными».

Все рассмеялись.

– Оставьте свои мрачные шуточки, Гарри, – махнул рукой посол. – Ребята из этого батальона получают прибавку из нашей казны. Им есть что терять...

– Ваша правда, сэр, – махнул рукой Блейк: он решил не спорить с боссом. – Так, вот, Гвиания совершенно не готова к крупномасштабному конфликту, мистер Гуль...

– Но, но, но что же делать? Я так рассчитывал, – залепетал Адриан. Он вскочил на ноги и подошёл к послу. – Неужели Зангаро для нас потерян!

– Ну вовсе нет, мой мальчик, – сэр Бакифэл снисходительно потрепал его за рукав. – Садитесь и слушайте! Сэнди! Подай виски с содовой мистеру Гулю. Блейк, начинайте!

– Для начала, дорогой мистер Гуль, хочу Вам объяснить, зачем я организовал Вам поездку на пикник. Там находились почти все местные толстосумы и политики, которые интересуются Зангаро. Я надеялся, что Вы установите с ними дружеские контакты, но этого не произошло. Ваша филистерская натура дала о себе знать. В общем, Вы им не понравились. Никому! – в конце фразы голос разведчика перешёл в крик.

– Полегче, Гарри! – осадил его посол. – Приступай к делу.

– Хорошо, сэр. Так вот, мистер Гуль, у всех гостей на пикнике есть интерес к Зангаро. Шелл хочет получить концессию на разведку нефти, агентство «Соваж» – взять на себя грузовые перевозки, а мистер Браун – получить концессию на кхат. Они готовы были Вам предложить свою помощь и хотели, чтобы Вы донесли их предложения до правительства Зангаро...

– Но это же частый бизнес! Я не имею права!

– Послушайте, мой мальчик, – произнёс сэр Бакифэл, – никто Вам не предлагает взятку. Вы должны только озвучить их предложения, как группы британских инвесторов. Ведь все они имеют британские паспорта и являются поданными Его Величества...

– И даже Маджаи?

– Он – нет. Кроме коммерческого он имеет и политический интерес...

– Вы же хорошо знаете местных политиканов, сэр Бакифэл...

– Именно так. Для него потерять власть – это потерять все.

– Дейли брэд, – со смешком вставил Блейк.

– Да, да, хлеб насущный. Это вам не Англия, Гуль. Если местный политик ломает себе шею, он не умрет с голоду...

– И ему не надо кормить многочисленную родню, – последовало уточнение Блейка. – Если человек не берет взятки, его просто считают дураком. В Африке политика – кратчайший путь к обогащению. Иначе ее здесь никто не рассматривает.

– В этой стране, – брезгливо поморщился посол, – если кто-то дорвался до министерского поста, все министерство будет забито его родственниками. Или теми, кто сможет ему дать хорошую взятку. Зато родню своего предшественника он немедленно выкинет с насиженных мест. Вы понимаете к чему я клоню?

Гуль помотал головой.

– Маджаи почти двадцать лет на государственной службе. Он «вкусил власти» и будет стараться всеми силами достичь её вершины!

– У него осталось только два соперника на пути к ней: президент Околонго и бригадир Ниачи... – произнёс Блейк и замолчал. Какое-то время он меланхолически потягивал виски,

давая возможность Гулю переварить услышанное. После нескольких минут тишины, он продолжил:

– Как Вы думаете, джентльмены, сколько миллионов нахапал за это время Маджаи?

Посол прищурился.

– Пять? Десять?

– По моим данным – до пятидесяти.

– Шиллингов?

– Фунтов. Правда, местных, гвианийских. И большая часть из них сейчас лежит в швейцарских банках.

Гуль покачал головой.

– И все же, джентльмены, вы никогда не задавались вопросом: почему мы, порядочные люди, все время выступаем в союзе с какими-то подонками?

– Слишком сильно сказано, дорогой Адриан! – невольно поморщился сэр Бакифэл. – Конечно, есть дела, за выполнение которых берутся далеко не все. Но ведь без черной работы не обойтись даже в самом благородном предприятии. Не берите это в голову...

– А мы даем им займы, – ехидно проворчал Гуль. Сэр Бакифэл недовольно поморщился.

– Не забывайте, мистер Гуль. Перед этой страной у Великобритании имеются особые обязательства...

Адриан иронически прищурился, но посол этого не заметил и пафосно произнёс:

– Я создаю здесь витрину западной демократии.

– Однако, сэр, – ехидно произнёс Блейк. – Хочу Вам сообщить, что последние выборы – сплошное жульничество! Каждая из сторон пыталась извлечь максимум выгоды из подконтрольных округов. Но всё же наш кандидат победил.

– Вынужден с Вами согласиться, Гарри, но иначе у власти бы стоял бы Ниачи. Если мы научились разбираться в африканцах, то и они раскусили нас, – меланхолично заметил посол. – Некоторые негры – весьма способные ученики. Однако, вернёмся к теме нашей беседы. Настоятельно Вам рекомендую, мистер Гуль, встретиться с Маджаи частным образом и поговорить с ним о возможном вмешательстве со стороны Гвиании. Финансирование операции возьмут на себя Ваши знакомые...

– Но они же разочарованы во мне, – горестно произнёс Гуль.

– Это мы исправим, – сказал Блейк и добавил. – Но только как только Вы договоритесь с Маджаи...

– Когда я смогу это сделать? – воспрянул Адриан.

– Вот это дело, – радостно засмеялся посол.

– Думаю, что завтра Вы получите приглашение посетить его дом с частным визитом, – тонкие губы Блейка стянулись в узкую полоску. – Только не закройте это дело снова...

– Нет!

Сэр Бакифэл заулыбался и вдруг громко хлопнул в ладоши. От внезапного звука Гуль вздрогнул.

– Не пугайтесь так, мой мальчик. Всё будет хорошо! А теперь джентльмены, прошу отобедать. У меня сегодня седло по-кафрски...

Блюдо оказалась отменным, десерт изысканным, а обслуживание превосходным. Более о делах не говорили: рассказывали анекдоты, вспоминали добрую, старую Англию, искали общих знакомых...

– Надо признать, что сэр Бакифэл весьма приятный джентльмен, – подумал Адриан. – Как он срабатывается с этим шизофреником Блейком?

В половине одиннадцатого обед закончился. Выкурив по сигаре, трое англичан расстались.

– Я Вас подброшу до отеля, мистер Гуль, – предложил Блейк. – По ночам в Луисе бродить опасно.

– Даже в Дикойе?

– Особенно в Дикойе, – с ударением ответил разведчик.

– Тогда извольте оказать любезность, мистер Блейк! – подчёркнуто вежливо ответил дипломат.

– Охотно!

Всю дорогу они ехали молча. Только перед самым отелем Блейк прошепел:

– Вам выпал второй шанс Гуль! Смотрите не пропустите!

Ничего не ответив, Адриан попрощался кивком и захлопнул дверь. Его обуревали разные чувства. Несмотря на это он быстро заснул и проспал до завтрака. Спустившись в ресторан, он по старой привычке заказал континентальный и двойной эспрессо. После этого Адриан решил подняться к себе в номер, но его окликнул портье:

– Мсье Гуль, Вам – письмо!

– Вот как? – Адриан взял конверт со странным гербом: неграми, барабанами и копьями. Он с нетерпением вскрыл его: это было приглашение «доктора» Маджаи посетить его дом сегодня после заката.

– Быстро сработано, – ухмыльнулся Гуль и направился к лифту. Тут его кто-то окликнул:

– Извините, мсье. Не могли бы Вы уделить мне несколько минут.

Адриан обернулся и увидел перед собой католического священника.

– Чем обязан? – спросил он после некоторой задержки. Хотя он и был крещён по католическому обряду, Адриан очень спокойно относился к таинствам церкви.

– Вы не против, если я угощу Вас чашечкой кофе, месье Гуль?

– Когда тебе что-то предлагает церковь трудно отказаться, – попытался пошутить Адриан. Священник выжал на своём тонком постном лице подобие улыбки:

– Я не займу у Вас много времени, мсье. Надеюсь, что Вы меня выслушаете.

– Охотно, святой отец, – заинтриговано ответил дипломат.

Когда они удобно расположились в вестибюле за столиком, священник изложил суть проблемы. Оказалось, что он представляет фонд «Каритас интернешнл».

– Видите ли, мсье Гуль, наша организация имеет широкие интересы. Очень широкие! Так случилось, что одна из наших послушниц трагически погибла в Зангаро. Она была наследницей одного из культуртрегеров этой страны и хотела передать нам его наследие. Культурное наследие Гвиании! Однако, правительство Зангаро тормозит передачу её документов.

– Я-то здесь причём?

– Видите ли мсье Гайар был британским подданным и кому как не Вам вступить за законные права нашей матери-церкви, – священник набожно перекрестился и сложил в молитвенном жесте руки.

От одного его вида у Гуля возникло игривое настроение:

– А я знаю, что Вы хотите получить. Музей деревянной скульптуры...

– Вы весьма прозорливы, сын мой, – взгляд священника из приторно-сладкого моментально превратился в ледяной. – Мы хотим спасти бесценные сокровища от разграбления местными чиновниками. Они не ценят красоту...

Он холодно смотрел на собеседника, ожидая его реакции. Гуль замешкался, игривость куда-то пропала.

– Ну, я попробую что-нибудь сделать, – неожиданно залепетал он, – но только в рамках моих полномочий.

– Этого будет достаточно, сын мой, – священник осенил его крестным знаменiem, голос его смягчился. – Запомни, мать наша, святая церковь, всегда помнит своих слуг и щедро награждает их...

– Да, да...

– Если тебе понадобится помощь с нашей стороны, обратись к монсеньору Фернандесу. Ты должен был с ним встречаться, – снисходительно произнёс священник. – А теперь прощайте, мистер Гуль, не смею Вас больше задерживать.

– Что Вы, что Вы, святой отец. Я всегда рад побеседовать с носителем слова Божьего.

– Я рад, что мы друг друга поняли, мистер Гуль, – священник встал и, осенив крестным знаменем дипломата, медленно вышел из вестибюля.

Находясь под впечатлением общения со святым отцом, Адриан некоторое время сидел в оцепенении. Он автоматически заказал себе ещё один кофе (Третья чашка за утро!). Из ступора его вывел Саймон, подсевший к нему за столик:

– Что тебе сказал этот чёрный клобук?

– Да так. Ничего. Просил об одной услуге, – Адриан даже не заметил, что Эндин перешёл на «ты».

– Э, парень, как тебяхватило, – он хлопнул Адриана по плечу. – Ау! Эй, официант, два виски со льдом! Ты у нас оказывается очень впечатлительный!

– Что Вы такое говорите, мистер Эндин! – очнулся Гуль.

– Это уже лучше! Ну-ка, скажи, что хотел от тебя этот чёрный ворон?

– Сущую ерунду: похлопотать о наследстве одного британского поданного. Оно имеет культурно-историческую ценность!

– Точно?

– Точно!

– Держи ухо востро с этой вороной.

– А кто это был?

– А он что, даже не представился?

– Нет. Всё как-то странно произошло...

– О! Это казначей местной епархии. Ещё тот иезуит. Сродни сэру Джеймсу и Мартину Торпу. Когда я с ним торговался об аренде заброшенной миссии, с меня семь потов сошло... – тут Эндин осёкся, поняв, что сказал лишнее. Но Гуль его почти не слушал. Он залпом выпил и кофе, и виски.

– У меня от ваших интриг голова кругом идёт! Все чего-то хотят, что-то просят, что-то выгадывают...

– Это верно, мой друг, пошли в бассейн. Там мне расскажешь, что хотела эта сутана.

– Пошли, – вяло сказал Адриан и поплёлся следом...

Найти виллу Маджаи оказалось просто. Саймон, предложивший отвезти Адриана, спросил первого встречного дорожного регулировщика, лишь только такси въехало в квартал, прилегающей к Дикойе, тот подробно объяснил дорогу. Решетчатые, крашенные под серебро ворота в мощной стене белого камня оказались запертыми. Эндин посигналил, и откуда-то из глубины обширного двора шаркающей походкой появился парень с заспанным лицом. Придерживая у пояса сползающие рваные брюки, он подошел к решетке и завел с Саймоном долгий разговор на местном языке. В конце концов он протянул ему сквозь решетку визитную карточку Гуля, и парень неторопливо удалился. В ожидании Адриан вышел из машины и принялся разглядывать усадьбу сквозь решетку. В конце двора оказалась еще одна стена – бетонная, из-за которой виднелась красная черепичная крыша двухэтажного дома. Стена дома, выходившая во двор, была глухой, без окон. Лишь несколько узких щелей, напоминавших бойницы, глядели в пустой двор – без единого кустика, без единого деревца. Наконец из калитки во второй стене появился все тот же детина, подошел к воротам и, ни слова не говоря, принялся их отпирать. Как только такси въехал во двор, ворота опять оказались запертыми. В дальнем углу двора виднелся застекленный подъезд с далеко выступающим навесом. Дверь была открыта. Адриан

с Саймоном переглянулись и вошли. Они оказались в приемной. Молодой парень в строгом костюме вскочил из-за металлического стола «модерн».

– Мистер Гуль? – спросил он с полупоклоном.

– Да, это я, – ответил Адриан.

– Мистер Маджаи просил Вас пройти в гостиную и немного подождать. У него совещание.

Секретарь услужливо распахнул массивную дверь. Они прошли небольшой коридор, в который выходило полдюжины закрытых дверей, и оказались на просторной террасе, вымощенной каменными плитами. Над террасой простирался навес из зеленых волнистых пластмассовых листов. Предвечернее солнце, пробиваясь сквозь пластик, окрасило все вокруг в приятный изумрудный цвет. Все казалось изумрудным: камни террасы, мраморные столики, расставленные по ее необъятной ширине, глиняные горшки с различными растениями. Адриан обратил внимание: среди них не было ни одного африканского. Он подошел к одному из столиков, расположенного у самого края террасы и сел. Его примеру последовал Эндин.

Терраса выходила на узкую, пустынную лагуну в той её части, где располагался форт Корокоро, а ныне – тюрьма. Вода была темна и недвижима. Только редкие огни отражались в ней. Стена дома, к которой примыкала терраса, была целиком стеклянной. За стеклами виднелись две просторные комнаты – гостиная и столовая. Мебель в них была новенькая и самая современная, дорогая, выставленная напоказ, как в витрине магазина. Но вот в этой витрине появилась невысокая хрупкая гвинейка в строгом сером костюме. Адриан сразу узнал её – это была мадам Маджаи. Она приветливо улыбнулась гостям сквозь стекло, подошла к нему, нажала кнопку на раме – и стеклянные рамы разъехались в разные стороны.

– Мистер Гуль, – приветливо улыбнулась женщина. – Рада Вас видеть снова у меня в гостях. Представьте мне вашего друга!

– Харрис. Уолтер Харрис, – хрипло произнёс Эндин. – Бизнесмен.

– Очень приятно, – хозяйка дома непринужденно уселась в кресло, закинула ногу на ногу.

– Мой муж очень рад вас видеть, – начала она, обращаясь к гостям, обернулась к Эндину и принялась с интересом разглядывать его.

Эндин весь напрягся в ожидании подвоха.

– Так вот Вы какой! – наконец сказала мадам Маджаи, смотря на Саймона в упор. – Понимаю Ядвигу. Она мне про Тебя рассказывала...

– Вы знаете Ядвигу? Ядвигу Браун?

– Да. Я как-то брала интервью, когда работала на телевидении. Потом мы подружились: она давала мне много разного материала... – Она засмеялась и обернулась к Гулю: – Вы знаете, моя подруга мне кое-что рассказала о мистере Харрисе. Я чуть было не поверила, что ваш он – заговорщик и приехал в Гвианию для организации революции в Зангаро. А ещё ходит слух, что Вас подозревают во взрыве какой-то морской калоши в Уарри, – она замолчала, подбирая слова.

– Мистер Маджаи на пикнике сказал, что не верит во всю эту историю, – пришел ей на помощь Адриан. Саймон ему благодарно кивнул.

– Да, да, – поспешно согласилась мадам Маджаи. – Он кое-что рассказал о Вас, мистер Харрис по дороге домой.

В этот момент в гостиную из внутренней двери вошел хозяин. С ним шли два европейца в дорогих серых костюмах. В одном из них Гуль узнал Фредерика Брауна. Хозяин дома издали помахал гостям рукой.

– Хэлло, сейчас, сейчас...

Его спутники слегка поклонились, важные, полные собственного достоинства. Адриан поймал настороженный взгляд Фреда и никак не успел на него отреагировать, как все трое скрылись в доме. Вторым, как ему показалось, был Смелли. Мадам Маджаи вздохнула:

– Дела. Вечно дела, дела, дела. Все эти иностранные бизнесмены ищут себе гвианийских партнеров. Раньше они бы с моим мужем не стали и разговаривать, а теперь... Теперь он помогает им зарабатывать хорошие деньги.

– Хэлло, Питер! – Маджаи вновь появился на террасе. На этот раз он был один.

– Рад с вами познакомиться, мистер Харрис! Надеюсь, что с Вас скоро снимут все подозрения и протянул руку.

– Надеюсь, – ответил на рукопожатие Саймон. Вице-президент тяжело уселся в легкое плетеное кресло, и оно затрещало.

– Приобретаю все больший вес в государстве, – пошутил он. – Извините, что задержался. Но ничего не поделаешь. Я же говорил вам, я – капиталист. Политика в нашей стране – неверная штука, если ее не...

Он усмехнулся, оборвав фразу, – подошел слуга и сказал, что вождя просят к телефону. Маджаи подмигнул Гулю:

– Наверняка из фирмы «Джон Холт»! А я уже договорился с американцами...

Он встал и направился в дом.

Мадам Маджаи вновь попыталась поддержать беседу, но безуспешно. Гуль её совсем не слышал, а Саймон старался расспросить о Ядвиге.

– И далась ему какая-то баба, – подумал Адриан.

– Мистер Гуль, идите сюда! – позвал Маджаи из гостиной. – Нам надо поговорить, а отсюда мне ближе к телефону.

Он подождал, пока англичанин войдет в гостиную, и тяжело плюхнулся на диван, рядом с которым на маленьком столике стоял оранжевый телефон.

Слуга, не дожидаясь приказания, принес две бутылки пива.

– Как вам здесь нравится? – спросил Маджаи с довольной улыбкой.

– Модерн.

– А некоторые кричат, что я живу в роскоши, как миллионер. Другие, видите ли, на меня работают, пот проливают... Да, и в Гвиании есть красные. Только здесь им не Европа! Вот недавно забастовали триста человек на заводе моего знакомого. Тот взял да всех разом и уволил. Что вы думаете? Все триста прибежали просить прощения как миленькие, ведь на улице сколько хочешь безработных. Мой знакомый всех взял назад, кроме смутьянов.

– Резонно.

Хозяин усмехнулся:

– Ведь если рассудить, все эти смутьяны – основные враги молодой Африки. Кто я сейчас? Национальная буржуазия! Следовательно, на данном этапе я прогрессивен. Я развиваю производительные силы. Я создаю национальную промышленность. Я веду страну к экономической независимости. А они мешают мне. Да, рабочие получают недостаточную, по их мнению, зарплату. Но сегодня мы, африканцы, должны все чем-то жертвовать в пользу родины.

– Вам, наверное, приходится чувствовать это больше других...

Маджаи продолжал улыбаться:

– Это моя слабость. Люблю красивые вещи. Поверите ли, все здесь сделано по моим чертежам. Я ведь – инженер. Нравится?

Зазвонил телефон. Маджаи жестом подозвал жену:

– Скажи, что меня нет.

– Это Флипс...

Мадам Маджаи выжидающе смотрела на мужа. Тот нахмурился.

– Я буду говорить с ним из кабинета, – бросил он жене, неторопливо вставая. – Одну минуту, господин посол. Гуль был польщён таким обращением и спокойно продолжил пить пиво в ожидании хозяина. Тем временем, Саймон просто очаровал мадам Маджаи, стараясь

разузнать как можно больше о Ядвиге. Когда хозяин вернулся, они переговорили о текущих делах.

– Я смогу убедить президента оказать помощь Зангаро, – сказал в конце беседы Маджаи. – Только, что мне с этого будет?

– Разве Вас будет мало «подарков» наших друзей? – засмутился Гуль.

– А миллионом больше, миллионом меньше! Это не важно...

– А что тогда для Вас важно?

– Во-первых, чтобы Ваша королева знала о моей поддержке всех британских начинаний, а, во-вторых, – тут Маджаи на минуту задумался. – Я хочу иметь временное убежище. Зачем вы спросите меня? Так, на всякий случай. Зангаро мне вполне подходит...

– Зачем это Вам, Джеймс?

– Рано или поздно я стану президентом и столкнусь с Ниачи и его людьми. А это – профессиональные военные, пусть не такие хорошие, как британские, но всё же военные. Мне тоже надо иметь своих...

– Я Вас понял, господин вице-президент, и сделаю всё зависящее, – заверил Адриан.

– Ну я пока ещё частное лицо, мистер Гуль. Присягу я принесу только в воскресенье, – скорчил гримасу Маджаи. – Я ещё целых пять дней буду частным лицом. Надо многое успеть.

– Но рано или поздно Вы всё же станете вице-президентом, а может быть и...

Собеседник Адриана довольно улыбнулся и приложил палец к губам:

– Не забегайте так далеко вперёд, мой друг. Посмотрим, как всё сложится. Однако, идёте ужинать. Нас, наверное, уже заждались. Я распорядился накрыть на четыре персоны. Надеюсь, что Ваш друг не откажется...

Решительным шагом будущий президент Гвиании направился к двери и, приоткрыв её произнёс:

– Идёте ужинать. Я распорядился накрыть на четыре персоны. Надеюсь, что Ваш друг не откажется...

– Вероятно нет, – произнёс Адриан.

Ужин на вилле Маджаи был исключительно европейским и, естественно, не таким изысканным как у сэра Бакифэла. Пища была пресной, а обслуга не такой вышколенной, как в посольстве. Застольный разговор был несколько натянутым и свёлся к общим фразам о различных событиях из жизни в Европе и Африке. Адриан заметил, что Маджаи старательно обходит все острые темы и старается не говорить о политике. Уже прощаясь, он пожал Гулю руку и тихо произнёс.

– Смотрите, Адриан, не подведите меня и наших общих друзей из Западноафриканского комитета, – весомо произнёс Маджаи. – И сообщите лично президенту Окойе, что я окажу ему всеобъемлющую помощь, если она ему понадобится.

– Обязательно, – шёпотом ответил дипломат и подумал. – Мэнсон, всюду Мэнсон...

По дороге в отель он напрямик спросил Саймона:

– Скажите, Эндин, сэр Джеймс имеет контакты с нашим гостеприимным хозяином?

– А как Вы думаете? – хмыкнул Саймон. – Конечно! Старик играет по-крупному и не хочет, чтобы произошла осечка, как в прошлый раз.

– Это Вы про что?

– А так! Не берите в голову. Вас это не касается...

На остальные вопросы Адриана он отвечал односложно, сделав вид, что занят управлением машиной. Рано утром в гостиничном номере мистера Гулю раздался звонок. Это был Фредерик Браун:

– Доброе утро, мистер Гуль, – бодро прокричал он в трубку. – Не разбудил?

– Нет. Я уже встал и позавтракал. Чем обязан?

– Сегодня после полудня мой сын летит в Кларенс. Он может Вас взять с собой...

Поскольку дел в Луисе больше не было, Адриан собирался первым рейсом лететь на место своей службы. Старый «Конврэр» его мало прельщал, и поэтому он с радостью согласился.

– Охотно.

– Тогда он будет ждать Вас в кафе аэроклуба в половину второго. Устраивает?

– Вполне.

– Извините, что не смогу лично проводить Вас, у меня – дела, – деловитый голос Брауна монотонно гудел в трубку: – Но, если хотите, могу прислать машину...

– Спасибо, не надо. Я возьму такси. Багажа у меня совсем немного.

– Как знаете! До свиданья, сэр.

– До свиданья...

Геологи

Рассвет, как и темнота, на экваторе удивительно быстро: прямо на глазах гаснут звезды, небо светлеет, становится серым, затем появляются легкие голубые тона, в них добавляется немного золота. Его становится все больше, а голубая краска превращается в синюю – и не успеваешь оглянуться, как всё вокруг уже все блестит и сияет в ласковых еще пока лучах утреннего солнца. Профессор Иванов наблюдал за этим явлением удобно расположившись на латеритовом утёсе Хрустальных гор. Его геологическая экспедиция прибыла в Богану в конце июня после того, как теплоходу «Комаров» запретили войти в порт Кларенса. Сначала их хотели направить в Браззавиль, потом – вернуть на Родину, но затем кто-то наверху направил их в Габерон. В указании была чётко обозначена главная цель экспедиции: поиск крупного месторождения цветных или редкоземельных металлов в Хрустальных Горах. Ещё в Союзе он изучил всё, что имелось в открытом доступе, и даже поговорил с профессором этнологии Корневым, который некоторое время жил в Богане.

– Не стройте иллюзий, коллега: там никогда не было полезных ископаемых, – сказал тот. – Англичане и немцы облазили эти края вдоль и поперёк и ничего не нашли. Но может Вам повезёт больше, чем им! – напоследок обнадежил этнолог.

Обосновавшись в Габероне, профессор потребовал провести аэрофотосъёмку всей территории республики. Три «кукурузника» в течение двух дней утюжили воздушное пространство Боганы, делая подробные снимки. Один из них разбился, и спасательная операция на время прервала процесс. Наконец, в начале августа все проявленные снимки легли на стол руководителя экспедиции. Их изучение заняло всего несколько часов: никаких аномальных изменений земной коры на них не было.

– Что тут искать? – сетовал профессор Иванов, ещё раз просмотрев результаты аэрофотосъёмки. – Итак всё ясно. Хоть шаром покати: сплошные латериты...

На следующий день он отправил доклад вверх по инстанции и ознакомил с ним советника посольства по внешним связям. В тот же вечер его вызвал к себе Сам – Чрезвычайный и Полномочный Посол Союза ССР Афанасенко в Богане и Конго. Кроме советника по культурным вопросам Чепикова на встрече присутствовал ещё один мрачный тип с фарфоровыми глазами, явно комитетчик.

– Неужели всё так плохо, товарищ профессор? – посол огорошил Иванова вопросом в лоб. – Нам Вас рекомендовали как знающего специалиста и вот тебе! Вы пишете в своём отчёте, что никаких металлов в Хрустальных Горах нет, а у нас есть другая информация.

– Вы же даже туда не выезжали! – подчеркнул «фарфоровые глаза». – На Вашу экспедицию затратили валюту, оснастили по первому слову техники, а результатов – ноль! Более того, трое Ваших сотрудников недееспособны. Одна из ассистенток обгорела на солнце, другой лежит с дизентерией в госпитале, не хватало, чтобы кого-нибудь из остальных укусил за пятку крокодил! Никакой дисциплины...

– У меня не армия, а научная экспедиция, товарищи, – огрызнулся профессор. – А дисциплина тут не при чём. Людям нечего делать, вот они и попадают в разные неприятности.

– Как это нечего делать? А искать руду? – возмутился «фарфоровые глаза». – Это же – основная цель вашей экспедиции профессор.

– Где искать? Судя по результатам аэрофотосъёмки весь южный склон – сплошной латерит. Там можно ставить кирпичный завод, но и только.

– Неужели там нет никаких металлов? – огорчённо произнёс посол.

– Практически нет, Евгений Иванович. Нами обнаружены несколько месторождений фосфатов, каолина и бокситов, но они не имеют промышленного значения.

– Это почему же?

– Там нет коммуникаций. Не возить же по воздуху...
– А если проложить дороги?
– Их строительство не окупится. Металл иссякнет раньше...
– Но, по нашим данным, – произнёс фарфоровые глаза, – в этих горах что-то нашли.
– Кто британская геологическая партия...
– А! Это то, о чём мне говорили перед отплытием из Мурманска. Что же, вполне может быть. Я в своём распоряжении имею только аэрофотосъемку южных отрогов. Если у меня будут аэроснимки центральных районов, то я смогу что-либо сказать определённое. Но как Вы их сделаете? Это же другая страна!

– Снимки из космоса подойдут? – поинтересовался посол.
– Вряд ли, Евгений Иванович. Там слишком маленькое разрешение. Вот если бы пролететь на самолёте вдоль хребта...

– Мы добудем нужные материалы, Михал Михалыч, – посол решительно поднялся из кресла, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена.

Примерно через неделю «фарфоровые глаза», которого, как оказалось, звали Александр Васильевич, вывалил перед удивлённым профессором целую кипу аэрофотоснимков. Профессор быстро разложил их на столе, пробежался взглядом и уверенно ткнул в блеклое пятно на фоне пышной зелени:

– Здесь надо искать. Явная аномалия.
– Вы уверены, профессор?
– Да! Если месторождение и есть, то только здесь. Посмотрите сами!
«Фарфоровые глаза» взял снимок в руки и долго его рассматривал, что-то соображая.
– Готовьтесь к походу, профессор.
– Куда?
– В этот район.
– Но?
– Это приказ! – голос комитетчика вдруг зазвучал пронзительно и резко. – Я обеспечу надёжную охрану, но вашим людям не следует знать куда вы направляетесь.
– Если только ваши не проболтаются, – съязвил профессор.
– Они? Они не смогут, – ухмыльнулся Александр Васильевич. – Когда Вы будете готовы? Иванов прикинул в голове, сколько времени потребуется на сборы, и уверенно сказал:
– Послезавтра утром. Надо сложить инструмент, просмотреть реактивы. Сами понимаете...

– Понимаю, – угрожающе произнёс комитетчик. – У вас все здоровы?
– Более или менее...
– Лучше более, чем менее. Если кто не здоров, пусть лучше останется. Я его отправлю в Москву. Там будет не до шуток.

– Нет. Люди в партии проверены, тренированы. Каждый знает своё дело. Прошли не одну дальнюю экспедицию...

– Знаю. Но всё же, – замялся Александр Васильевич, – должен Вас предупредить, что будет сложно. Очень сложно.

– Понимаю.
– С оружием обращаться умеете?
– Да. Все участники экспедиции служили в армии, а Верочка имеет разряд по стендовой стрельбе.

– Хорошо. Перед отлётом вам выдадут личное оружие и пару карабинов.
– Разве мы летим?
– Часть пути вы проделаете на вертолёте, – улыбнулся комитетчик. – Затем вам надо будет сделать километров тридцать по западному склону гор.

– А как же оборудование?

– У вас будут носильщики в достаточном количестве. Ещё вопросы есть?

Иванов пожал плечами: всё равно этот тип правды не скажет, а тратить время бес толку не хотелось:

– Разрешите приступить к сборам?

– Конечно. О готовности вертолёт я Вам сообщу, профессор.

Однако, прошёл день, другой, неделя, а вертолёт всё не было. Геологи сидели как на иголках.

– Видимо, у них что-то не сложилось, – подумал профессор. За это время он со своими коллегами досконально изучил серо-зелёное пятно в густых зелёных зарослях джунглей.

– Там определённо, что-то есть, но что?

– Вероятно олово. Судя по данным со спутника, уровень радиации в этом район находится в норме, – высказал предположение ассистент профессора. Он писал под его руководством диссертацию и пользовался большими привилегиями в кругу своих коллег.

– Может бокситы? – предположила Верочка.

– Маловероятно. Скорее всего медь или свинец, – внёс свою лепту помощник начальника экспедиции по имени Фёдор. Это был старый, заслуженный геолог, проработавший лет двадцать в различных геологических партиях по всему Союзу: от Средней Азии до Заполярья. Он ещё не совсем оправился от дизентерии, но всеми силами рвался в экспедицию: именно в этом он видел смысл своей жизни.

– А может там – золото! – предположил ассистент.

– Бери больше, Борька, – алмазы! – засмеялась Верочка.

– Коллеги, перестаньте шутить! – вмешался в беседу Иванов. – Будьте серьёзнее. Давайте лучше ещё раз проверим наше снаряжение...

Вертолёт так и не прилетел. Только первого сентября крытый военный грузовик доставил экспедицию в сензал Мосана, расположенный у южного отрога Хрустальных Гор. Это было последнее селение, к которому вела дорога – всего лишь несколько глиняных хижин да государственная лавка, построенная из бетонных блоков. В семи километрах к северу от неё проходила черта, условно называемая государственной границей. На просторной поляне в беспорядке стояли круглые хижины с высокими конусами тростниковых крыш. Был полдень, и от всепроникающей жары Мосана словно вымерла. Рядом с одной из хижин, у входа, завешанного циновкой, тлели угли. Дымок стлался по земле и тянулся к зарослям. Тощая пегая собака, высунув язык, подошла к деревянной ступе, лениво обнюхала её и поплелась в кусты. Все дышало миром, ленивая дремота царила в крохотном лесном селении. Иванову и раньше приходилось бывать в таких лесных деревушках. Несколько кур, тростниковые циновки да миски и кувшины, сделанные из сушеных калебасов, – вот и все «добро», которым обладали их обитатели. Геологи и их охрана вылезли из грузовика и из любопытства вошли в лавку. Кроме стеллажей с товаром комнате почти не было мебели. У стены лежали свернутые циновки из рафии, в углу – оцинкованный бак с водой. Из небольшого транзисторного приемника, поставленного на подоконник, тихо журчала музыка. На полках громоздились штуки пестрых тканей, одеяла, эмалированная посуда. Были там и керосин, и мачете, и лопаты. Мешки с крупной солью стояли рядом с ящиками пива, велосипеды громоздились один на другом и отражались в квадратах небольших зеркал, которыми были увешаны свободные стены. Торговавший в лавке мулат, отзывавшийся на имя Санаф, достал из холодильника, работавшего на керосине, запотевшие бутылки лимонада.

Верочка вошла в лавку вместе с коллегами. При виде её глаза мулата слегка прищурились – слишком необычно выглядела белая женщина в новенькой, хорошо подогнанной военной форме. Санаф вышел из-за прилавка и молча подал ей табурет. Она благодарно кивнула и села, держа в худой руке стакан золотистого лимонада.

– Лимонад пахнет керосином, – неуверенно сказал она, ни к кому не обращаясь. Геологи дружно закивали, глядя в упор на продавца: в конце концов, керосином пахло действительно крепко. Санаф насторожился и невольно оглянулся на посетителей. Солдаты охраны, как ни в чём не бывало, допивали свой лимонад и один за другим выходили из лавки.

– Извините, проблемы с холодильником. Через год обещают электричество, – стал оправдываться мулат и опустил взгляд. – К сожалению, я вам ничего не могу предложить.

– Та вот вы куда сховались! – в проеме двери появилось обгоревшее на солнце улыбающееся лицо. – А я Вас шукаю повсюду. Идэмо, Вас товарищу капитану кликают...

Только сейчас до геологов дошло, что к ним обратились по-украински.

– Здравствуйте, товарищ, – от неожиданности выдавил из себя профессор Иванов. – С кем имею честь?

– Старшина Петренко, – перешёл на официальный тон военный. – Пройдёмте со мной. Вас ждут.

Геологи прошли за деревню и оказались в небольшом городке, расположенном в полукилометре от деревни. Лагерь представлял собой несколько низких хижин, сколоченных из грубых, необструганных досок и крытых травой. Он расположился на «пяточке», отвоеванном у джунглей. Здесь почва была суше, а воздух свежее. Геологам отвели одну из лучших хижин, состоящую из двух комнат. В одной из них они поставили раскладушки, а из второй сделали столовую. Пока устраивались, небо вдруг затянулось тучами, засверкали молнии, а затем хлынул тропический ливень. Все были рады, что вовремя расположились на ночлег. Дождь лил всю ночь, и под его аккомпанемент мы спали как убитые. Утром их ожидал строгий капитан по фамилии Белкин.

Без лишних слов он выдал оружие и представил проводников и носильщиков. Во время инструктажа он постоянно косился на Верочку, произносил всякие комплименты и оказывал ей знаки иного внимания. Она никак не реагировала на его заигрывания, и капитан расстроился.

– Вашим переводчиком и главным советником до бомы Коро будет Алек, – Белкин сухо представил негра довольно интеллигентного вида. Он был одет в полевую форму без знаков различия. На плече у него висел АКСУ вниз стволом, а из кобуры торчала рукоятка Стечкина. Его арсенал был дополнен красивым арабским кинжалом. Всё это говорило о том, что перед ними не простой переводчик. Догадку профессора подтвердил капитан, который в самом конце инструктажа произнёс: – Товарищи геологи, рекомендую старательно прислушиваться к советам Вашего проводника.

– Конечно, товарищ капитан, – заверил Белкина профессор. – Скажите, как долго идти до Коро? Судя по карте тут всего километров тридцать по прямой.

– Понимаю, профессор. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги? – засмеялся Белкин.

– Уи, мон капитан, – шутливо козырнул ему Борька.

Белкин нахмурился от фамильярности рядового сотрудника экспедиции и серьёзно сказал:

– Три-пять дней, а вы как думаете, товарищ Алек.

– Не меньше, – впервые за всё это время произнёс негр. Он говорил по-русски очень чисто, почти без акцента. – Наш путь идёт через гилеи.

– Разве мы не могли обойти джунгли по плато?

– Могли, но... – начал было Алек, но Белкин его перебил:

– Товарищи, по соображениям секретности и вашей безопасности избран именно этот маршрут! Вам понятно...

– Да, – вздохнул Иванов, который только сейчас сообразил, что они пересекают границу другого государства.

Сразу за Мосаной начался таинственный мир джунглей. Первое впечатление, возникшее у членов экспедиции от джунглей, – «хаос» в природе. Это была какая-то невероятная путаница – почти непроходимая стена из деревьев, кустарников, трав и бамбуков, перевитых травянистыми и одревесневшими лианами разной толщины и длины. Лианы цеплялись за голову, руки и ноги, как щупальца спрута. Кое-где деревья даже над тропой так смыкались, что геологи шли, словно по узкому туннелю. На тропе лежали, свернувшись спиралью, черные, с синеватым оттенком, тысяченожки размером с бублик, валялись полусгнившие плоды. В одном месте над ними так низко нависли ветки деревьев, что приходилось сильно наклоняться, чтобы не удариться головой о сук и не повредить глаз. Отряд продвигался очень медленно. Кроме веток движению мешала плотная пелена паутины, по которой бегали гигантские пауки. Местами она застилала глаза, а лица и куртки геологов становились от нее белыми. Вначале утренний воздух джунглей бодрил, но уже через пару часов стало душно, ни малейшего ветерка. Солнце не проникало сквозь завесу буйной растительности, всюду царили сырость и полумрак. Кое-где вдоль дорожки гнили огромные упавшие деревья, прели листья. Пот с геологов лился ручьями, но стоило кому-нибудь из них остановиться и немного посидеть, как его начинала бить легкая дрожь:

– Во время перехода по джунглям нельзя останавливаться, а то можно простудиться, – инструктировал своих сотрудников профессор перед маршем. Борис не послушался и действительно простудился. Всякие сюрпризы он ожидал встретить в джунглях, но только не простуду... как-то это не укладывалось в голове.

На заболоченных участках, вымощенных тонкими и скользкими от грязи жердями, отряд продвигался еще медленнее. Чтобы не очутиться в черной жиже, приходилось осторожно пробираться, опираясь на длинную слегу. В этот день неопытный в такого рода переходах Борис два раза окунался в черное месиво, а остальные чудом удерживались, балансируя руками, как заправский канатоходец. Вслед за ними по бревнышкам шли носильщики. В отличие от геологов, негры шли уверенно, горделиво, плавно ступая босыми ногами. Их сопровождали несколько полуобнаженных молодых туземок с большими корзинами за плечами. У некоторых из них висели на шее дети.

– Зачем с нами идут женщины и их дети, перенося лишения в пути? – задал профессор вопрос переводчику.

– Их мужья будут работать, а они будут готовить нам пищу, – последовал ответ.

Так они прошли километра четыре. Вдруг тропа резко оборвалась: несколько громадных стволов упали на неё, сделав дальнейший путь совершенно непроходимым на протяжении нескольких сотен метров. Иванов решил прорубать тропу через джунгли, поскольку возврат назад был чреват осложнениями с руководством.

– Для прорубки тропы надо три группы по четыре человека, – предложил Алек. Профессор с трудом переводил дух. Он не имел никакого понятия о том, что обычно делается в таких случаях, и слишком устал, чтобы вмешиваться. Его спас помощник:

– Борис, отбери дюжину самых здоровых хлопцев, – распорядился он. – Переводчик и мы – не в счет, и без этого хватит дел.

– Делайте так, как считаете нужным, – подтвердил профессор. Уже потом он засомневался – не слишком ли это просто – переложить всю тяжесть принятия решений на ассистента?

Тем временем, Фёдор начал действовать. Сначала он при помощи компаса определил направление движения. По его прикидкам, предстояло проложить путь протяженностью около четырёхсот метров через густые заросли кустарника, папоротников, лиан, бамбука и других деревьев. Ориентиром служило дерево, росшее среди кустов примерно в полусотни метров от места стоянки. Помощник начальника экспедиции созвал рубщиков к себе и разделил их на три группы по четыре человека в каждой.

– Нам нужно прорубить тропу через джунгли, – бойко заговорил он. Алек старательно переводил его речь: – Сначала держитесь направления примерно десять метров левее вон того дерева. Каждая группа работает пять минут, а потом десять минут отдыхает. Я не хочу тратить на весь день, поэтому не стоит валять дурака: кто будет уваливать от работы – будет наказан. А теперь перед началом работы отдохните несколько минут...

Это была медленная, нудная работа. Рабочие продвигались вперед со скоростью полтора метра в минуту, преодолев после двух часов работы только четверть километра. Туземцев это мало беспокоило. Каждый должен был работать только пять минут в течение четверти часа, и вполне успевал отдохнуть. Двое рубщиков работали рядом, рубя растительность пангами и придавливая ее ногами. Двое других шли за ними, расширяя тропу. Они бесстрастными, ровными движениями рубили кусты, их широкие и коренастые фигуры приобретали невероятную гибкость. Со стороны они казались животными, устраивающими своё жилище. Было видно, что они гордятся своей силой и сноровкой. Когда их крепкие мышцы напрягались и расслаблялись и пот струился по спине, распространяя здоровый запах своего тела. Сменщики лежали прямо на проложенной тропе, шутили и курили. Казалось, что сам факт, что они сумели прорубить этот путь, радовал их.

– Что они говорят? – поинтересовался Иванов у Алека, наблюдавшего за рабочими.

– Радуются тому, что, когда обойдут этот завал, можно будет хорошо отдохнуть. Сначала они отчаялись, что придётся возвращаться и не получают плату, а сейчас рассчитывают на дополнительные подарки.

– А мы должны их сделать?

– Само собой...

Обойдя завал, отряд подошёл к заброшенному лагерю. Вокруг него оказалось много ярких цветов. По ним ползали, собирая нектар, огромные черные пчелы, размером с навозного жука. Алек стал уверять, что укус такой пчелы очень болезнен. Геологи вовсе не хотелось быть укушенными, и мы благоразумно сели под уцелевший навес, чтобы передохнуть. Вскоре Верочка почувствовала, как ней поползли какие-то насекомые. Осмотревшись, она заахала: вокруг неё прыгали сотни блох. Подошли носильщики и их жёны, которые стали помогать вылавливать. Один из них заметил:

– Нас блохи не трогают. Почему же они набросились на вас?

Немного передохнув, колонна продолжила путь. Вдруг спереди послышались испуганные крики впереди идущих рабочих:

– Фурми, фурми, боку!

– Что они кричат? – поинтересовался Фёдор у насторожившегося Алека.

– Муравьи, муравьи, много! – прошипел он и стал осматриваться. – Осторожно!

– Я читал, что челюсти у сторожевых муравьев – настоящие кусачки, – произнёс вдруг Борька. – И впиваются они мертвой хваткой в тело. Для того, чтобы его отцепить надо разрывать тело муравья на части: оторвать вначале туловище, а потом извлекать из кожи голову.

Примеру Алека последовали остальные. Муравьи представлялись сплошным чёрным ручьём, наискось пересекавшим тропу. Их поток занял несколько метров тропы, которые предстояло форсировать. По команде своего десятника носильщики вдруг перешли на бег, скача широкими шагами через чёрную реку. Муравьи с остервенением кусали их за голые ноги, но они продолжали бежать. За ними последовали их жёны. Кованные ботинки геологов оказались лесным насекомым не по зубам. Когда на джунгли стала опускаться ночь, колона остановилась на ночлег. За этот день они сделали девять километров. Мужчины, сбросив груз, растянулись на траве. А женщины, сняв поклажу и детей, принялись таскать воду, рубить дрова, готовить ужин.

– Какие у вас сильные женщины, какие они великие труженицы, – заметила Верочка переводчику, который, как и все остальные мужчины, растянулся на траве.

– Да, женщины у нас такие, – ответил переводчик, не подняв головы.

После ужина каждый из геологов лег спать на раскладушку под небольшим навесом из пальмовых листьев, не забыв натянуть марлевый полог. Он хорошо защищал от насекомых. Едва светила идущая на убыль луна, стояли не шелохнувшись деревья, словно обсыпанные серебром, высоко в небе мелькали светлячки, напоминая искры фейерверка...

Десятого сентября геологи достигли селения Коро, где их встречал капитан Акимцев с тремя десятками вооружённых людей, одетыми в военную форму без знаков различия. Он как со старым знакомым поздоровался с Алеком, а потом подошёл к геологам.

– Здравствуйте, Михаил Михайлович – сказал он и крепко пожал руку профессора. – Вот мы вновь с Вами увиделись. Дальше Вас поведу я...

– Здравствуйте, Евгений Николаевич, – ответил на рукопожатие учёный.

– Через пятнадцать минут соберите своих людей вон там. Я проверю их оружие и снаряжение, – офицер кивнул в сторону дощатого навеса, расположенного на огороженном дворе у здания склада.

Через четверть часа четверо геологов с оружием и рюкзаками собрались вместе. Иванов посмотрел на часы и оглянулся. Желто-красная земля. Белесо-желтое от полуденного солнца небо. Серо-зелёные из-за марева вершины Хрустальных гор и серые островерхие хижины, украшенном покосившейся то ли часовенкой, то ли вышкой. Это Африка, тропическая Африка. Земля, которую он узнал немногим более пяти лет назад, когда участвовал в геологической экспедиции по Гвинее. Дощатый навес в тени пальм лишь создавал иллюзию пролады, зной проникал повсюду. Верочка с красным от загара лицом села на доски и обмахивалась подобием веера. Кобура с её пистолетом съехала между ног и весьма сексуально лежала на бедре. Её карабин в матерчатом чехле был прислонён к стене сарая. Борис в выгоревшей, пыльной рубашке, перетянутой португезами, тщетно пытался освежить лицо мутноватой, теплой водой, черпая ее пригоршнями из широкого глиняного сосуда. Планшет и кобура провисли на его ремне почти до самых колен. Только Фёдор Иванович, вечный заместитель и ближайший помощник невозмутимо стоял, опершись на второй карабин.

– Хорошо, что я оставил Элану в Габероне, – пробормотал профессор. – Здесь она была бы лишней. Он не представлял, как его симпатичная молоденькая ассистентка, пережившая тепловой удар после активных солнечных ванн, смогла бы пережить этот переход. В отличие от Эдика, который так и не смог оправиться от дизентерии, он оставил её в посольстве для обработки материалов экспедиции. Полковник Петров не возражал. Где-то далеко-далеко, дома, сейчас тоже лето. Мягкое, пряное приобнинское утро, извечный непокой великой реки... Благодатное лето с пляшущими солнечными бликами на воде изгибах, с прохладной истомой тайги, где, покрытые влажными туманами, растут высокие сосны и кедры по колено во цветах и вздыбленных мхах. Азарт рыбалки и охоты, с глухариным током, с опаленным солнцем и кострами на березовых опушках. Россыпи цветов на них с голубикой и брусникой, вкусно, прохладно и сочно лопающейся на зубах, точно кетовые икринки, птичьи перепевы в сплетеньях древесных крон, а воздух! Дышать – не надышишься, там дышать словно петь. И, конечно, главное – Академгородок. Бетонные трассы лучами расходятся от него в разные стороны, новые, бетонные пирамиды построек, решительно врезающихся в буро-зеленую стену тайги, и приземистые бревенчатые бараки первопроходцев таежной целины, перезвон поездов, гул работы в портах, лязг машин, гул гусеничных вездеходов...

– Товарищи, предъявите оружие к осмотру, – негромкий хрипловатый голос Акимцева вывел из профессора из приятной дремоты. Он открыл глаза и увидел перед собой усталого, опалённого местным солнцем капитана. Его сопровождали шестеро рослых африканцев, вооружённых «калашами». Передав ему свой «ТТ» профессор с интересом наблюдал, как Акимцев проверяет его оружие. Неспешно, внимательно, профессионально. За себя Иванов не волновался: война и долгие годы в экспедициях приучили его к бережному обращению с ору-

жием, но как справились его коллеги? Капитан вернул пистолет профессору и удовлетворённо хмыкнул. На очереди был Фёдор Иванович: к нему тоже не было претензий.

– Рекомендую носить карабин в чехле, – буркнул Акимцев напоследок. Следующей на очереди была Верочка. Она уже давно была на ногах и ожидала своей очереди. Её красное от загара невыразительное лицо в полутени навеса напоминало лицо хищной птицы. Она, по-видимому, немного волновалась: переминалась с ноги на ногу и постоянно поправляла, стянутые в узел выгоревшие добела волосы. Когда Акимцев подошёл к ней, она ловка вынула свой пистолет из кобуры и сноровисто расчехлила карабин.

– Отлично, – удивлённо произнёс проверяющий после тщательного осмотра. – Вы, наверное, хорошо стреляете?

– Да, – потупившись пролепетала Верочка, которая строила Акимцеву глазки ещё на «Академике Комарове».

– Очень надеюсь, что до этого не дойдёт, – жёстко произнёс Акимцев, возвращая карабин. – А это что такое?

Он взял двумя пальцами пистолет Бориса: он весь был бурым от латеритовой пыли.

– Мой пистолет, – пролепетал Борис.

– Вы его когда-нибудь чистили?

– Н...нет, не успел...

– Почему? Вы не проходили стрелковую подготовку?

– П...почему. Инструкции по стрелковому делу...

– Тогда почему Вы даже не очистили своё личное оружие от заводской смазки! – гаркнул Акимцев. – Почему оно всё в пыли!

– Но я не думал, что тут опасно... – попытался оправдываться Борька. – Я его ни разу не доставал...

– Вы, что думаете, оружие вам просто так выдали, – Акимцев обвёл геологов грозным взглядом. – Вокруг полно опасностей. Здесь водятся не только четвероногие хищники, но и двуногие...

– Но Александр Васильевич обещал нам надёжную охрану, – заступился Иванов за своего ассистента.

– Да. Охрану обеспечиваю вам я, но это не значит, что оружие может быть не боеготовым...

– Я понял Вас. Евгений Николаевич, – миролюбиво произнёс профессор.

– Вот и хорошо, – понизил голос Акимцев. – Теперь я познакомлю с Вашей личной охраной...

Профессору в силу его возраста и Верочке в силу её половой принадлежности были прикомандированы по два бойца, а Фёдору и Борьке – по одному. Кроме обеспечения безопасности охранники выполняли функции носильщиков, неся на себе часть личных вещей геологов. Как объяснил профессору Акимцев расчёт строился на том, чтобы в среднем на человека выходило не более полутора пулов, включая оружие. Остальное оборудование экспедиции тащила целая толпа негров из бомы Коро под надзором десятка солдат. Ещё несколько человек во главе с Акимцевым составляли передовое и боковое охранение колонны. Тропа шла по восточному склону Хрустальных Гор, по которой передвигалась экспедиция, была пустынна. Лишь однажды им навстречу попались две женщины с причудливыми причёсками, похожими на петушиные гребни. К их спинам были привязаны детишки лет пяти. При виде приближающейся колонны они шарахнулись в придорожные кусты и скрылись в чаще. На одном из крутых поворотов отряд вдруг остановился: тропу медленно переходила семья бабуинов, крупных, похожих на собак обезьян. Иванов схватил фотоаппарат и подошёл к Акимцеву, который приложив ладонь к козырьку панамы наблюдал ща животными. Самец – самая большая особь в стае – встал поперек дороги и оскалил белые клыки. Две самки поменьше, с детенышами

быстро пересекли дорогу и исчезли в камнях. Вслед за ними сошел с дороги и их защитник – не торопясь, спокойно, то и дело оглядываясь на остановившихся людей. Больше непредвиденных задержек на пути экспедиции не было. Марш был проведен и организован безупречно: уже через три дня геологическая партия достигла цели и приступила к обустройству лагеря. Он находился в месте слияния двух ручьев, стекавших с Хрустальной Горы, и с лёгкой руки Борьки получил название «пяточок».

Эта местность ничуть не напоминала гилеи. Ручьи с шумом сбегали по склонам и звонко разбивались о камни, образуя пороги. Они сливались в быструю, бурную речушку, за много веков сумевшую пробить себе русло в латерите. Её воды бежали куда-то вниз в заросшее зеленью ущелье.

. – Красиво, а Верочка?

– Сюда только туристов возить.

– Давайте назовём речку Вероника, – предложил шутливо Борис.

– А давайте, – подхватил профессор

По склонам холмов росла яркая зелень кустов и небольших, искривленных деревьев, перевитых лианами.

Природа здесь словно специально создала место для отдыха. Небольшая площадка открывалась сразу же за поворотом: две скалы стояли перед нею, как ворота. Дальше тропа шла немного вниз и пересекала по узкому подвесному мостику неширокое, но глубокое ущелье, на дне которого шумела вода. Направо ущелье расширялось в заросшую кустарником котловину, окруженную, словно стенами, причудливыми скалами. Оттуда доносились звуки, похожие на лай и другие, которых Борис раньше никогда не слышал.

– Обезьяны, – вдруг произнёс Акимцев, ни к кому не обращаясь.

– Где? – спросила Вероника, схватившая капитана за руку, будто невзначай.

Она тщетно пыталась разглядеть что-нибудь в хаосе камней и зелени.

– А ты присмотри! Во-он там...

Акимцев протянул руку, и девушка принялась вглядываться в указанном направлении.

– Вижу! Рыжие!

– Действительно, это обезьяны, – подтвердил профессор, рассматривавший ущелье в бинокль. Они носились между камнями, визжали, кричали, тявкали. А вокруг – зелёные холмы под ярким синим небом, залитым белым солнечным светом

– Здесь десятки, может сотни обезьян... – пробормотал Борис. – Они нам не помешают?

– Если надо – прогоним, – подбодрил его Акимцев и деловито кивнул на скалы.

Носильщики из Коро получили свою плату и были отпущены домой: их место заняли жители Буюнги и прилегающих к ней сензалов. Они приступили к работе уже на другой день: они расчищали территорию, строили легкие хижины из пальмовых листьев. Фёдор и Вера расставили палатки и приводили в порядок хозяйство экспедиции, распаковывали ящики и приводили инструменты в рабочее состояние, Иванов и Борис в сопровождении охранников расхаживали по окрестностям, намечая полевые маршруты на ближайшие дни. Население их лагеря – охрана, рабочие, их жены и дети – составляли человек шестьдесят. На «пяточке» тесно и шумно. Продовольствия было более чем достаточно. Туземцы ели все, что дают джунгли: всевозможные травы, листья, плоды, мышей, лягушек, крокодилов, змей, антилоп и обезьян. Но основную их пищу – тапиоковую муку – доставляли из Буюнги. В лагере геологов было два охотника, которые снабжали его жителей дичью: антилопами, газелями, мартышками, дикобразами. Они обычно охотились ночью с электрическим фонарем, укрепленным на лбу. Охотники прекрасно ориентировались в джунглях, окружавших гору. Ни разу не было случая, чтобы хоть один заблудился. Каждый раз, когда охотники приносили дичь, Верочку поражали ее небольшие размеры: серая газель была размером с зайца; дикобраз в сравнении с тем, что обитает в СССР, выглядел детенышем. В Буюнге паслись взрослые козы ростом с козлят. Их

иногда приводили жители на продажу. Только однажды охотники принесли на палке большого, килограммов в шестьдесят, мандрила-самца. Это был настоящий праздник, когда на их зов сбежались все жители лагеря: взрослые и дети. В лагере царило общее ликование, шум, визг, радостные крики... Один из охотников рассказывал Алеку:

– Я убил мандрила не на дереве, а на земле. На его теле была большая рваная рана. Я думаю, что он дрался с другим самцом, был побежден и изгнан из стада...

Удивлённые рабочие недоверчиво кивали головами, дети трогали мандрила за уши, за ноги, выдирали клочки шерсти. Мандрила сразу разрубили на куски, и раздали людям. Обычно же дичь опаливали над костром, разрубали на куски и раздавали рабочим. Затем они свои куски мяса либо варили, либо пекли на углях. Если мясо было в избытке, то его коптили над костром.

Работы по обустройству подходили к концу, когда после заката в палатку к Иванову зашёл встревоженный Акимцев.

– Профессор, – обратился он к начальнику экспедиции. – У меня для Вас есть новости...

– Хорошие или плохие...

– Разные, – уклонился от прямого ответа капитан.

– Просветите?

– Да, конечно. Но сначала у меня к Вам, профессор, один вопрос?

– Какой?

– Когда Вы сможете приступить к изысканиям?

– Вообще-то, мой капитан, – весело улыбнулся профессор, – мы уже приступили.

– Вот как?

– Ага. Пока Вера и Фёдор обустроивали лагерь, мы с Борисом провели рекогносцировку местности и обошли интересующую нас местность...

– Но мне об этом ничего не докладывали, – возмутился Акимцев. – Я бы выделил дополнительную охрану и проводника...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.